

Михаил ВОЛОХОВ

mvolokhov@gmail.com

ПРОСТУЖЕННЫЙ ЛЕС

Роман поэма

...За пять минут до того, как ему кто-то позвонил и предложил взять интервью у серийного убийцы, Гэлл Бэллл открыл для свежести в своем кабинете окно, и вылетела резко жужжащая тёмнозелёная муха, какие обычно водятся на дачах в деревянных туалетах с «амбразурой-ямой» и нароят из этой «амбразуры», ножки свои в яме с говнецом измерив, приземлится прям тебе на жопу, как на аэродром, блядь, аварийный, полазить по этой твоей жопе в поисках горючего - свежего говна, - а как ты её заразу попытался изловить - контрабандистку внетаможенку, врезал себе, блядь, ладонью завесисто по жопе собственной мимо этой, сука, мухи, блядь, а прям по собственному очку, с которого говно ещё опасть-то не успело, и весь в говне, блядь, из этого «амбразурного» туалета выходишь на дачную полянку, а воды горячей ни хуя и нет, - ты к речке, блядь, бежишь обмыться от говна, а в речке водопой - коров, блядь, двести пьет, ссыт и срет прям тут же в эту речку, - ты охуеваешь, но ты на родине своей - поэтому идёшь обсеренный, но гордый ты домой к себе на дачу, разве что в росе немножко на траве говно обчистив, не ведая того, что по траве, блядь, этой ночью табун овец, блядь, ссущих, срущих проскакал, а тебе навстречу пастушонок пьяный из оврага вылезает весь в совсем неопишемом говне и задаёт тебе вопрос - что почему ты весь такой обосранный, а интеллигент ещё, а ты глазеешь на него и, блядь, молчишь - молчишь, как Будда, блядь,- а сам обосранный действительно интеллигент российский спозаранку стоишь напротив, блядь, такого же обосранного крестьянского кормильца с деревеньки своего потенциального.

И такая муха-сука-пожитуха улетела добровольчески сейчас - видимого зла не причинив. Поэтому Гэллушка удовлетворённо запер дверь на ключ, устроился удобно в кресле, зашвырнул ноженьки на стол, как заковбоенный американец, который выебал сегодня скотоложно не искусственно, а даже прямо натурально козочку свою в её прямую, блядь, кишку, по мере меланхолии своей - семи, блядь, месячную козочку свою, блядь, в ванне, предварительно её шампунями отмыв и клизму ей с ромашки в попку сделав десять раз не меньше,- и, с закрытыми глазами стал пофигистки, с харканьем, с соплями-придыханием лузгать семечки оторванно-моторно и слюняво, правую ручонкой вскинув на живот пустую

коробчонку из под ксеркса для отплева этой, на хуй, никому не нужной семечко подсолнуховой сшкурки. За эти пять минут проклеванных проёлбанных-бесценных - как любые, блядь, другие пять бесценнейших минут - ему и даже пригрезился сон, как он взбирается на нечто закакую-то заёбовысоченную заснеженную верхотурку горку на метле яги бабёнки, чтоб на вершине самой пика коммунизма набрать искрящегося, блядь, ледяного леденца ледка, натопить с него дистиллированной водички, напоить ей до упору и усрачки в долине истерически котёнка мяу-мяу, но и на хуй тоже всех, блядь, мышек на свободу отпускающего. И перейти затем Сахару, блядь, чтобы потом в бушующих барашковых волнах доплыть до середины моря синекрасного, а там нырнуть на дно к волшебным рыбкам золотым, насладиться флорой днища океана - да там упиться, блядь, да и остаться в качестве планктона одного, блядь, самого.

Но на самой, блядь, во сне горе вершине сидела муха-цикатуха величиною с бегемотика в тонны эдак пять и делала лавины оказалось из снежного гавна, как ей придёт на ум, поедая сахарную вату вместо туч, и хоть был он на метле - но ебануться в это все совсем не снежноароматное гавно он испугался шкурою всецелой. Вот так, блядь, - что-то очень он зимой алкал, мудака, снежочка чистого мудями окунуться.

Этот абсолютно ёбнутый пятиминутный сон успел привычно связать морским узлом его, покрывшиеся гусиными мурашками почесунчатые яйца, как неожиданно телефонный звонок, как удар кинжалом всквозь в семяизвержительный канал - зашторил эту мутотенную с морской медузною блеваловкой тьму-тему виденья подкорки, видно, мозга черепного.

Он еще с закрытыми глазами снял телефонную трубку, и кто-то там очень вежливо-нимфеточно подпискивающим шипилявчиком предложил ему завтра взять интервью у серийного убийцы. На что Гэллен, открыв глаза, - холодецким мозгом, сука, согласился.

Ему, вернее, показалось, что это все продолжение вариации кошачегорноснежного сна о какой-то безумно тиноблядовитой зелёно-жёлтой жажде и не менее удрячливой, садомазопсихопатопрожилистомоторной форме лязго, блядь, логичной удаления её. Но как он ненавидел эту суку Фрейда, блядь, патологиста. Но, хуй-ли, сделаешь теперь. Фрейд, неуч, пёс колясочный, подход уже давно - в своей болезни даже и не разобравшись, а разборчивые книжные дельцы печатают его, блядь, дететективы сексопатосериальные без логики ебливого конца, но с хуем вместо бабочки и галстука в смокингах обложках. И тут живешь - в Москве - в 2000 году - читай ебучего, блядь, Фрейда хотя бы в туалете просираясь. А где ещё читается-то Фрейд, когда тебе уж лет сорок въебашил по хребту, а хуй еще стоит и удлиняется в размер любой слониховой пизде, и палки продолжительностью блещут китайскими стенами и стенаньями, блядь, будто на кол ты кого сажаешь, а не на хуй. И ебал ты Фрейдов всех во тьму дыру очковую, немчар линейных, курскою объёмною серьёзною и русскою дугой, блядь, кочерыжечно. Да просто, блядь - читать не будешь то, что все сейчас помойного читают - пойдет между коллегами - (вшивовой вшивотней) пиздежь, что ни хуя не шарить ты, блядь, в культуре современной, ебарь хоть ты мальчик самый первый современенный средь нас с непадающим хуем покорителем. Фрейд пидар сука, знает, в чём моя проблема? Только из-за этого немчирного плювгая, блядь, сука, в жопу изверженья хуй чего, но только не живительной, блядь, спермы - собой кончать я никогда не буду, хоть усритесь, бляди вы немчурнейшими возгласами послемарксапердежа евреблядьремонта еврейского. А то, блядь, - знать неукоснительно он будет фрейхуйчонок - в чём

моя проблемма приебонилась, когда собой покончу. Хуй, блядь, только вам когда, я из-за этой суки Фрейда - штабного мужичёнки, зашлагбенка удубасюсь.

Но всё-таки Гэллен опять открыл глаза - представьте, сука, волю - и это успокоило теперь немножечко его. Ох, блядь, сука, Фрейд летающий вафлёрный в подсознание - хуй, блядь, увернешься щелью даже русской мозговой. Гэлл Бэллл открыл глаза, ребята, братья, блядь, брательнички, братки - чтоб все же записать, блядь, место завтрашней встречушки, а не надеяться на память засорённой хуй, блядь, чем - какими Фрейдами и Юнгами мандатами. И шариковая ручка, сука-тварь, что-то тоже поначалу не хотела пиздорватия писаться, и он стал ее фаллосно, с упругой кровяной, блядь, нервически расписывать, как целочку ломая, - попросил на том конце телефонного провода потерпеть пизду секундочку, и, записав, причуда, блядь, вконец место и время завтрашней стрелки, потихонечку-потихонечку-полегонечку-полегонечку, сукочка - очень замедленно - как проходит самодрочная улитка по стеклу - словно хуй ползёт в штанах на ещё не разверстальческинепахотную целку резвосочную - стал осознавать, зачем ему позвонили и чего от него в результате хотят эти замшеловые бляди-люди, блядь, не перестающие ебаться и рожаться и, блядь, и сраться, и воплощаться-становиться сериальными убийцами с нимфетками секретарями телефонными - с их клиторочками во рту на языке малосоленными и дальше, блядь, в пизду всем рылом и жевать, жевать, жевать и думать о Христе и о любви Небесной, но как при этом, блядь, ее пизду молочную ЖЕВАТЬ-ЖЕВАТЬ-ЖЕВАТЬ, чтобы Проникнуть Желваками, блядь, во все пределы Мироздания да и своим теперь таким уж точно, блядь, космическим пропитаннейшим яйцеклетками в замесе со сперматозоидами, Блядь Вездесущим Мозгом. Ух, это, блядь, нектарнейший напиток порождающий ДОБРО, БЛЯДЬ, ИСТИНЫ ЗВОРЧИСТОЙ. А так, блядь, люди, граждане, собратья по воздушному пространству - по простому и другому ИСТИНУ из жизни невозможно выебать мощами и хрящами и бадлатыми немецкими мозгами, как только, блядь, Набоковым Вовой в пизду Лолитки окунуться с головой и маньячить там язычать, чтобы человечно жить.

И не надо, блядь, пиздеть, что Гэлл поначалу даже там лёгонечко вздтрухнул, но слюну першитительной задумчивости он все же, потянувши шею и зевая, змеюга-сука, Трехгорыныч проглотил. Но это прямо скажем - машинально-тривиально. Ведь через мгновенье Бэлл уже артериально прочно встепенился - влил в себя кваску, и уже просто пиздецово заливающимся, бархатистым, солнечным-изрядно-взрыдом вдохновлённо зачервлённым шипилявчиком попрошайчато спросил повторить час и место завтрашней «высотки братской маньякальной», сука, поутру.

- Да-да - я знаю этот сиреневый скверик и ту скамеечку напротив белопудренных берёз, версальнейших жеманок шелестяшек, - как пушок лобка десятилетней крошки-детки - там нам, надеюсь, действительно никто не будет отвлекая пукать в ушки на макушке и воздух там небесносочнокислороднопиздецовый пиз... газов выхлопных - как на Джомолунгме, кладбищенской горе, блядь, на которой, к счастью, не бывал, чтоб хуй не отморозить там и яйца до гангрены, сука, блядь, необратимой. Пригорок-скверик продувается насквозь - перекорёжив рожу, улыбнувшись, Гэлл заделал по-простому эту фразу - будто несколько волосиков вьюнцов застряли меж зубами у него, когда сосал сейчас домашний Лоркин клитор будто бы, в натуре - но на том конце телефонюги его лица наивного цинизма наслаждённой морды, естественно, не бачила воочью секретаршица, но с трогательным трепетом, блядь, самочки сочащейся как клитор-с язычком-с всхлепнулась, всечующей, всехочащей хуи за километры - своей душой - немеренной пиздой, которая умеет эластично

сокращаться и казаться девственной, как в самый первый Сотворенный Богом РазОбраз Приказ.

- Что я люблю лакать? - он даже не был удивлен таким по времени протискнутым вопросом предложительным, хоть даже хуй его почуял шелест губ ее и кончик язычка. - Да я люблю вникать в кишку Сотерн, немея - для поддержания души на склоне пиздосчастья, - подумал про себя наш Гэлл поэт, но лишь сказал, что де вот атлантический Сотерн из под Бордо его умащивает мощи очень мощно сокрушительно.

На том конце телефонюжечки, блядь, знали, что такое есть Сотерн не по наслышке. И как ни удивительно, и как ни поразительно уже потом, минут через пятнадцать, сука, «Это знание Сотерна, блядь, не по наслышке телефоньюющей минфетки» его более всего и прозефирило по почкам шоколаденно - и Гэлл засербрился под рубашечкой золотистым потом - невидимкой, блядь, простудопиздозавершительным подчас.

В лишь секунднй долемилизамандраж привело сомненье, что пиздёнка с леденцовым-пиздецовым - нераспотрошательновлагалишным дискантом на том конце, блядь, смычки телефонной прекрасно, сучка, разбиралась в винах и с кем Сотерн совместно эрочительно лакающе кончают, в свои такие, судя по вздыханчику, совершенно клиторносместительные молодые годы, месяцы и ночи, блядь, как ебаные дни.

- Хорошо - до встречи. Я непременно буду - мерси за приглашение премного неземное. Ах, это будете не Вы - Вы, просто птенчик-секретарчик. Я догадался, разочаровался, но спасибо - я попался. И усмехнувшись, сука, блядь, не сердобольно, Гэлл Бэлл повесил трубку, блядь, довольно и опять привольно, ссука, раздрочительно и с солью продолжил лузгать семечки калёные, с совершенно широко уже открытыми глазами - зрачком касаясь клитора япошечки как будто - китайским сексом мысленно ширясь не только всей душой.

Но тут налезли чё-то непредвиденно нервические тучи из субстанции души - его кристальный взгляд зрачка уж сам паскуда, как недовысранная глисточка-головка-клитор от Марии Каллас стал лихорадочно блуждать - кого бы выебать действительно сейчас на стеночке, блядь, потолочке, шкафчике, блядь, полочке, немытому какой уж год окошечке - его замызганного обсёром внешним птичьим кабинета заместителя, блядь, главного редактора по криминальным амлетным растираниям, в пизду, расследованиям, как бы до паштета - одной столичной центральной респектабельной газеты даже - вот куда вознёсся не думая-гадая по судьбе наш клитороспаситель пацифист.

- Когда все это квёлое советское дерьмо отремонтируют снаружи и внутри, в залупу и в пизду, - прошкипело откровенно по-хуистки не совсем в его прощеленных пизденками мозгах, - когда все это прокажённное советское дерьмо споносится, в конце, блядь, хуй какого знает брезультата, в чернодырный, но и белоснежно белый с металлической кнопочкой вудавленной под пальчик чешский прославянский унитаз? Никакого же приeba - тем более за нищие подсосные гроши, усерно въебывать капиталистически шлифованно на бывших хрюшек сопельносмазливых коммуняк.

- Да, блядь, сука - так всегда вороны чёрные клевали на снегу разброшенных, взъерошенных в своей крови - французском соусе - котят. Эдгара По припоминая щучьим взглазом, и клювом Небожителей Земли разбрызгивая мозговую кашечку по травушке в крови... Да, блядь - Никогда - не Выебешь ты Кошечку Вороной - а только Жопу всю свою Короной издерешь. И тараканы эти еще сталинские усатые с тех времен узкоколейных вагонетно шмыгают корчагински, заразы. Газеты дожирают до гавна. А что им еще здесь дожирать у него в смердящем кабинете, кроме

прожелтевших плесенью газет. Кофе у него - в закрытой баночке стеклянной - не хуя, блядь, баловаться в срасть. А давить safard(ов) рыжих чубайцов пальцами ж противно, блядь, кишечечно, бацильно, блядь, и длинно. Это как бабу, блядь, - сначала выебешь, а потом соображаешь - на хуй ты ее, сучару, хоть и с красивой мощной жопой, блядь, и личиком мимозным выебал в корьягу. А через полчаса и снова по второму разу выебал в усяру. И снова, блядь, меречишь в течении последующего часа - а, на хуй, ты ее, сучняшку, опять-то в попку наизнанку прилично-неприлично выебал в корьяжечку-то эту и усяррочку с дуплетом и приветом, блядь. И снова, ее, сучечку сисярную ударно так - как полчаса-то отдыха прошли биологичные - до голоса потери в связках - в счастья так визжительно орала - выебал приличнейше коварно куда-то глубже между глаз под носом в рот (конечно не ошиблись) - чтобы не в пизде окончить - до аборта чтобы, на хуй, блядь, не доводить вырезки кровавой человека. Гуманистом, сука, Гэллик был, и до убийства своего ребенка в ебле еблей еблю никогда не доводил - умел кончать на спинку девочке или в ротик, на животик, сисочки и просто на простынь. И вот так же точно всё точнянчески в следующей проебле, на хуй - думственный процесс, блядь, разгорался и коптился - про то, как бы ебать все двадцать пять часов за сутки и просто хуй не вынимая из пизды всю жизнь, но в то же время, блядь, ходить и на работу, деньги на карибы заколачивать, да и по другим пизденкам как-то блядовать. Нет, блядь - так вот не получится, братва. Если хуй в одной пизде - в другой пизде он в это время быть не может - такая, сука, блядская философия существованья. И, блядь, всю неделю так вот, на хуй, все, соображамаешь и думаешь и думаешь, блядь, на хуй. Ебёшь, получаешь при этом колошмательное, сука, несказанное удовольствие, но когда кончаешь ей в пизду «смитанушку» свою - всё время, сука, озадачиваешь бошку - ну как же её, суку не ебать, но быть удовлетворённым вечно и заебанным сполна - без меланхолической удавки. А тем временем там месяц, на хуй, ебли беспросветной на подходе. А ты её ебешь, сисяру, и ебешь - и не нарадуешься яйцами своими, что хуй твой держат выше горизонта и как восход, блядь, солнца головка красная, блядь, хуя твоего встает и вечно поднимается зарею и в её, блядь, губках-то минетных утопая будто в океане мировом. И так там год протикал-простонал. А ты ее ебешь все и ебешь и так привык, что кажется ты просто никого и не ебешь и, блядь, хуеешь заебавшись вполне, что никого ты не ебешь, когда ебешься, блядь, в умат все время непролазно. Вот так, блядь, можно охуеть от ебли этой беспробудной и такая, блядь, мораль вылазит из души - вздыхательно-внимательной подружки - недостойна ничья, блядь, пизда, чтобы ее ебали хуем втыкательно-скрывательно шпионясь - в хуй каком её незнамо месиве менструйном - с лавами бациллов миллионных. Разве что беспомощно и понимаешь это, млея в счастья хуя быть внутри пизды подвижного разврата. А десятилетия прошли, а ты ее ебешь все и ебешь, блядь, на хуй, Господу во Диво Очень МИЛО. Тут умирать, блядь, время-то настало, а хуй твой, сука, у тебя - в ее, блядь, жопе дуговой пружинной шарнирует в это время. Вот так и удыхаешь с хуем в пиздяшечном анальном лабиринте то ли жопы, то ли рта, то ли там пизды - микробнейшей, заразной пизды. А на хуй ты ее ебал - щель спермою лудил - так и не понимаешь, на хуй - какого хуя ты ее пиздорасфасовку ебал-то её, на хуй, Гриня-Дуню молодец - молясь, блядь, на неё и только ей, блядь, Веря. «А хочется ебаться, блядь, всегда - жизнь продолженья, сука, требует пизда». Объяснение, на хуй, ходовое распространённое, блядь. А почему хотелось, блядь, всегда ебаться, на хуй, сука? Хотелось потому что мочи нет терпеть до смерти, блядь, дожить, когда уж точно, блядь, не хочется ебаться. Она моченая пизда, а ты сушенный хуй, блядь. Пара, на хуй, сука, - ебучая Гармонии Создателя во Имя Святого Малыша. Нет, чтоб

мальчика ебать - действительно - какого там святого малыша лет, блядь, девяти, как Александр, сука, мальчик Македонский между схватками-боями - весь в крови и с кровью в жопе, блядь, ебать, а если что - штычком сначала пробуравить скважину в анале, блядь, канале хуеходном, сука, мальчике.

Ну, это, как таракана засветившегося на кафеле, на хуй: не раздавишь таракана, который выполз на Свет Божий, которого можно и надо раздавить - совершенное измывательство над психикой - ещё и в этот промозглый непролазный переходный переполз из соцкапитализма в капсоциализм на анархической залупе под названием либеральная анальная душа техногенногробовых заклизмов, когда, блядь, все системы человечьи тектоничнодемократокапиталистично доказали поломали хуй на свете всю свою ебливую духовную потентность анти и в ебнутом мире безумия Безмыслия осталось Быть и Выть одно блядское в Вечность блюющее Пространство Информационного Поля глобальной-динамической-тотальной-полемиической с двумя полушариями Жопы прискорбно человечьей по теории мозгоподобия злосластно относительного, в, на хуй, только как в пизду-щелюгу мозга, блядь, Эйнштейна.

- А если б сделали в редакции ремонт, замазали все щели, - в форточки вставили кондиционеры - такого рода тараканы-натуралы даже по наружным стенкам не смогли бы запоганиться-запартизаниться по помещению - по щелям-то его. - Думалось-казалось так ему в очкогеморойную кишку. Но об этом эволюционном шаге в великой борьбе против тараканьего засёра - можно было только и мечтать.

Акции газеты за последние два года перекупались различными бандитскими банками уж который беспредельный раз и всем политикотехничным него-бля-циантам было в элементе по хую до ремонта помещения редакции, тем больше до обживших ее, как собственный поганник приклатненных сексуально плодовитых тараканов. Банкам лишь время от времени надо было участвовать в информационно политической драчке - снимать-сливать гривны в зеленухе под выборы - ну, и эта газетёncia с вечно ебущимися на стенках тараканами была им подстать, как надежный - кондово не рвущийся, сменный, многоразоввразвратный, моральносуперпоучительномечтательномочительный, презервативизированный, мессоромидийный през-с. В этой газете работали довольно-таки шустрые, как и их тараканы, интеллигентные, шустро ебущиеся, с мозговыми извивистыми черепушками, но вполне анальные людишки, которые за любой пипеточнокапельный спермозеленый толстокишечный долларовый влив могли запросто-сноровски менять политическое направление хуя-века кожицы газеты - то в чью-то там забывшуюся жопу, то в чью-то там несметную пизду, то просто в чей-то перегарный рот беззубый коронованный, - оставаясь при этом почтенно востребованной и даже у архирафинированной, истеблишментской, скукоженной, безграмотнейшей, всамделишной, просто ёбнутой на бабках-бабушках, блядь, интеллигенции, но тем не менее знающе-ебущей толк в изысканнейшем политическом сексе не по наслышке - на чём, блядь, деньги-то и вклянчивает смачно шмонька-встанька шаровая - интеллигенция заклиторного рая.

- А ведь лишь Смерть дает возможность Жизни дальше в Настоящей Жизни находиться - входить в замеренность Божественной Природы по Вселенскому Уму. Если б Сталин жил нам вечно здесь, сучара-душеруб - Анютины бы глазки с клумбы только б блюбовались миром. Да с другой-то полноценной стороны: что такое наша, блядь, пиздоннышная интеллигенция, - продолжал домысливать Гелл, - очень учёные неучи - учились лишь учёность, блядь, чужую, как гондон носить беретиком. Он посмотрел на часы: блядь - из редакции-то можно было давно уже сливаться-съёбывать по существу базара. Можно было даже и совсем сегодня не причапывать в редакцию, но он шнырял по городу, как гавно в проруби, где-то

совсем близко, ему захотелось своего отлично прожаренного кофе, а у него в стеклянной баночке был свеженамолотый, сука, кофейчик пиздыра, принесенный вчера из его яйцегреющего гнездышка типа конуры.

Жаренные зерна кофе хранились у него в малоквартирном ёбанном жилище в морозильной камере, блядь, в целофановом пакетике с дырочкой ужатенькой пластмассовой прищепочкой. В редакции, сука, ему до сих пор не поставили в кабинет личного холодильничка, на хуй. Хотя по рангу - полагалось, блядь. А сам он холодильничик в кабинет покупать себе не хотел из Прынцыпа ебёного Пранципа. Хотя на душ в собственном кабинете разорился, на хуй - скорей его «личные завязочные клиенты» разорились бляди. Но душ - «святое-вещее» в функциональных означенных зачетных координатах, блядь, интимных по вертикали клитора и в глубь, блядь, по пространственной пизде. Потом он и не хотел лично борзеться до того, чтобы в редакции иметь кофемолку и скрежетать её пещерным рёвомассом, сука, электрическим, ваще,- когда ему хотелось свеженького кофе, прибодриться. Хотя и можно было молотить кофий в звуконепроницаемом душе. Но не ёбнулся же окончательно, блядь, Гэллик до того, чтоб кофе, порошок в ёбаном, блядь, душе - он был, право, выше этого, гуссарские хуи и мои вы распотрошательные целки.

- А Заславжопский Македон, блядь, пидаргном гегегемон - молокосос - страдающий спидической спермой вертуальной, фотограф театральный развратило-отвратило, с жопою сквозной во всех своих поползновенческих порывах в области запечатленческих учуйственно прочуйственных сценических исхуйств, - не имея холодильничка, а стало быть, по факту и режиму - не имея хорошо сохраняющегося кофе в зернышках с прищепочкой на дырочке целлюлёдного пакетика, а шебуршит, скребит спермак отлиз в своей фотографической камерке кофемолкой, дробя до пудры употелой свой дешевейший сорт перегорелого, к тому же, кофе, сука, в зернышках прыщевых. Младой народ борзуху гонит нынче взвязно и отвязно не за по, блядь, поганам на седых висках головки хуя недотёртой в некогда и царских, если свежих, пизденях.

Да, блядь, для Гэллика зайти в свою редакцию лишний раз со своим в штанах стоящим хуем в двадцать восемь с половиной сантиметров - показать ретивое свое усердие шальное конечно не на фоне задроченного своей же пиздарностью Заславжопинского манды, блядь, в тубетеечке - просто тем более паче - недавно сменился главный редактор - К.К.П. - Конкордий Кронидович Питпрушкин перекантовался перекантропопился на Ф.Ф.Г. - Фалассия Фалалеевича Геймерзкого - а кто уходит по отстрелам - теряет свою насиженную лакомую точку отсосную под отлительненькую точненькую пульку - на большого карьерного зверского зверя, блядь,- эту французскую пословицу-условицу, годившуюся для любой геополитики - Гэллик нежно, незабвенно нежно, блядь, температурно чувствовал всей своей сорокалетней кожурицей.

- Жить ведь, сука, надо и не понарошку, выживать ещё, блядь, круче надо с точки зренья Времени, как Вечности, вмещённой в средних семьдесят, блядь, лет. А хуй-ли, блядь - куда деваться - надо, блядь, стараться и не отставать - тем более, что Время нынче, блядь, пошло срезая Путь в Гипотенузу, все катеты послав к ебёным матерям. - Хотя Гэлл прекрасно понимал, - что любое Время - это время всевозможных невозможных перекрученных уклученных в Гиперкатенузы перемен и только дурак азартно, и со спесью песней загоняет свои яйца как бильярдные шары своим же хуем-кием в лузы на отрыв, чтобы, блядь, не вырвать, и продолжает гимны петь бифшткса с прежней выпущенной кровью, и кукарекать - какой он вкусный будет в супе на обед в кадетнокатетной кастрюле Времени Гипотенузного Сего - как

этот, сука, под пидара косящий забойный, настоящий пидар, блядь, Гаргегегемошка, который до сих пор не может внятно отпрошиплять фамилию их нового главного Воистину Пропидармотного редактора - хотя Фалассий Фалалеевич Геймерзкий встал над всеми в их газете пидарами резко - яйцами фривольными треща и трепыща, и пыша, и громыхая, уже как, блядь, недели три назад со своей действительно, как заебёшься выговаривать членоразделительно, в черствительный хуямб, своей фамилией, в промокшую пизду его, блядь, хуем недоёбанной его и брошенной, в пизду, к хуям другим, которые с нормальными хуями подхваитили - жену его - уж и забыть там сколько лет назад, когда, блядь, не всхотела блядь, чтобы на кухоньке он там поебся с каким-то первым пидаром своим пропедерусом, когда они имели, блядь, для ебли всего одну хрущёвскую квартиру однокомнатку плюгавеньку.

Перед тем как выйти из редакции Гэлл позвонил своей ушибительно свежей относительно - с прошлого месяца Ларёнку - кролику пушистику - как бы и возлюбленной пиздёночке еще при свежем нежном и прозрачном клиторке - забил стопроцентную амурную связку на ночь у себя в домашних ковровых амбразурах и... уж затем унеживал утружливо по полчаса биографику заветно, придя домой, нырнув в крахмальную постельку, в её пиздёнцию душистую нырнув и гладь лобка пушистого пронзив своим красивым длинным ненасытным ассирийским хуем с розовыми яйцами в основе... взаимно-с нею Ларкой-пиздёночкой вздыхая - как бы, блядь, молясь, на её пиздень доподлинно святую, принявшей в свою келью лишь его - единственного хуя - как в цветном кино. Несмотря на бесконечность роя желательнейших мыслей этой, блядь, святящейся божественной пизды накрыть-ебать хуёв, блядь, всех - в настоящем времени живых, стоящих - вознесённых, сука - всех воистину испаривших - всех святых хуёв ебать одновременно. Да, блядь - прехорошенькая лапонька у нашего дружка была подружка. А что вы хотите? Для такой хорошенькой девчушки он и «проникал» во все ее святые золотые царства всю ночь своим не менее забойным средоточием телесносокровеного лямура-спининга-живца на полную катушку - без продыха, но с рвеньем что-то там ещё дорвать-прорвать-порвать - чтоб вспомнить было что - перед последним вздохом повсеместно гробовой судьбинушки-судьбы.

Хотя в семнадцатилетней Ларискундии-нежнинке и рвать-то было нечего уже, но желание порваться уж в который раз в ней свято было вгененно эпохой блядовитой за окном уж очень дождерождевительно. И именно, благодаря такому схлесту до рванины, Гэллик поутру встал заметно отдохнувшим, без синюшных под глазами дуголей - словно после удачной рыбалки на голодранцев сорванцов голавликов - ебать их, блядь, крючком и с перчиком в уху.

После холодного душа плотно позавтракал с этой блондинистонимфеточноебущейся Ларюшкой, пообещал ей, что к весне они на деле и поженятся (не хуя себе пиздел не завирался) с колечками на пальчиках средних правых рученок своих - ибо к весне его лямурный блядовитый спининг будет проситься на рыбалку каждый день по двадцать пять часов в мгновенье и ему смертельно невозможно будет из Ларюшки пиздёночки волшебной вынырнуть и выскочить на противоположный слиняжный бережок - из ее такой нежняцкой, женского прекраснейшего рода, бахчевито сочной, пиздешечной пиздушки - лабиринтной щелки-дыньки витаминной, протянувшейся чистейшим фьердом эко, блядь, логическим - от нежной попки и до самого пупка, - где райствуют русалки золотые с мечтой ебаться только Глубоко-Красиво; и выполнять заветные желанья Хуя - Все - ну, например - летать хотел бы Хуй в Небесной Синеве, - когда, блядь, отъебал кого там в жопу

фигурально затруднительно, но очень, блядь, при этом охуительно. Хотя, серьёзно, если подходить к вопросу - к сорока годам любые сочносмачные телухи его интересовали лишь на предмет разливочно-отливочно спермушный, блядь, весенний - берёзового сока в баночку любви потрахаться-сцедить по раза три в неделю каждый может день, но никак любви осенней - с урожаями детей для совместной жизни в зимние суровые года до порога ледяного гроба, - уж этого такого бесконечнозаметельного, замершеклятвенного, кровезамесительного ухода-входенья своего смычка, блядь - симфоничнейшего хуя - на вечные заматеринские лета - в камерный фамильный скрипичный анальнейший концепт - и в результате в энтропию смерти при жизни с открытыми глазами, - так он философски флагманторно капитанизировал, - короче - это новое убойное семейнобытовое породнение с блядью (а больше-то кого ебать, чтобы любить) - он мог себе представить лишь в кошмарном сне на «дне» тотально несовместной семьи тоталитарной пиздорватии.

- Ты принципу любви друг в друга не принадлежишь с детьми, блядь, отчлененками с естественной проблемой счастья только им сначала сорванцам, - уныло-заморально рассуждал. - Да уж буду прокаженно трахать энную количеству нимфеток, бояться СПИДА, триппера, хламидий, но не надевать гондон - пусть рожают тех, кто хочет, блядь, родиться, в яйцеклетку получив его сперматозоида родного по роковой циклической еблической рулетке - лупоглазых ангелокрылатых существёнок. Эх, куда еще тебе, дурашка-членик надо учлениться - хоботок бытийственно убийственно мокнуть? Сегодня у тебя эта сотерновская поутру встречуга со звездным серийным убийцей, - ты сделаешь забойнейший маньячнейший репортаж на первую полосу, снимешь потом в зеленых бабках гонорар, слава прибогемная возрастет - новые нимфетки так и полетят на этот масмедийный аромат печатанной листвы-пиздятенки живой к тебе в постель под одеяло на кудрявый хуй - только что б единственно без СПИДА и у тебя стояло бы солидно - чтобы было видно, что ебешь, а не обидно, когда блядь голая с пиздой на тебе найти не может хуй куда, блядь, знает увисший в жопу хуй.

Все они блядухи - пиздёнки-прилипючки в помоле ебли так кончают озверело с крови, насилия, сексухи, когда дерешься, а потом еще ебешь. Да чего тебе, еще, писашка-журналяшка надобно от пены своей спермы - такой же спермы жизни, спущенной на позвоночник филигранно. Лоро с тобой блядует в свои пятнадцать лет - на вид и все двенадцать, которая тебе так нежно лижет яйца, что у тебя встают и начинают сами, блядь, с собою ебаться, блядь, и рваться все твои волосики на жопе, на ногах и на груди, и даже, блядь, извилины в мозгах становятся глубоче. А в свои пятнадцать лет в провинции когда-то - ты мог, сучара, разве представить эдакого счастья невозможного, скользяще уходяще приходящего, по glandam-нёбышку в диролловых девических, блирических устах? Потом Ларёк рожать не может точно - рассказала, поклялась - у нее был кент, который «деточку» хотел, но она не забрюхатилась - потому он кент кентовый её и отшвырнул. Воистину осел кентовый мерин. Ебал бы и ебал. И вот Гэллик уж которую неделю наслажденно трахал Лорочку, не думая что слил свою, блядь, драгоценную спермушку под яйцеклетки на дрожжи в пизду ее брюхательный канал.

- А может врет, что забеременеть не может, - размысливал-домысливал наш, блядь, хеРРувим, - привлекает-привлекает траханьем богемным без противозачаточных пилюль, а сама пиздагладелка таблетки гормональные глотает под матрасом, пизд-от-гадка, втихаря. Ну, это мы еще посмотрим, если собралась, блядь, наебать. Во всяком походном случае - гуссарские все триста баксов на качественный аборт у

хеРРургического нового буржуя по профессорскому счету у него всегда были призагашены на пожарный девичеразносный в ширь катастрофический хермент.

- Да нет - у Ларки, по-моему, даже, блядь, это чувство несказательной христоровадной вины, что она и мне не может родить в перспективе, позаривающегося на его паркетную жилплощадь каждодневной ебли в жопу там какой пизды, последника. Ну, это мы еще доразберемся, - Гэллу ребенка было не надо - это что, блядь, вилку проглотить. Ему нужна была молочная - минимум семнадцати, солнечно, зимне, весенне, осенняя, летняя, влагалищно экологически чистая, как норвежский фьерд, но при этом тепленькая, гейзеровская человеческая женская достойная еблывая пизда, с округлой, мягкой, но когда и надо - попочкой упругой - с приветливой, обжимистой, но не зажимистой, ароматно благовонной пипочкой - человеческой дырочкой. Наверху - на голове - если действительно, как человека, хоть и девочку, поставить на ноги - нужно было его девочке-пиздятенке, естественно, иметь смазливенькое личико с пухленькими губками, в чей целомудренно развратный ротик так всегда хотелось нежно хуем тонко и по glandам вострепенуться-запорхнуть прямо, блядь, к сердечку самому сразу после попки для потпитки. Так же, естественно, нужны были и Ларулькины, в несбыточной надежде, правда, навсегда пока еще арифметичные мозги на уровне в за дважды два в четыре, но в анал по каефу - в абзец. Ебстебственно, ЛЛаРРиССульчику он ничего подобного так лирично-погранично не поэтизировал палЬльезно перлы из своей сногвалящей души. Был научен горьким опытом много бабе с позаранку да и просто не пиздеть.

Не пиздел он также, натурально, Ларисфундии и о своей бывшей женушке Наташке, и о дочке Светочке, к которой Наташка его на километры не подпускала все последние несметные года. Плюс к тому - чернейшим образом его любимейшую дочку Светочку - настропалаила супротив него, мурловка.

Он в молодое милое доброе время наддавал Наташке спортивными здоровыми ногами в туристических ботинках по здоровым её почкам из-за ебли ее с неграми, чтобы отрубить, а Наташка, блядь, она и отрубилась, но очнулась - ну и посадила его, сволочь, забияку - на пятнадцать суток посадила ссука гада у лубянки чистить снег и спать ночами в обезьяннике на голых нарах, туберкулезными бомжами прикрываясь, блядь, да и такими же матрасами. Ну, это она по молодости с неграми блядовала, а он, ебственно, не знал того ее зачёрного живительного блуда, блядь, при окольцовке лоханулся в ЗАГСе по незнанию и прожил с ней, пиздой, африканами проёбанной, по-пушкински разжёванной, пятнадцать даже лет. А через пятнадцать лет годинок вешневодных, сука и счастливых, соседи всполошились из-за зависти к их счастью - с вещей истиной по пьяни подканалы - ну и ему, блядь, на восьмое мимозное марта все и рассказали - выдали блудницу с потрохами,- ну, а он по пьяни - этой праздничной законной и счастливой своей Наташуньке, женушке-пизде, блуднице, суке чумовой, блядь, в восьмое солнечное марта с небом голубым не пидарасным - по почкам и всадил здорово, блядь, не как прощающий, блядь, грешницу Иисус Христос. Она же, ссука, была в восьмое марта праздничным бездельем здорова, и хоть водяры выпила немало вместе с ним, но, блядь, закускою говяжьей регулярной в отличьи от него была пьяна, но трезва одновременно в это время, сука!!! Вот же ссуукаа какова сиповская падлюка!!! Ну и пятнадцать суток ему, и замочила с помощью заказанных ментов по телефону. Тварь та еще мольбертная, семейная заветная хозяйюшка Наташка.

И даже сейчас, когда его дочке Светочке исполнилось аж восемнадцать сочных лет, и он несколько раз приходил к ним, когда пиздой Наташки в доме и не пахло - дочка его Светочка родная просто спускала его, родного папулечку, с лестницы с

штaketными перильными припевными словами, - если еще раз ты к нам, пахарик, явишься - я позову кого надоть и кого не надоть, и тебе, папанька, ссука, просто скинхеды дружбанчики мои отрежут голову тебе твою беззвучно, и, на хуй, как и надо - ножовочной стремительной зубчатой пилой. Вот так, блядь, воспитала ее родную речь, идущую из сердца чревооточия, чёрная Наташка белобрыся - любимую дочурку его Светочку. Но он надеялся - каждый раз, ебёный в глаз, надеялся, что с очередным его любверодительским заявом нежно грустным к ним - в свою семью единственную сказку - Светочка-дитяточка его простит, полюбит, попросит на худой конец, блядь, денег псевдовсемогущих - он ей, естественно, даст столько, сколько сможет недодать трудящимся, блядь, на него блядям. Потом они еще пойдут вдвоем куда-нибудь в кино - там он залезет к ней в трусы - к своей любимой доченьке Светочке, как Марлон Брандо, который даже и ебал неоднократно доченьку свою, поскольку с нею жил содомно, что и она покончила такая от отцовского инцестного любовного разврата несмыслёно-глупая собой, хотя с отцом, блядь, звездным звездочетом ебаться первая взхотела - Марлон Брандо лишь только ей не отказал ебаться каждодневно, как любящий отец, блядь, любящей дочурочке сиповке-симпатычке. Так виделась чужая, закордонная история ему - будь сам на месте он, блядь, этой брандомарлонской дочьки и самого Марлона хуя де Брандо.

Но, а, как ни странно, к сожаленью - агрессия его спермоматозоидной дочурки спермнокровной по отношению к нему была все более и более язвительно отчаянной - скорее даже зверски-изуверски мерзко каверзительной - а говоря впрямую по существу - беспредельно отморозенной - как окунёк морской без головы, блядь, в морозильниках по шестьдесят рублей - от которого, блядь, насмерть можно там и отравиться от свежести его. Но он надеялся, мечтал - он был отцом своей любимой, единственной и очень лотоснолепестковой дочки Светочки, которую он так по-отцовски, по-родственному, блядь, хотел инцестно уебать тантристки гухьясамаджански, чтоб не развратиться - и это была правда - она была фонтанною пиздой июнью дочка его Светочка и хоть ты оскопись, чтоб с хуем рассчитаться.

Да и, блядь, еще эта, блядь, дочка его Светочка, чтоб ему папаньке вделать, блядь, червлинистей больнее - истерично пиздаплюшечка захлёт всегда визжала, с ветерком спуская с лестницы умиленно папаньку: что ты не мой отец, папаня сука мерин - только мать моя, которую ебал ты ради ебли знает, кто мой отец, дерьмофродит, - кто ебал мою маманьку рабди, блядь, мани. На что он про себя успокоительно уже соизмерял - ну, так ведь это, блядь, и хорошо, что я не твой отец, ссыкуха - инцеста, блядь, воистину не будет рокового, а только дружба и согласие закона Хуя В-За Пизде, когда ебаться мы с тобою в жопу будем кармаизбавительно и в заглот внушительно-взвизгзвительно. А ебаться мы с тобою точно будем. Это хуй его ему нашёптывал уверенно об яйца ударяясь-глядясь-сопрягаясь колокольню. А хую своему привык он доверять - чтобы совсем не впасть в безверие концов с началами яиц. Ему ж, блядь, очень эстетически эзотерически садически лелеялось, когда она не невзначай плакала потом ещё чего-то и он в отместку сухостоя наслаждался, когда она при всём при этом истеричном антифатергармоничном оре плакала царевнушка-девчущечка родная шмарамусечка, что это единственное, что и утешало его - отца, блядь, гуропатрикеевича - эпохи развитого соцкомленстальфашигорбфрейднищедебелизма

- он понимал, что у нее - дочурочки спермойяйцеклеточной родной - есть сердце с льющеюся кровушкой слезиночкой из раночки, и, что она его, блядь, сука, поэтому возлюбит всей своей пиздой неразлучной, но пока еще не может его простить, хуй знамо, блядь, за что - а стало быть и выебать счастливо - простить и выебать отца

его за то, что не было, но был, блядь, у неё гурманнейший до ебли, блядь, рожденственский отец.

- По чьей, в пизду, вине всё это мозгозаебленье? Неужто, правда мало он Наташечку ебал-ебал-ебал - сперматозоидом чтоб в яйцеклетку зачухнуться - чтоб эта Светочка-дочурочка родная, блядь, сейчас спускала с лестницы его сперматозоидного папу так ненавистнически с пеной из ротельника. Нет, вдав уже в ответный разотчаянный садомазопиздопрохуизм, как ему взалкалось давече и взамерещилось, блядь, суке-невоздержанке, - чтоб доченька его утрахала папашку инцестно-тантро-праджнопайя-винискайя-сидхи, но откусила бы потом со вкусом - с него - свово папаньки балдометр - и, на хуй - в ротик, блядь - да с кровию пикантной - не выплюнула, радость, блядь, моя - а долго-долго бы жевала желваками со смыслом оригенского объектного бытийства, а затем - в горниле тертуллианского восторга субъектива проглотила. Потом бы минут десять отрешённо бы лежала на кушеточке, потом бы, блядь, нехотя-сонно-молчально - бально массонски ответственно - вызвала скорую помощь, и ему бы приехали лекарики в беленьких халатиках, и зашили на месте раночки кровавой хуя-линги-жертвочки - шёлковой, блядь, ниточкой да беленькой - со стальной иголочкой сквозной - кровавую ранку от хуя от зубов дочурочки, блядь, Светочки его - так по-принцесски, блядь, дюймовочно откусанного ею, вкусного - как только хуй один волнительный его и может быть на целом белом свете вкусным - в Светочкином ротике родном. И он бы, ГЛЯДИ-БЛЯДИ, вы мои - не умер б от потери крови. А Светулечка потом ему святая в больничную палату бы носила апельсины, абрикосы, киви, «хейхуя», блядь - манго-аргутанго, а он бы поглащая витамины, говорил ей, что, как любит дочку ненаглядышку, ебя её во сне в матрас с открытыми глазёнками великого дрочителя, блядь, поучителя. И Светочка бы плакала, как он, - с ним вместе - улётно-квотно мастурбирошально. И Наташка, сучка бы простила бы его уже такого - с откусанным совместной дочкой его хуем, счастливо-поздно тоже опечалась, и стали б жить они невинно-винно каясь, неразъёмным крепким треугольником после этого кровавого сплоченья хуем, блядь, его дочуркой испражнённого в белейший и чистейший-современнейший - в такой журчайнейше приветливо лепечущий словеночешский унитаз. Так «хуй» слился в бездну кнопочкой блицающей, небесно хромовой - на бочке с водою, блядь, на славянском этом дивном унитазе - в домике в деревне, блядь, где кроме унитаза, есть ещё берёзовая роща и сосна, и можно пить парное молоко, а потом и писать на лужайку, когда не в каеф, блядь, тебе идти до унитаза, на хуй, деревянно амбразурного, что во дворе уж было сказано - с дичайшими зелёными, блядь, мухами и пиздец, пиздец, пиздец - без остановки - с нажитием добра в деревне той, и в домике в деревне, где, блядь, хуй его гавном спустила дочка в чешском драгоценном унитазе.

- Но не судьба такому счастью было сминоваться - надо с тем смириться, комиссары в пыльных членах вы мои. Светочка уже давно колоться начала - и это было явно палачевно. Хуй сил теперь, блядь, хватит ей оральных - мой хуй такой гуманитарный - так грубо, но небесно и инцестно откусить...

И поэтому ебал нимфетку-Лорку Гэлл семямейственно своим на месте хуем репортёром. Тем более Ларок о прошлом его хуя и не спрашивала. Тактичная нимфеточка попалась любвию несказанно-несбыточно пылать - тоже, видно, там она была с какою распиздятельной печально христианскою историей проатомной войны взрослой жизни с детством чумовым повязана беззвучно-неразлучно пронеитроненно насквозь.

В тенистый скверик на пригорочке - на высотку-стрелку с серийным убийцей Гэлл пришел на пять минут пораньше - как бы обвыкнуться с «местностью» - чтоб «местность» его как бы изначально полюбила и могла его на всяк пожарный, аурно подзащитить, придать силёнок - ведь, как бы ему не было по-хуистки всё до самобезопасности по хрени - все ж он отдавал себе отчет - встречается сейчас с серийным маньяком убийцей, о котором по Москве ходило столько диких натуральных рассказней, и Гэлл уже об этом маньячном совершителе, блядь, потрошителе и завершителе, фантазии не присовокупивши даже, брызгнулся пассажиком газетною слюной.

Лавочка, на которой должна состояться беседа - была достаточно сухая - хотя с ночи до девяти часов утра дрюшлатил проливной мокрило орошатель дождичек. Сухая - дул теплый летний ветерок - и после дождичка, бля, чистая, в пизду - как лицо омытое мраморно хрустальное от спермы непорочной примадонны, на хуй, по ушастикам.

Гэллен достопримечательно, по-новорусски сел усидчиво жопенькой - закинув ногу за ногу привычно-гармонично. Специально для спины спинка лавочки была подскошена от вертикали на точно рассчитанный угол - «массонски пояснично человеческий» и сидеть оно на ней там было в жилу и приятно хоть убей. Да кто не знает, на хуй, этих деревянноотечественных, бесплатных, но налоговых, государственных - потому и халявных из зековской сосны уструганных присестов-насестов слишком человеческих людских - вездесуще, с геометрическим заглазом расставленным по всевозможным топополинолиповоберёзовоосинным и дубовым коридорам-скверикам Москвы.

И так - Гэллен богемно, проникновенно и отдохновенно сел на попочку, естественно, свою. И что же он узрел дистанционно - не такой совсем сейчас ещё, блядь, возрастной и абсолютный пидарас? Супротив, через дорожку, облокотившись об «дубок», блядь, в триста лет, стоял симпатичный, лет сорока, человек в светлом плащичке пиженном, с маленьким невзрачненьким таким целлофановым пакетиком кистяшечкой левой своей мягонькой розовой ладошки вцепившись в пакетик, чтобы не падал, сука, пакетик на землю гравитационно. Именно целлофановый пакетик пизденыш привлек сначала все внимание Гэллена. Наполненный, блядь, чем? Пока была волшебная загадка, но ее и предстояло разгадать - а хуй ли, блядь, еще чем заниматься...

Их взгляды встретились... увидели себя... и... расцвели... почуяв созерцательность в душе друг дружки, взаимно гиперактивную, нерасторжимую, повязанную кровью и судьбою неразрывную, но все же, блядь, такую ебанирную, что лучше, на хуй, все порвать не отходя от кассы жопы, в чью дыру или ротельник рыцарь все же хуй затейник одного из них или, блядь, одновременно влететь вдруг порешил-решил за счастьем бесконечным, чтобы сперму слить в полнейшем прихуеньи-откровеньи. И, если б не вчерашний звоночек... А, на хуй, - Гэлли всё равно бы догадался, что напротив, уже и отшатнувшись лаконично, в каком-то внутреннем своем пируетном духовном вальске заграничном от старого дубочка, совершив магический кружок на триста шестьдесят градсочков, прислонившись уже к солнечнолиственной, теплой, энергоположительной берёзонке - стоит известный тот пугачный самый мрачный и серийный - совсем не положительнокартинный убийца многоплановомобильный, с которым встретиться его вчера предупредил нимфетоворожительный голосёнок, минеточнодискантно, блядь, на подвиг планетарный зарядив.

Точнее Гэллик даже и не вперила в это поначалу верить. Скорей всего ему, депрессионному романтику, из-за возобладавшего от сна чумного прободлернейшего сплина, несмотря на Ларочкину попочку

порочную-гуманную-ночную-балеринную - было всё сейчас в минуты эти роковые, предвкушающие своевольно, странно и индереферентно забойно, по хую, гуССаРРы-комиССаРРы - в генах вы мои - ПО ХУЮ действительно в сегодняшнюю будущую въявь. Ему хотелось-не-хотелось Бесконечно ЛИШЬ вот так, блядь, жопочкой сидеть на этой лавке скверной всей в занозах перспективных и беззвучно бздеть на Вечность, Истину, Историю, Работу, и не думать кворумно проквотно, и заботно-рвотно даже об отсосе лучезарном Примадонны Девы Сада Содомоканального, чью роль сейчас играла, пела, восклицала и вздыхала гениально пташка Лорочка-пиздёночка душисточка когтистая его.

И потом - одно, блядь, дело просто попиздеть роскошно и забавно с человеком маньяком убийцей, записать на диктофон - ну, а потом другое дело - ему же журналюге нужно, блядь, кассету и расшифровать, уложить в положенный объём, а это всё пахаловка с душой расточительством, за которую, естественно, хоть и башляют деньги, блядь, вот только что не пиздецовые зеленоглазые совсем, а только на кишечную рублевую жратвень.

Но когда ж, блядь, эта, ёбанная, на хуй, никому не нужная пахаловка в природе на земле между всеми нами гомосапиенсами кончится-сдоится - неужели всем нам гомосапиенсам нельзя и ни хуя и не работать, на хуй, никому не нужную работу, а ебаться только плодотворно с семи вечера до восьми последующего дня и ебаться-колотиться-продолжаться-расселяться по космической вселенной во всевозможные, блядь, черные кофейные проколотые дырки в мочках на ушах. И кто умеет так, блядь, незаёбываясь в эти дырки, сука и ебаться - тот пусть и живёт - тому госпремии, блядь, на хуй, президентские - и ебаться сратья улетно-звездно эполетно-золотившись в генералы обратившись надо всеми, на хуй, блядь, такими ж генералами обсосными трухой.

Ну, по осяни можно, блядь, поехать в поле - картошки, на хуй, на зиму набрать - бесплатно можно, на хуй, поработать, как при коммунистах только на себя. Вот при коммунистах все же на себя, бля, только и пахали - не нравилось, что идеологический пиздёжь про то пиздободался, что все рабы при коммунистах работали, блядь, в благо хуй какого знает, блядь, фашизокоммунизма дяди. А сейчас идеологический пиздёжь, что все рабы работают, блядь, только на себя - а в результате гробишь горб на рабозавладельца, которого по дружбе знаешь с детства коммуниста и в ленинско партийное противное лицо. И по сути, блядь - один и тот же рабоматьёбреализмперевёрнизм - как было и обещано беграмотно ССуками активными из ящика словами, что в уме остались невшкупоренны.

Да наверно этот хуй с горы - и не тот совсем конвейерный членитель - слабо ему нимфеток потрошить - губы, блядь, потресканы - за собою не следит. Не верю - как говорил купчишко Станиславский: не верю, на хуй, не хуя не верю - хоть меня мучительно продай под топор на мясо в забивштекс. И вся эта блефовая хуетения в изначалии базарная вчера по телефону - всего лишь навсего чьё-то недержанье мозговой психической фрейдической мочи. Ну, если эти суки шизофени меня, как пешку на массонском поле шаха-мата разыграли - я этого, блядь, мизеростроителя точно сам сейчас скопычу, на хуй. Оторву от лавочки брусочек деревянный и по кумполу всвещу, блядь, хую, блядь, с горы в светлом плащике плотвы - чтобы знал, как чтить Херама во гробу - и время золотое отнимать специалистов.

Гэллен самомассон считал себя не ананистом, а магическим физиогномистом. Проработал репортером не один десяток лет - взял за свою жизнь не одну сотню забойных интервью у крутейших человечьих яйцехуепиздо экземплярах - уж он-то считал себя хуем бритвенносекущим любой под клитор в рак пробабиллизм.

Ригорист же напротив чёткий, кровавый, уловив угнетённолёгкое разочарование исследовательских садомазоэротичных чувств во взгляде Гэлла, мило улыбнулся, отклеился с березы, и как бы виновато, упреждающе, переждав чеширчато несколько секунд, ступнями мельтеша и шебурша, приблизился пленительно-резвительно к Гэллену.

- К вам внедриться можно калокагатипенно? - заискивающе-интеллигентно вопрошайно сексобально поинтересовался хуй с целофановым пакетиком доверительным кошачьим голоском, - вам вчера звонила ласковая правильная девочка.

- Конечно, (бля), присаживайтесь, пожалуйста - какие проблемы, тут (на хуй), если ласковая девочка (пиздетинка) (то что в скобках произнёс лишь про себя) звонила, - Гэллен вполне по-мушкетёрски встал и, скорее даже, уже заинтересованно пожал руку незнакомцу стоя, и сам сел на лавочку лишь только после боя все же сердца и того, как этот хуй, блядь, аноним маньяк приматный - сам на ней удобно попочкой под светлым плащиком, под брючками, трусочками естественно своими, бля, устроился, - и тут же засунул свои непростые, нервические пальчики правой, блядь, кисточки-лапочки в пакетик целофановый, блядь, свой; достал щепоточку, блядь, хлебных крошек и щедроомерзительно бросил их себе под ноги, и уж так козёл змеино ухмыльнулся шармно-прообъёмно-захуябисто, что искуситель змей из рая - мог бы там в своём аду, блядь, искущённо отдыхать бесславно и поганно, блекло и ревнительно.

- Сейчас, блядь, прилетят ссучары - орляты Гомомарксы. Я думаю, они не помешают нам чирикать по-людски, - весело продолжил он «песенку свою» беспечным пропацанским гвонорком.

- Вы имеете в виду птичек? - в том же тоне Гэлл учеридительно спросил, наивно скроив рожу.

- Я имею в виду жидов, - резко незнакомец резать речью стал, как резвый литератор с резус-фактором бездарнейшего бздёва недоэпохального. - наших русских, серых таких неприхотливейших, блудливейших, дискретнофрагментарнейших, всех на хуй посылающих, еще летающих, на две лапки точно приземляющихся, серенько-коричневых, птичек-люмпенов - жидов-разносторонних специалистов-социал-иммажинистов - под русским псевдонимом воробьи. Вы их любите, в конце-то, блядь, концов, как русский, блядь, националфаллист самодержавный - КудрявоБогопиздохуеносец весь чернявый не бухгалтерно формальный?

- Ну, я же не китаец,- довольный сим базаром беззаветным усмехнулся Гэлл на уровне пупка, - с этим хуем можно, блядь, о чём-то не скучая попиздеть, - в уме прикинул шкиперно, - помойно-сонно-сладко вспомнив, набившую оскомину в свое глухое время, документальную китайскую ххроннюгу, когда маоцедуновские узкопартейцы замертвили миллионы этих по(па)рхатых птичек воробьёв, летающих-клюющих - вневременно безмерно беременно живущих. - Поэтому я, блядь, люблю невыносимейше этих тварей калапсирующих - перемещающихся прыгом, блядь, да скоком на парных лапках жидких, но обильных. Люблю я их взаимно любовью чистокровно богоносной и тоталитарно точно не хазарской - ну может быть немного как бы так с коричневым фашистским загебистким русым шоколадом, ну это уж такая, брат, она любовь - ты сердцу не прикажешь в диетическом покое антихолестройном преосуществляться.

- О, Богоносный Тоталитаризм шоколадирующий - предикабилия чрезвычайно эротичная, старик. Я бы даже сказал трансцендентально транснационально сексуально эрогичная - нам с тобой туда, блядь, мыслью по пути. Я предвидел.

Зачитанно читал твои, блядь, выкрутасы-загибасы статьи про маньяков. Мда. И вот, знаешь, друг - с тобой согласен - именно лезбический поверхностный импрессионистский чувственный гомосексуальнодамский шарлотанский сапфический сакхический, блядь, секс по йоническому, клиторному куннилингустическому счету без выебонства феминизма, но, блядь, прямо в вымытую жопу - может, блядь, воистину открыть дорогу безвозвратно пиздодекадентную в усмертную тоску антипиздяшечного рая. Две щелеподвижные тоталитарносучковатые пиздоэпохарики - в одухотварнейшем жизнеутверждающем ублядованном прорыве - пизда в пизду и клитор на зубок - начинают услажнённо слаженно, дружок, сливаться, как кофе с холодцом в пропорции всевышней потребленья - фашизм, блядь, с коммунизмом, убийство с любовью в сплошнопиздённом краю с ненужными хуями, работающих евнухами шлагбаумами, создавая божественное полотнище всевозможнейших отливов-переливов величайше вселенческой Трубкамоточной Страсти, не требуя друг от друга ничего, как только ручку по локоток в пизду с плечом засунуть и чёй-то там пальчёнками в районе селезёночки щипнуть, чтоб сделать удовольствие необычайным как бы и случайным. И что хуям-то остаётся делать - гомосечностью мужскою о спид, блядь, спотыкаться по гробешник, и с почтеньем относиться к этому Проматочному Альтруизмопиздокоммунизму - затопить взаимно яйцеклеточным составом кровяным депрессуху царства импотентства антитворческих своих пиздушных душек бытофеминистовластно и опасно не прекрасно матерьяльных - физическибожественным убожеством Лекаром, как Госпланом, и зазвоном-стоном заплескать все похуизмом, на хуй, клитородворянским - окружающее варево пелёнок - чудораспашонок, блядь, подгузников ебёных с запрятым гавном, ну и самих, естественно, Себя, как менстры, блядь, обильной кровавомеркантильной. - Подчеркнуто самодовольно подщёлкивая языком на ключевых своих провидческих словах изъяснился незнакомец платонически, но с Аристотельской физичностью в зубах-дуплах.

- Любовь - алогичная Библия. В Яблочке Познания - бестия червивая. Вы просто, блядь, наверно и всегда так в точку бьете наповал гейзеровской фразой любого ницшеантского немого по залупу зверя кровяного, пиздо, блядь, самца, - закатив глаза, Гэллэн съитожил льстиво, пломбу коренного зуба внятно для себя, блядь, тронув язычком и взыграв мозгою, что этого, блядь, хуя уманьяченного, хорошо бы, блядь, красиво заманьячить самому, но не криминально, а «интеллигентопально», сука, растерев мозги его, будто бы медузу на асфальте раскаленном, но шершавом как наждак.

- Пытаюсь просто Вам съяснить самих родных и голеньких себя, - оскалом улыбнулся добрый типчик типа д а же, что ли мандрагоры наповал.

- Я диктофон могу включить? - Гэллик тоже, что ли даже мандрагорски улыбнулся по пятам.

- Диктофон мне не мешает циферблатно жить, дышать и рассуждать, приканчивать, кончать и поспешать. Но спасибо скажет Вам одна лишь будущая стрелочная Млечность - хоть и сейчас мы Млечность пострелочно и радостно ебём.

Прокивнув афродизиачно глаз прищуром до небес от благовония сирени натуральной - что в скверике густом росла кустом - на пранаиальном вздохе парузийном Гэллен лёгким движением пальца включил диктофон и поставил на лавочку его между мальчиком собой и этим явным генным пидарасом-кундалини в жопу, видно, гомосексуальлэгически перевёрнутым и ёбнутым совсем.

- Как я к Вам могу все же обращаться? - скорей застенчиво, чем робко, улыбнувшись, Бэлл затем всшипительно спросил.

- О, зовите меня просто - ну, скажем, Афанасий,- закинув голову и поскрипев, блядь, шейными костями - не сразу, но и не долго думая, ответил тот поэтовидно и не только жлобогульник-богодоцирюльник.

- Афанасий - это из разряда бессмертных, - решил проявить свою эрудицию Гэллик в знании значений, блядь, людских имен.

- Из разряда бессмертных это Сотерн, - и - возможно действительно Афанасий (во всяком случае, так мы его будем теперь величать - ибо, блядь, деваться некуда друзья - поверим на слово такому наполнительному хую, хоть и пидарасу насовсем), резким, эластичным, пластичным движением мастеровитого шанцового захерника достал из бокового кармана светлого плаща сладкожелтую бутылку Сотерна и водрузил ее, блядь, рядом с диктофоном. Так же, из какого-то другого потаенного кармана рядом с Сотерном он фиксанул коронно два сверкающих чистотой дорогих хрустальных бокала и два сочных огромных зеленых яблока, за безмикробность кожур которых можно было и ручаться, ибо Афанасий их достал из целлофанового пакета и яблоки были еще мокрые, ибо их действительно, сука, нынче накануне тщательно помыли горячей водичкой без мыла, но с чувственной губочкой.

А в это время к хлебным крошкам, разбросанным повсюду Афанасием себе и Гэллену под ноги из другого, естественно, целлофанового пакетика - уже начали слетаться вечно голодные прожорливые птички наши ворбышки семянитские проворные родные волгари.

- О, сейчас мы их начнем даже гладить - как кошечек. Вы любите гладить воробышек сучек, как кошечек?

- Откровенно, на хуй, - никогда не пробовал, - Гэллик детка не соврал.

- Ну, так попробуйте же, блядь - ведь это удовольствие, - да и биозаряд этих воздухоплавательных тварей явно сногшибённо изъюмительно изюмный дамчико из пальчика как в ротик. А я попробую всшкупорить тем временем французскую стеклянную бутылочку с французской этикеточкой с французским, блядь, вином не нашим ихнем, ссука, с под Бордо - Афанасий достал из еще какого-то неведомого там кармана светлого плащика штопорик и «всшкупорил» бутылку Сотерна, понюхал содержимое из горлышка, в блаженстве закатил зрачки и встем-затем, лукаво заприщурившись на предвкушающего Гэллика - разлил волшебненькое снадобье бутылочки в фужерчики с абсолютно филиграннейшей точностью по уровничкам. - Пейте Ваше любимое лакомство - оно того стоит - любую, блядь, нимфетку можно залпом уебать и продолжительно в первый же секунд под этот Олимпийский Виноверитас. Будем говорить забойные тосты, как повелители?

- Как Вы пожелаете, - прободрел Гэллен, душой в рая взлетая.

- Давайте выпьем за Приятность.

- Приятность - это - песня фрейдохуепиздочтителей, - взбалдев прореактивно, отчеканил Гэлл.

- Да какого хуя Фрейд споносится жопельною пиздою-то своею по нашим-то просторам без концов, но с хуем всдержителем-мочителем. Зашибьётся в письку на первом верстовом яйца зацепив и оторвав. Приятность - это песня Завершителей. Вы не подозреваете, как это всегда лишь только нетленно загнобительно, но и оздоровительно для Завершителей Насущного Гниенья чей-то незрелой Жизни нашей, блядь, российской не по Существо. О, как я Вам сейчас все про Высочайшую Нетленную Приятность диотимически с параграфами взрою. Вам такого про Приятность никто ни больше и, блядь, никогда вернее не вспохает, чтоб посеять исповедь, дружище, чтобы росло желание ебаться положительно. Дай-то Бог не по последней нам всшальнуть живительной росинки по утру в нутру ее ебя дымя, но не сгорая.

И всшальнули-выпили-взглотнули, блядь, они не по последней капле в самую нутру в совсем уж там, блядь, и не по утру французенской, сотерновской совсем, блядь, дико вечно далеко и не безвременной росиночки-хуйни.

- Это да - даррисимовский дар. Это в вены шембуролит шембуршит секуляризованно. Муцифаль хилизматичного настоя. Право, уф, - с наслажденьем, будто взяв в Ла Скале прокастрированное тенерское «До», благодарным пассивом тенорнул Гэлленчик Бэлл мохнатосейфовым опущенным согласием - с будто с хуем полметровым в жопе небоуправителем радостно наколенным фривольно и привольно.

- А сейчас, когда Вы еще сможете погладить воробышка Затею - я предрекаю, что Вы еще вспоёте про ласточку Психею - какую сладостную песенку мозолям в жопе на хую в кишке Приятности до взвёзд взрыхления взнавоз. Да Вы их уже можете очень смело, легкокрыльно гладить. Смотрите, сколько этих взад-вперёд, налево и направо голодранцев затейно бесится за крошки между нашими ногами наперегонки. До своих мозолей на хую, блядь, языком - хуй ещё дотянешься без регулярной специальной тренировки посторонней помощи. А здесь на свежем воздухе, при всём честном народе - стоит только руку протянуть и онанизм космический вам послан Гулливеру. Смотрите - делайте как расторопный всевозможный я.

А и действительно - у их ботинков на асвальтовой дорожке скверика Москвы бескрайнейшей России, толпясь, дерясь и хапая безБожно, кряжно, ненатурно и безбрежно-дружно - друг у дружки с клювиков холодных и голодных крошки хлебные, чтоб жить в грядущей жизни загребущей-мрущей - копошились-мельтишились несметные аравы птичечных жидов. И Афанасий протянул свою руку и погладил разприглядисто это тихизмичноптичечное варево пархатисто-погладисто-покладисто нативизмичное, и сошла на него благодать, и стало ему бескорыстно налично отлично, и так загранично, что просто яично вторично, когда бы не было третично.

- Это очень брадобрейно местячково маркшагальски с кистью-бритвой сказочной клубничною молитвой улыбающимся горлом вспоротым от правой, блядь, до левой мочки, блядь, ненужных, как и всё теперь трупешнейших ушей. Попробуйте и Вы - хуй ли, блядь, смотреть неверующим взором - если это стоит Мессы Богозвонной. Евгеники благой биозарядик пиздецовый - не надо огурцами хрумкать, чтобы закусить, чтобы кишку продуктом обновить и чтоб потом уже кишка нам сил для еблюшки во славушку богемушки преподнесла.

Гэллена не надо было долго уговаривать. Он протянул свои ладошки к воробьям - и не перегарно - гарно ощутил их чистую без блядства прелесть естества.

- Это несладнёхонько гремуче, чем лизать нимфеток леденцовых адептом позою тантрической «Вороны». То, что я Вам пиздел. А двумя ладошками - это ваабче забвенно-незабвенно-венногероинчески. Эдем психометрический. Вы это сразу проволшебили клыкасто. Я очень люблю уважаю умных и ответственно приземистых людей, - с этими словами Афанасий неожиданно отжахнул свои ладони от воробьиной круговерти, откинулся на спиночку скамейки и продолжил изливать речитатив.

- Я очень внешне люблю зашкалённо откалённых мозгачей, но, к сожалению, я сам уж больно нипельный калмышко, хотя и самообразованный, и мне насквозь поэтому видна увилистая бздытность этих чересчур напичканно начитанных тухлою водою недокнижиц верблюдей в борьбе с динамонатуральным Злом, скользящего кровавющим поносом - холерной ипостаси призрачного Мира. Они хотят быть очень умными - великоблядьпроблемными блюдишками, желанно оставаясь при этом бздохариком-бухариком личинкой, пlying, размокшемся засушенным дерьмом по воблости, блядь, жабрости чешуйчатой - бытовухи течки половой под крышей

Санкт-Гор. Д. И Ева, блядь, У Зла. Что с ними надо, прикажете хеРРачить, милостивый сударь-государик, как только не рубить, кишки их неопрятные распутав под ясным солнцем в лесосеке трудодельным муравьем. Что ещё иное мне прикажете с ними мастерить массонски, сударь-разъяснитель пишущий в газетке буковки и строчки?! А?! Только македонить взалександровски - только македонить сюртанотологически. Ёбки, блядь, зеленые матрешки. - Афанасий растерянно, виновато посмотрел на Гэлли и уже глядя мимо его глаз - с виду заблудших глазенок, простонародно, неподдельно страдальчески стесняясь-извиняясь, прошептал, - атараксично македонить узурпаторски - в пиздень ее простуженную трипером - бутылкой копыеносною разбитою под клитор во свояси до изныра из пупка на тот, блядь, истинный давно минувший свет. Чтобы в страшном будущем не было на свете больше никогда пейоративного гавна в загробной яме Мира на нашей всей пока ещё и Матушке-Земле. Потому что это плавающее бездарное пиздоплодное гавно, опять же многомножащее это такое же пиздарное гавно так, блядь, засорило умственные клетки, расчленительно, что вот я хочу соображать, но не хуя ни в блядь, ни в хуй, тем больше ни в пизду фалангомакедонную не соображаю прискорбительно. Надобно зачистить его в зачатию сранья трезубцем или колом. А мозги-то отнялись. Отняло всё это феминиськое анальное гавно ебущееся справа и налево - все мозги-то, на хуй, фаланго македонные стуманились в изрез. Я хую навзничь мочеценно. И все змеиные удары самок не самцовских так непредсказуемы - это так протяжно тяжело вездесуще, брат, по всем наукобздвеческим критериям-истокам и впадений формы рубенсонебесной женской жопы и груди в форму забалбесной дельты из воркующей пизды, впадающей за клитором в критерий блаженства царства океана дна невиданно космической дразнилки, блядь, дельты амазонки неземной, с выходом в стенальные дубровы не в костыльной жопе от пикаССы. Потом, блядь, можно закурить конвенционные совковские пегаССы. А потом опять биологически всадить кому-то венценосно. Кому я это заявляю на весь свет? Все мы люди популярно с зажеланьями. Зможны часто иногда коронарно недозашунтированные взбрызги и зигзаги кулаками и цепями по зубам. Как это по натуре чисто русская напасть - гандонно архираздолбайсно ваучером в пасть - заебать всех в маму, в сласть - ну, просто наша страсть - наебать на в жопу спидом - трэфовым трипером лишь в масть крестомогильным лёгким пролетая. И это психосамолюдоедство надо знать, сударик, по округе - надо его остро созерцать всеми там своими позвоночными рептильями, но особенно активно конвергентнотивно натуженно смертельно не переживать, прежде чем зачистить их с гульбищею-борьбищей с комуняцким относительнейшим злом - злом абсолютных категорий Мира забываний. Простите, что я моим заброшенно витееватым тоном-сором-коленкором звучу немного проволынчато расплывчато тюряжно. Давно ни с кем я сам с собой не говорил, а только молча спехом убивал - работу Бога дьявольскую делал. Поэтому устал. Поэтому и хочется подпитки через искреннее праведное человечье тёпленькое слово храбрецо. Ладно уж - не будемте о грустном, господа. Хлебнуть не забываем еще святой заразы - ведь прокиснет, сука и без звука, и не скажет торопись. Да и Вы налегайте на яблочко - что на него, блядь, цельное родное любоваться - для того принесено, чтоб его кусками рвать и растворять кишкой двенадцать перстной. Сколько там апостолов было у Христа, чтобы растворить в миру Его живительную Веру? Держите - будем растворять и подниматься на Дерево Познания ВСЕГО рая местечкового Земли. Почитай отца и мать, а потом и книжки. Где сейчас Декарт на улице хвостатый и лист, трепещущий по Ницше? Бог не велит хвостом, блядь, шевелить - а только кончиком витееватым. Слова играют - рожи нам показывают в почки. Люди, блядь, им поддались. А надо

грезить-то Единым Хуеворогом. Хорошо, что Бог, блядь, как Богатство поняли, когда украли Бога, на хуй, блядь, у Вечности во времени своем, блядь, утопичном. Богатырь - так стырь. А рты - так по зубам. Богатырить ртом, а хуем воздвигать, блядь. Рот - в голове, блядь, до ушей - но только, блядь, по горлу этой маркшагальской бритвой. Пришили, блядь, завязочки-кишки. Рот должен слышать и не мимо, что уши говорят. Уши - ладоши Души - сушат калоши пизды - чтобы поднявшись хуй - трипером не простудились. В основе же всего лежит, блядь, ограниченное гранями таланта сущность Бытия. Настоящие вещи окаменевают в метафору суку сыкуху. Смысл поэзии - развернута метафора рачком. Каждого слово удар, блядь, глагольственный - это метафора удовольствия, и поводырь слепой, но страстно возжеланный. Настала, блядь, давно пора - когда вещи следует назвать своими именами. Начальство надо знать в Лицо - тогда и выебешь садовое кольцо. Начальника Молчалников - Гомеров Командира. Щи да каша - пища наша. А каша в голове, когда и хуй не знает, что находится в пизде и надо бы ебать ее пизду, чтоб было продолжение в роду, а не в гробу. Так кашу надо порешить, а шушеру - порушить, БЛЯДИ. А мы СВЯТЫЕ - выгнаны из Рая - только схавали, блядь, сахарный кусок. Присутствуя - отсутствуем бияки. Быть или не Быть - как в сумме Знаний. Но и как артисту быть - волком там, убийцей, девочкой ли, мухой. И высшая задача Духа - творя, Душой раскрыться, покапаться, блядь, в душе и червячков отрыть и поклевать. Почему, блядь, Запад жопоносный Достоевского-то подхватил? У них нет тенденции ебучей обобщения вселенского замаха. Богом, если дрочатся они - то дрочатся, блядь, им, как спермовыражением ебучим. А дрочильня спермавыраженья - бесконечна. Поэтому их философия и перестала всех ебать, и даже их самих. Одну и ту же всё хуйню, блядь - мелет, мелет в самодрочке. Точек зрения-то до хуя; все рождаются с точками зрения. Но Есть Одна, Блядь, Точка Зрения. Кол один - Хуй-Ось - Один. Осью этой Вседержительного Хуя не становится никто. Коловращеньем приближённым занимаются ещё, блядь и пиздарным. А Хуй нельзя вращать - ему же больно, на хуй, тоже - Вседержительному Хую. Вещь изменила светотень - всё, блядь - новое мнение, на хуй, возникло - он и пишет, на хуй, фильёсоф западнопрохуйский свои при этом, блядь, без веры пагубные чувства для померкших душ. Нет, для Духа - это важно - смотреть на вещь со всех сторон. Он дал тебе возможность выразиться в ебле мира - выражайся. Но кто-то, блядь, родиться с Хуем Безграничным, Вечным, Бесподобным - Он с этим только взморгом посчитается - одной строкой в своей, блядь, Осевой уже Космической Цепи Хуя своего свершительных мозгов. Вот Гоголь - почему он Пушкина любил-то гармониста и ввёл поэзию, блядь, в прозу, ненатыком - настолько что, блядь, и поэзия высот таких не достигала. Но самое, блядь, главное ребята - он поставил заострённо Хуй Свой Обобщённо в такие темы, блядь, промозглого состава - смысл которых порешать предстоит лишь Будущим Хуям - всему, блядь, Будущему Хуевеществу - совершенно отдалённо - почти максимальному Будущему Пиздопроглоту, когда Информация могла приблизить свою конкретную форму - Богочеловека - можно так сказать. Ревизор - не самозванец - наметил путь Ревизии, которая в Законе Объективном, сука. А этих сук-удавов, что сделали, блядь, провизорский антиревизорский фильм, над Истиной, блядь, Вещей надругавшись - я б шпицпругами высек принародно, сняв штаны на Красной Площади публично - очень гармонично. В «Мёртвых Душах» с первых же страниц Гоголь колеса понятие даёт, которое, как яйца, блядь, у пушки, на хуй, на макушке - не едет, но стреляет, сука - потому и стопорится, блядь. Конечно не доедет - не Духовное, блядь, потому что колесо. Ведь Чичиков там покупал-то Мёртвых Душ - что, блядь, нельзя купить, что не, блядь, продаётся - Богу это одному принадлежит - Мертвые-то Души, блядь,

живые. Не в чичиковой власти покупать, потом доебывать-ебать. Но покупал - евреем был, блядь, потому что - хуй стоял насосный, блядь, воздушный. Он хотел купить - обогатиться - рыльце подпудрить. Только не за счёт, блядь, Бога самого. Но звон, блядь, слышал правильно чичара. Мирозданья всего основание, бляди - это же МЕРТВЕЦ - Его, блядь, Гроб Хрустальный-Музыкальный. Вещь стабильная и смиренная в доску - там и мета рядышком неебанна лежит. Почему вон Гераклит-то говорил: Смертью друг друга - мы поживаем; Жизнью друг друга - мы умираем. Да и Гоголь до конца-то не раскрыл по физике всю мету - как ее ебать - с какого калибража. Но важно - приколотся к этой теме осевой - доедет - не доедет вместе с чичиковым хуем до коммунизма нашей левизны. Так был намечен Путь пизды и всех хуев скорбящий труд ломаший. Лад порождённый на поверхность вытащен ободраным птенцом - утенком пока гадким. А Пушкин выправил, блядь, речь - через - азбуку и Русь-то лебедь воспарила к небесам. А Гончаров в Обломове олицетворенье русского, блядь, человека дал - смысла, блядь, его жидонерасторопного - Воля его в сонном состоянии - Время его не пришло - у него, блядь, и нету работы не по назначению. Евреи мало, блядь, сработали ещё, блядь, на разрыв (камни раскидали) - чтоб было бы ему там что Объединять (камни, на хуй, в кучи собирать для мавзолея). И Обломов сам еврей такой же. Но тенденция в его душе растёт совсем другая. Чем всю дорогу, мастурбойник, он в романе занимается? Он встаёт, блядь, и не глядя, не вставая, не осозновая желает сразу, блядь, попасть двумя ногами в оба тапка, на хуй. Пару, ёб твою, найти. Толкало ж Гончарова что-то, чтоб всё это написать, блядь, ананированно. Потому что пара, блядь, лежит в основе Духа, на хуй. И на фоне этого является Толстой, блядь, извините. И сила, блядь, Толстого-то наверное - не в той, блядь, массе-то огромности, что он понаписал. У него есть правовые строчки - ключевые - ко всем произведениям его, а главное - ко всей его Душе судьбинной, трепещущей и ищущей просвета к Истине, блядь, Жизни проклятушей. Потому что Жизнь превыше творчества, сынок. Потому что всё берётся, блядь, из Жизни Духа Сущего Всего. Так вот Толстой сказал: Мир наверно не такой - каким его мы познаём. Будут, блядь, другие орудия познания - будет мир другой и на хуй. Он слышал этот мир другой. Поэтому он книги и писал. Азбуку там школьную ещё. Занимался школьными науками на уровне начальных классов, блядь. Подманьячивал с детишками. Евангелие он даже написал, слыша Духовную Новую Книгу, но, блядь, так её не увидел. Метался горемычный - объектов было много, кого хотел взъебать. Его поэтому и церковь отлучила. Новое же время увидел человек - тотально, блядь, ебущееся время. Он уже суммировал не только, блядь, в уме - то что Пушкиным хуем проделано-то было, благодаря его всем мощным пизденям типа этой Керн... но... осознанно уже Толстой ебался яснополяничнополемичноземлянично. Он духовист, блядь, моралист метался - кого там поначалу уебать - поэтому и церковь отлучила-то его за те тенденции, что в нём упорно жили и всегда стояли. Да он и сам себя, блядь, сука, не любил - поэтому ебал. Но чувствовал себя как человек - над словом, блядь, работая, как проклятая сука. И когда вошёл он в СЛОВО - как в Пизду - слово начало ему шептать, блядь, энергично. Он слов, блядь, СЛОВА-то не разбирали - переводил, бля, всё в «Войны-миры» - сказки для ебущихся с гаремами царей. Но чувствовал - душа волнуется мирами, где Его и Хуй не ночевал. Писал-писал, но выразить не мог - имел лишь только человеческий хуй совсем не очень длинный - не достигал до Основания Вселенческой Пизды, и это в нём жило недостижение - он и сбежал поэтому как бы от собственного хуя сам и от себя от всех мудаков, блядь, сука. Поэтому, блядь, Ленин и назвал его как зеркало, блядь, русской революции утопленной в бадье яснополянской. В чём сущность

революции-то заключается? Пиздеть хотелось то, что хочется бессмысленно, когда стоит и все. Но, блядь, стоит всегда нормальный хуй, блядь, только на пизду. А у революционеров хуй всегда стоит, блядь, только лишь на жопу. Ну и пошел народ по тюрьмам морочито просвещаться революционномосексуальноблядовито. Пушкин сделал своё дело - поебался образцово, а другие образцово не смогли, блядь, девочек нимфеток дворянских уебать - подались, блядь, в голубятню революционную - хуй стоящий, блядь, унять. Язык-то оставался в прежних рамках официальных - церкви загребущей был заподчинён. Лизали языком церквуху - но, блядь, в результате, церковь разогретая, но хую не дала. В одиннадцатом и тринадцатом, блядь, веке - церковь фактор, блядь, объединения являла - всем давала, на хуй - сохранением культуры, блядь, единой за счёт своего единого Образа Виденья Пизды. Поэтому Рублёв тогда явился с хуем непорочным, Дионисий. Но когда язык по Пушкину веленью стал-то вместе с его хуем в сторону стойке смирно, но в пизде гармонично развиваться удлиняться - церковники остановились в «оральной» ебле паствы, блядь, в зубах средневековых. А язык, блядь, - сила главная развития Хуя Грядущего. Ну и пидары революционеры и взъебали, на хуй, пидаров церковников по ягодицы, блядь, без слов штыками, на хуй, до кишков. А сейчас церквушка снова со старым матерьялом хуй какого знает там простарческого хуя прозалатонного хочет в Жизнь Руси Пизды Младой Небесной, блядь, вернуться. Без платочков верить в помещенье баба не моги. Поэтому безверие и остаётся при народе. Опять к катаклизму придём с еблей по тюрьмам все в жопу с кровавым гемороем революцией. Поэтому в церковь и ходят одни старухи сейчас во всецело изменившемся-то времени.

- Но коснёмся, блядь, моментов, что при Толстом происходили дальше. Государство приняло сторону религии. Комиссии, блядь, в академиях работали над упрощением языка. Пётр Первый, блядь, ещё когда-то там хотел к азбуке сегодняшней придти собственноручно. Но церковь при Петре, блядь, не дала Петру - сочла за дьявола по наговору, что Западу усатый бес, блядь, поклонился. А он просто интегрировал культуру - чтоб спиздеть с Запада чего там не хватало, на хуй, на Руси. Язык не будет, блядь, балластом держать того, чего не нужно. Ну, переболеем сейчас английским этим языком. Болезнь-то, на хуй - на здоровье - только и всего. Язык возьмёт что нужно - больше ничего. Понять давно же надо, бляди, что Язык-то в Духе - какой он, блядь, не будет массонскофранкоанглицкий - он везде один и тот же в пизде стоящий хуй, блядь, чтобы двигаться за счастьем-удовольствием в закомос. В языке есть главное, блядь, качество одно - это Божье Слово. Мы только и играем что ебемся в латинские по-гречески слога. Знания находятся не по ту, блядь, сторону добра-то вон и зла, про что пердел-избделся весь Ницше иискапутный. Настоящие, блядь, Знания находятся посередине - там, где лезвие ножа - там, блядь, и Истинная Кровь пылает жгучая-кипучая-могучая. А Ницше только как бы избебнулся поворотом бессмысленной замысли, говоря Всему, блядь, бессмысленное Нет, от которого и спятил, как немой-слепой не услышав Да предметной философии, хоть сказки братьев Гриммов и читал. Местечковая усатая скотина - туда сюда не зная и куда - из колоброда проститутток шляхтичей. Просто он воображательным хуеньем заболел, блядь, чирием на жопе сверху человеческим - потому что никогда наверно и не ебся сверху, блядь, соображательно - а с детства знал одну лишь пассива, блядь, позу жопой кверху заблядьимпотентную заветную. И вышел петухом строчилой и стучилой из псевдознания такого своего внутреннего логоса педрилы. Знания ж глобально объективного единого разъёбопроебонного свершильного и технологичного у него слащавонестояльщика быть не могло - не может никогда, чего, блядь, никогда и быть не может в природе-то вещей - потому что попросту

по-русски - Ницше был мудака, если бы в России жил и то же самое по-русски только квакал по болотам. Немой - немчина, ссука безобразный - без образа на темечке-башке-срачке. Да, блядь, поэтому, да даже там на родине своей немой он спёрнулся с ума немчурный бобик пёс ученый. Немцы, блядь - немые люди по зменталитету. А в философии, блядь, строй логиковещистов держат - эти западные все пенеобразные философы мечтатели. Слышат звон Русского Хуя Единый, хотя, блядь, с ним ебаться по наитию, но не знают, что Путь, блядь, Сперма Всего Знания река - по Времени течет в Сокральную Пиздень Рождения Насущного Всего только через Русский Хуй Предметный Философии, блядь - Правды СЛОВА Жизни Углобальной Всей из русских, блядь, немеренных просторов истекающей из НАШЕГО Сознания Уркопронебесного Навеки через Ось, блядь, Северного Полюса. Блядь, пни пенеобразные - в степенях по рытвинам всё роют, блядь, себе морковку на обед и заживевшие в своём гавне усёрном копятся на жамбоны под фасовку. А у нас - у русских учиться в космос, блядь, глядеть-гудеть-взлететь - чтоб ёбнуться получше всем телом и душой-то - не хотят - брезгуют, что наше де славянское гавно воняет русским очень Сказочным, блядь, Запахом и, блядь, воистину Библейским Духом, Замыслом и Смыслом. Охуеть - не протрезветь. Протрезвеешь - тут же охуеешь. Не могут бляди плоскостные западнемые - наших Слов объёмных третьим глазом - жопою свою лирично-пропердично углядеть. Не дадено понять их слабою кишкою им наш ЯЗЫК - ебущего, блядь, Вечность ХУЯ. Это только мы чудные с похмельюги скопировать язык их удальцы. Социализмом-коммунизмом их сермяжным-хомутяжным, блядь, себя потешили сполна в своей крови немеренной закваски. Мы-то, суки, русские чудилы должны наверно у себя, у гениев, учиться, а учимся мудилы у бездарных западных рогов. Их в изначалии бездарность шизопеневая при наложении на нашу ёбанную в кривь и вкось зекогениальность даёт такую воблу, понимаете - об которую ломаются все уцелевшие, блядь, мозговые зубы с залитием в крови России страшным соусом, блядь, марксосталинистким. Зачем нам, на хуй, блядь, учиться, когда наш хуй стоячий от рождения со сна с размером в Эйфелевую башню - а яйца в дирижабль, пацаны. Мы ж так с рождения несносно поголовно все гении с хуями замочильными и в пасть, и в сласть с пиздями, на хуй, безмерными и все на свете в масть, блядь, ведаем с пеленок - кого и как ебать и уебать - хуй в целочку пизду, как нож покойно в жопу и насквозь в другие шашкой в жопы. И надменно-несомненно конфетки из гавна, что с запада, глотаем в расплывчатых, блядь, думах мозготечных, что ничего, блядь, кроме удовольствия от них не словим на грудя. А оказывается, блядь, что очень даже, блядь, и словим - моровую мировую спидохетту. - С этими, блядь, горькими словами Афанасий вытащил свой перочинный нож и, взяв его в левую руку, всадил его в одно из яблок прямо точно, блядь, под хвостик нежняблочка и просёк его вовнутрь - до его дальнейшей середины, - и, поднеся «хозяйство» это к укомплектованному белыми, ровнёхонькими зубками ротельничку - начал яблочко того - смачно начал, блядь, его угладывать в желудок. Одновременно, блядь, при этом он правую кисть своей рученьки засунул с внешней сухонькой сторонушки в прозрачный целлофановый пакетик пятигривенный, в котором яблочки хранились принесённые, как делают гигиеничные создання продавщицы за прилавочком, хлеб продающие, к примеру, дивно очень пивноспящие. И так же как они Ссучечки-Ссучарочки, взял через целлофанчик, блядь, облаченными, блядь, пальчиками правой кисточки руки одно из яблочек и протянул его дружбанчески Гэллену. - Чистое, чистое - без единого микробчика-чумчика-холерчика. Что на неё, на дуру-фрукту с кожей любоваться - ее пристало, как животный схрумкать с кожей, да и с косточкой - чтобы просто, на хуй, жить в стоящем хуе дальше в венценосной

перспективе судьбы российской нашей, блядь, в России. Делай, брат, как я, - с этими словами он открыл широко свою пасть, которой тут же взоглотил, как волнами цунами, блядь, губищами негритоса альбиносного, наколотое «в» ножик остриющий яблочко румяное, вместе с хвостиком и косточками - вкусно со слюною разжевал и последовательно дальше заглотив в желудок по алчущей питательных продуктов невечной траектории утробы, как, впрочем, блядь, и тела-то всего - чем очень и не наплевательски воздвигнул улучшением стабильным опять свой ветренный настрой на оптимизм, как Карлсон, который жил как бомж на чердаке, и ни разу на асфальт не ебанулся с вящей депрессуки, потому что, блядь, хоть вещей гений Карлсон, но не находил всегда, где надо - баночку клубничного варенья, господи-с. И гений под забором умирает - правда мироздания такова.

Гэллена не надо было долго упрашивать - он был не малышонок-чудо-распашонок - он с ноздреватым по стеночка м носа, предвкушающим блаженство втягом аромата, что передалось мгновенно железам слюны под языком и даже сперме хуя, взял протянутое яблочко Афоней за крепкий хвостик победимый, и стал его с восторгом слюноизливающим до искр из глаз блаженно вышибающих, окучивать, ухрустывать, ухрящивать.

- Я всегда покупаю яблочки только с крепкими хвостиками. Вы знаете, яблочко без крепкого хвостика - все равно, что мальчик с уже отсосанной, оторванной или сразу, блядь, отрезанной пиписонькой. Это пасквильно и грустно. Это, блядь, не вдохновит музыкальных пальцев Микеланджело в кульбит. Кому такой обгрызок уже нужен. Живой с дыхалкой рёберной, но вот без хуя мальчик. Какого, блядь, как говорить, хуя, это счастье мне без хуя забодалось, - тяжело вздохнув, еле прошептал как будто бы предсмертно, небрежно одаривши мир предметно тремя слезинками, не больше, Афанасий.

Так, блядь, и бывает в жизни часто иногда, когда не ждёшь пизду - является приказница сама.

И как раз в этот момент напротив их лавочки запришпорился-припорошился вонючий, грязный и согнутый рожею к асфальту в позвоночнике, коллекционер бутылок по рублю от трех вокзалов из трамвая - вонючий и с авоськой, и всем своим тщедушным помыслом кивающий, что ему нужна лишь их текущая пустая из кварцевого стёклышка бутылочка.

- Слушай, старикан, загнозный, недобжитый, если ты хочешь ждать нашу бутылочку, то, пожалуйста, встань вон там снаружи, будь любезен. Ветерок же дует нам слева - так ты, как опытной лев на охоте вожак, прикорни в саженях тридцати от нас, блядь, справа примерно отсидочкой на лавочке в сей час. От тебя ж смердит, блядь, грыжею протухшей - можно удохнуть, на хуй, в ультимат - пожалей - не то я, брат, тебя не ожалей. Если ты хочешь вздремнуть там - вздремни - мы тебя перед уходом дружески встолкнём и дадим тебе обедливо-объедливую нашу кварцевую ёмкость неразбитую. Договорились, трутень, мозгобрый? - рыгающе утробно в бомбжа шикнул Афанасий артистически.

- А-а-а, - только, блядь, и промычал бомбжатник, но, к удивлению, без удивления всё понял, и лёжа устроился на близлежащей справа скверной лавочке, положив под голову авоську с уже собранными бутылками, что б не дай-то, прометеистствующий Бог, кто их спиздел невзначай непонарошку - огнедышащей, блядь, водки в два стакана себестоимость, - и истекающим вареньицем под черносливу в дрёму увалился.

- Я извиняюсь, но ведь у него эту иностранную бутылочку «Сотерна», блядь, не примут, - осмелился всчеркнуть немного охмелевший Гэлл.

- Просравшемся вдрызг гавну из человека - хоть и ложно, блядь, но надо дать надежду пиитета. За время пиитета ложного человек-гавно обветрится, не станет так вонять, а стало быть, ему быстрее дадут приблизиться туда, где его ухандосят угасят. Хуй ли, блядь, в таком-то виде-то вдоль жизни, блядь, кряхсти. Охуеваешь просто над людьми, что они собой, блядь, не кончают, когда уж нет дыры ползти, блядь, в перспективу.

- Вы абсолютно правы обжигающе, блядь, солнечную мыслью прописной - в таком коронном, блядь, протуберанцном проверхреньи. Прошу Вас - не растраивайтесь, милейший Афанасий - Вы правы и это самое главное, что на Свете есть Свет Космической Истины, к которому Вы так непорочнообразно причастны, что хочется наверно всем детям и ебаться, срать, убиваться, колотиться только с Вами, и напололам экстазом-то делиться - искренне воскликнул в пылу взмощей Гэллен, пытаюсь человечески понежить Афанасия - взбодрить.

- Да все мы куки-суки-буки - паразиты на земле - вот, что надо твердо уяснить, чтобы двигаться и дальше в межпланетный зачистительный сортир. Никто же не ушел, хотя и все пришли, и кто-то даже всей душой в Бога Верил, - когда, блядь, наебался и наубивался до потери замысла и пульса, как вон Лев Толстой. Кушайте, кушайте яблочко. Оно Вам в яблочко глазное как раз идёт на пользу, - взбодрившись сам собою Афанасий взгикнул, разливая следующую порцию вязкотекучего пахучего Сотерна. - Ну, так за что теперь, бля, будем осушать бокалы? Говорите прямо в ушки - я же рядышком совсем, блядь, на макушке - Ваша очерёдность Жизнь травить за вредность Зла.

- Сегодня Вам, наверно, вестальчески Вестально мифовзносится, - вкрадчиво, но добродушно - словно, блядь, прошелестел осенней, теплою, сухой листвою разноцветной, поплывший льстиво, как дерьмо в речном своём хмелю словесном наш Гэллен, - но как бы и напомнил этими словами Афанасию какого хуя, блядь, они сюда пришли - и для, бля, вот тут какого Откровения, в пизду.

- Ну, тогда, конечно, - да-да-да, - смешливо прохихикал гоготом скрипящим смысленый Афанасий, почесав рабочее яйцо. Ну, что ж - тогда давай, бля, сушанём за целочек беременных в императивнейшей паскуде. Поверьте - это высшая вечная категоричная засрация-прострация калоприношения Нового Дерьма Саману, блядь, Древнему Дерьму и ее необходимо развести в убой в реальности, бытийственно вмесорить-засмертить тленно в нашем нимфеточнобеременном подколе. Смерть приходит для невинных девочек наивно - все в самый первый несмысленый раз и в таз. А этим - скорпионовым самцам - уйти живым нельзя - во имя смерти-жизни их скорпионка самка кушает сполна во имя деток новых скорпионовых гавна. А Вы никогда не вкушали только что зарезанного парного барашка? А тем более на природе. А Вы знаете, печеню только что зарезанного молодого бычка можно вылечить даже запущенную гангрену. Просто свежую печеночку зарезанного молодого бычка накладывают на пораженное гангреной язвителище - на ручку, ножку человечью - что чаще-то всего гангрена забивает - и вытягивает - знаете ли, вытягивает чудо-печеночка молодого бычка гангреношку с язвителища-местилища. Откуда что берется, - и в этот момент Афанасий правым своим глазом артистично подмигнул Гэллену. - А печеночку беременных целочек надо кушать моментально тепленько сырую - с тридцать шесть и шесть температурочкой. Поверьте. Пожарить, потушить потом с лучком - это всё уже не то. Немножко солью припорошить, с белым хлебом и слюнно человечно тепленьку сырую, с Сотерном - да-да-да-да-да. Немножко разное сочетание по вкусу, по солёности, температурности и влажности - это вылет на отлет. Извините, что не принёс - но не держу в холодильнике - сразу, блядь, как говорю - сминаю. Нет, ну я понимаю, когда вынимаю, что гибнет в

результате и ее подснежниковая душка там, остальное тельце - но состоящее же из воды круговоротной, - ну, там немножко малость множко, естественно, костей. Гибнет, к сожаленью тело - и ничем потом как ни захоть не Воскресишь, когда печеночку отрежешь-вырежешь и аппетитно вкомуфлируешь в желудок. Бля-бля-бля-бля-бля-бля! Но и тем не менее херачу Во Имя сничтожения плодоношения дальнейшего гавна циклоидного круга, которое бы Реку Зла питало, размножаясь. Я человек, хотя и религиозный, но я, блядь, понимаю, как и все: Зло надо изрубасить на корню. Просто я в отличие от всех - пытаюсь распознать, где этот корень Зла. И это, надо признаться - бля, охуеть какая большая Ответственность. Но это дает мне и Право не только Балаболить, но и Приговаривать. А в результате Кушать это, сука, Зло - через кишки свои, блядь, пропускать-изничтожая. Но то что Верхоярусный Посыл Предназначенья Кушать, как ни странно, совпадает с естественным моим, блядь, голодухи утолнением жратвой - это Перст Посыла Незастыло Указующий - это Повара, блядь, высшего разлива Существа - скатерть самобранка оборонка. Вот сейчас мы выпили Сотерна, голова немножко вспела-воскружились, но я трезво Вам свищу - мне так печально человечески сейчас, что просто умираю хочется из целочки беременной печеночки вкусить - Вы не представляете. Долг Истины взывает. Долгу Истины плевать - какая грусть нажмет на сердце, когда печенку целочки беременной сожрешь. А сердце ведь не камень. Очень тяжело. И в результате-то по факту, если отделить ебёных мух, от этих ебаных не менее котлет и даже не из человекенки - то я просто окончательно со всех прозримейших-незримейших сторон этой Ебаноглобальной Нашей Печени Беременной Во Зле - умираю от того, что непочатый край работы просто на лицо, в пизду, блядь, насовсем - и не захочешь жить, - Афанасий не наигранно смолчал роковую паузу, а затем, богемнолично потянувшись, робко попросил, - Вы согласны мне помочь выпить по финалу в результате за фантастически беременных шмарусь, с которых водятся такие вкусные печеночки и теплятся?

- Только за живых, - не сумев сокрыть свою оторопелось, еле слышно Гэлл пробормотал.

- Ну, а как же - только за живое мясо. Блядь, ну вы ж хороший, зачем Вам притворяться, что плохой? Блядь, ведь на природе, на свежем воздухе в лесу - такой аппетит воспаляется, блядь, жаннодарковский костровый-пикничковый. Конечно, выпьем только за живых. Я люблю живых - мертвых не убьешь - они уже убиты к Богу на причал.

И чокнулись, и залпом они выпили отменного французского вина. И Гэллен был чудно рад, что Афанасий пожурил его тонкой похвальбой.

- Как ни досадно - мертвые они потом уже никому не нужны, Вы знаете, - продолжал Афанасий. - Ну, разве что там птичкам разным типа воронья, да и потом червям развлечься по утробе. Уложение природы по профессиям потребам, знаете ли. Ну, птички-то и животные - они конечно не во Зле живут, если для себя, а не для человека. Царство им небесное конечно. Так подумаешь порою иногда об этом обо всем круговороте Зла - в разрезе Историческом Природы - просто чисто человечески невозможно жить становится - поверьте - просто архи грустно и червивоточно. Даже и во сне. Особенно когда вставать и, блядь, идти куда-то на эту на свою кровавую философа катарсисную рвоту - что Работу. И хоть ты батрачишь, как бы на себя, но Глобально ты за Истину ишачишь. А часто вдруг парализован типа совести во сне. Врагу не пожелаешь так внутри себя ебаться-колотиться-воспаляться. Я же человек. Убийца - самым человеческим человеком деется со временем. Вот самый страшный человеческий парадокс. Да, пожалуй, сразу - после первого убийства, после первой

скушанной печеночки деешься-становишься настоящим полноценным христианским человеком человеческим на Земле. Типа Иисуса Христа. Вот было, блядь, аутодафе - была и Вера, на хуй, у людей. Вы умный, пишущий проказник - должны меня понять. Ну, а раз поймете - то поверите. Я верю - вы поймете и поверите. И блистательно со временем писать начнёте, когда попробуете сами собственным клыком Злу горло перегрызть. Собственно, мы - трудолюбческие маньяки своего Глобального Свершительного Дела, своих натруженных Прозрений - в этой первозданной образной простоте и ясности Добра-то и стремимся - чтобы вновь был чистый лист бумаги - чтобы вновь на нем возможно было Миру Его Мечту Всезнания Изобразить. А, что касается меня - чтобы легче встать с постели утром - я просто за час перед тем, как окончательно с постельки утром встать - я просто дистанционным передатчиком с постельки утром, не открывая глаз включаю сидиром и классику в компьютере - у меня до хрени этих сидиромных компакт дисков по десять часов идеального классического ебанного звука. И лучше всего, знаете ли, помогает окончательно взбудиться, и избавиться от утренних нечеловеческих кошмаров - реквием Моцарта, Брамса - да и, к стати, тоже. Кто-то вот не любит Брамса, но я его, блядь, знаете, все-таки люблю бородача. Я его что называется вкусил. В очень сложной человеческой ситуации, переварив печёнку за ночь, на хуй - чтоб легче пробудиться утром - помогает. Сам - живой пример. Вы сами к Брамсу, как относитесь?

- Не предосудительно, - не потеряв, бля, сути разговора, и явно осознав, что перед ним действительно сидит не в меру разговорчивый маньяк убийца сука, полюбив (?) его уже, бля, чисто по братановски, как в волшебной сказке удивительной - Гэлл стал соперничать-сочувствовать Афоне - поддался ритму зла искусно совершенному - сам стал Судить кроваво - как этот «сничтожитель» Жизни временной в Вечность, смиренную Смертью, Афанасий. Но... Это «НО», блядь, гуманиста Гэлла, да и пацифиста, сука, тоже одновременно все ж уже искало способ-метод интеллектуальный как уничтожить суку Афанасия изящно, вячно, расхуительно.

- Ну, тогда Вы и к Вивальди, я думаю, прекрасно относитесь, и к Рахманинову. Его эта просто таки Божественная порнушка оперешка «Ромео и Джульеттка» - меня охово и ахаво волнует, как в жопе хуй в проснувшемся в гробу Шекспире. Вот видите - я так и знал, что Вы в потенциале великолепно, бля, сочувствующий и не только Созерцатель, но и тенденциозный Исполнитель. Не как упёртый Рихтер, а как романтик Горовец пизда с началом женским - точно. А его Шопен. А марш Шопена гробовой от радостных Богов... Я естественно читал Ваши журналистские расследования о себе. Ни хуя не зная, блядь, меня - Вы, тем не менее, писали обо мне достаточно затейно - с не хилым юмором и даже всепрощающим добром, как, блядь, о человеке. Ну, рядовой читатель-быдло - конечно, это не уловит в ваших облачительных словах про злого маньяка. Потом эти Ваши святые статьи об абортах. И чувствуется, Вы писали об абортах за бабки, но очень от себя и искренне. Вы - адепт святой - аборт надо запретить или не ебаться вовсе. Я бы отсекал всем головы публично за аборт. А то ж, блядь, нам-то маньякам заманьячить будет некого - всех, блядь, заманьячат в абортарии до нас. Поэтому - надо просто их грохать этих залетевших беременных сучек дерьмовеньких девочек уже не целочек, осмелившихся даже, блядь, подумать об абортах. Все они - как только залетят - сразу об аборте помышляют. Хуй-ли там-то спрашивать еще - режь и жри печеночку ее. В современных условиях прогресса - я бы просто набрал группу телепатов - тем более сейчас их так много развелось и ходить, блядь, потом телепатической группой по улицам, и выявлять всех беременных телочек-девочек-эксцелочек - желающих окончиться абортом - уводить их тут же в лес без разговора и там элементарно

грохать на печёнку. Официально просто, блядь, народно. За это и платить бюджетную зарплату. И естественно, - чтоб это было все в еще большей степени результативно - надо идти в лес вместе с теми, кто любит, кто нуждается в свежей девичьей парной печени с белым свежим батоном, с солью, с помидорчиками, с огурчиками, с лучком, чесночком и с Сотерном. Если нет Сотерна, или денег нет на Сотерн - то можно брать с собой просто бутылочку кваса или вон пива «Балтики», блядь. У меня, когда на Сотерн нет денег - я вполне обхожусь бутылочкой пива. Или беру вместе с пивом еще и спрайта. Беру еще большой пивной бокал и там в лесу разбавляю. Одного на двоих вполне в лесу бокала хватает - чего там еще в лесу брезговать. Девочке, перед тем как ее грохнуть на парную печень - очень хорошо дать этого Панаши. Так называется напиток, когда Вы разбавите пиво со спрайтом, ну, или еще там каким другим не вонючим лимонадом. Французы это роскошное дешевое питье придумали - очень умная экономная, но гурманная нация. Сотерн придумали, Панаши - Вы что. А маньяков кто придумал? Ну, Вы что. Как ее эта - актриса-то Катрин Денев маньяков боится-то, блядь. Вы что. И лучше темное какое-нибудь пиво разбавлять для Панаши. Лучше только темное пиво. Гадом, бля, буду - отвечаю. Непременно темное. У этой девочки беременной печень этим Панаши пропитается и когда ты ее грохаешь уже с пропитанным этим Панаши ее печенью - это очень, знаете-ли, гурманно изысканно вкусно-улетно - это так вкусно-улетно-французно, что, если Вы этого никогда не пробовали, то Вы просто даже и не жили нашей этой примитивной смертной жизнью, а не то, что там со Злом еще боролись как святой. Мне так Вас действительно искренне, по-человечески, жалко, что не жили до сих пор по настоящему. Вы не будете возражать, если я постригу сейчас себе ногти?

- Да за ради Бога, - Гэлл улыбочато отлупоглазил зенками природными своими.

Афанасий достал пакетик-коробочку с безопасными лезвиями, вытащил одно лезвие и стал им аккуратно, очень быстро, даже лихо и профессионально срезать себе на руках, на пальцах ногти.

- Вы, знаете, я всегда пользуюсь только безопасными лезвиями, для своих ногтей и не люблю задерживаться. Да и эта наглая милиция, как мухи на котлеты - во все твои микробы под ногти лезут, бляди, до сути докопаться. А теперь - к чему тут придерешься, - он полюбовался сверканием под солнцем своих остриженных ногтей.

- Да и купил себе, блядь, человек просто пачку лезвий, чтоб побриться. Я, вон какой небритый. Специально для этого хожу небритый. Ну, там по горлу лезвием потом полоснул кого в лесу, ну, или там где-нибудь в собственной ванной. Хотя в ванной дома можно и ножом, можно даже ломиком с топориком. Но просто по лесной привычке - лезвием привык - ну и дома также, как в лесу - в хвойной ванной полоснешь по глотке - во всей квартире сразу, блядь, запахнет хвойным лесом. Вот и ногти совсем стали хорошие. Даже пилкой их не надо после лезвия. Они совсем уже и не шершавые, не паршивые становятся, когда лезвием по ним-то пройдешь-отполоснешь. Нельзя чтоб ногти были большие. Она ж иногда, тварь-девица, как змеюга извивается, жить-то, сука, хочет - сопротивляется - ты ж в нее тварь-раскрасавицу под ребра руками вцепляешься насквозь - ну, чтоб остановить сопротивление - ну и ногтями в нее тварюгу иногда как под эту, повторяю, самую кожу вцепишься - и под ногтями у тебя остаются вещественные ее кожно-кровяные доказательства. Это хорошо, если рядом есть какой ручей, или там чего еще какая лужа с родничком-песочком. Дома-то в квартире нормально, когда, конечно, вода есть - Вы нашу жизнь-то знаете - с вечными канализационными ремонтами. Где живем. А когда ты в лесу, и нет воды - пиво со спрайтом в виде Панаши-то ебанули-выпили, а она, сука, целочка беременная потом перед этим по

горлу лезвием опрастыванием слишком разактивничилась зло тебе сопротивляться, сука, а ты ее ногтями, пиздорванку, по доброму приутихомиривал. Потом печень ее еще потом под ногти залезла - когда ты ее всю, ее печень-то, из живота-то выскребал. Даже на руки, если потом специально поссышь - под ногтями-то все равно вся гадость кровавая грязная останется, если ногти не подстричь заранее себе. А тут из лесосеки выходишь - облавной мушиный скоропалительный ментовский патруль, блядь - смотрят на твои ногти, о чем-то шепчутся, пытаются догадываться. А, если менты еще с ученой там собакой сучкой дьяволицей, которая который сучий день не кормлена - ей, блядь, печеночку под ноготочками твоими только подавай - с пальцами откусит - нет - лучше не связываться - я вам не советую - все надо действовать заранее - на опережении полётном мозгами, блядь, лететь.

- Да я, вроде бы не собираюсь тут же и сейчас беременных девчушек стремительно вкушать, - как-то нерешительно осекшись, прошептал Гэллен, но проглотил горячую слюну.

- Ну, заранее кто ж собирается - заранее на такие лирические аппетитные подвиги - даже против Зла - Вы что - никто не собирается заранее. Это, блядь, мгновенный секс. Все должно быть незагаданно - в этом, блядь, экстаз борьбы за дело правое в веках и удовольствие. Но когда Вам действительно захотелось девической беременной печеночки живой: и днем и ночью - и Вы об этом только и мечтаете. Тут, блядь, не отдрочишь, чтобы снять давление. Тут спонтанно-не-спонтанно, но, блядь, надо идти в лес или в худшем случае в ванную и резать, блядь, живую, брат, живую, блядь, беременную целочную суку. Да и не беременную можно. Они и не беременные - как беременные - одна хуй, сука, разница - дерьмо, но очень, знаете ли, вкусно. Да это еще, к стати, и не известно, что приятнее-вкуснее: когда ты ее, девочку, режешь или когда ты у нее эту печень парную хаваешь. А понасиловать перед этой жратвой еще - это просто, блядь, совсем зефирно. А в комбинации: понасиловать, порезать, печень зажевать - это все очень сложные интеллектуальные, но очень интересно разрешаемые философские вопросы, когда действительно хочешь, блядь, в натуре их натурально бритвой разрешить и окончательно. Но конечно только, блядь, забывать нельзя, что борешься со Злом в истоке проклятушим. Ты сейчас, бля, хочешь любонуться живой-то смертью по полету как великим Злом?

- Да как-то сейчас не очень чего-то, - задёргался Гэллен, засравши, что Афоня прям сейчас кого-то грохнет в скверике - можь быть прямо спящего, воняющего бомжа. - А это - как - живой, бля, смертью по полету любонуться Злом? - все ж слюбопытствовал Гэллен профессионально выработанным качеством, своим.

- Да не бойся ты, человеке. Я че - на людях людей, что ль прям здесь, в скверике грохать буду? Ты думаешь, я совсем, что ль стебанулся по шизене?- телепатически вскрыл его мысли Афоня.- Летающих жидов порхатых скосить-слупарить в их убийственном полете поутрудимся,- и он, всунув угол своего безымянного пальца в промежность безопасного лезвия, вспугнул носком ботинка дерущихся из-за хлебных крошек воробьев, и, когда те оторвались от земли буквально на метр - тут же резко, щелчком, с силой метнул в их вспорхнувшую стайку лезвие со своего безымянного пальца. И в тот же миг один из воробьев упал замертво им под ноги. Афанасий поднял воробья. Лезвие вошло несчастной птичке в левый глаз и снесло почти полголовы. - Вот видишь, добротельник, как работать по полету злomu надо хирургически во имя, блядь, Добра земного-кровавого. Я не хвалюсь, но результат сам видишь очевидный. Опыт - и вся Мельпомена.

- Нет, ну действительно красиво - бюнюэлевски, на хуй - так точно, хотя и спонтанно-случайно - прям в глаз. Действительно могила. В техническом полете Лезвиюка за Добром устойчиво земным. Мда - затейливо блядина угодила - уже просто восхищался пораженный Гэллик Бэлл.

- Да не может быть блядиной лезвиюка - она же, блядь, металл! Это, блядь, центральная принципиальная гносеологическая ошибка всех начинающих. Это невозможно... - Афоня не лицемерно, а явно, блядь, расстроился учитель.

- Да понятно, понятно, Афанасий - ну что Вы так близко к сердцу-то кручиночку-то лезвия крученого. Я понял, но немножко пошутил философически - бывает, - оправдывался Г.

- Да жалко, что не мучился воробышек, а помер сразу померальщик - было бы еще звончее доказательно бойчее - сколько в мире наебать тебя стремящегося Зла. Ну, сейчас подожди - они ща опять соберутся к обедне обедать. Им до похуизма, что их соплеменника грохнули - они совсем как люди, суки - пархающие русские жида ворубушки-хрящи. Ща сберуться-разберутся, - и Афанасий, чтоб ускорить процессус «сбирания воробышек» высыпал под ноги все остальные крошки хлебные с пакетика. И тут же свора воробьев ринулась на эту жратвень, блядь, западню. - Ну, ты их погладь, погладь - ведь это удовольствие - кошечки-мышечки-зайчики - ориентируйся как я, - и Афанасий стал буквально гладить многочисленные спинки подножных воробьёв. Пораженный вторил ему Гэлл. - И держи его, блин, пидараса!!! - Афанасий схватил одного воробья. И уже не было удивительным, что под этот окрик Афанасия Гэллен тоже сжал ладонь, и в руке у него остался трепыхать другой несчастный брат воробышек.

- Ну, а теперь - делай, как я - любит не любит - перышки сначала отрываем - вот он, дурашка, кричит - все понимает - жить хочет дерьмом, блядь, во зле, сука, хочет все мешать - видишь, как жиденочек распелся пред живую доброй вечной смертью элитарной. Вот, а теперь головочку ему так медленно замедленно поворачиваем, прокручиваем и... откручиваем - кранзец. Жалко птичку? Охуительно не жалко птичку, на хуй!!! Ведь нам немножко было и волшебно с мероприятия урочного сего-с, а главное - философично уморительно по совести, полученной Глобальной Приятностью с Борьбы с пархающим по воздуху, блядь, Злом. А как ещё, блядь, жить на свете надо? Сопричастным извечному процессу борьбы за спелость Истины хромой. Жизнь короткая - в веках иначе просто не останешься, не заступаришься. Ну, а как действует божественный Сотерн под смертушку воробышка - что я говорил - упыристый-упористый кранзец. Хотя, блядь, от Сотерна вкус ты ловишь, кайф - но тем не менее в печень-то, блин, алкоголь-то бьет. А от смертушки воробышка каеф ловишь без загрузки алкогольной ядовитой печени. Вот где сосоставность как, блядь, надо жить. А французенский Сотерн, блин, конечно без закуски можно тарам лакать - до того хорош, зараза из Бордо. Ну и печень там, и в аут скоротечно - от множества бутылок, если засадить. А с другой стороны-то - какая хуй разница от какого зла печень твоя в ауте: от бритвы или от Сотерна? Уж лучше, блин, от бритвы - хоть кто-то внешним, глобальнейшим философственнейшим, ну и личнейшим конечно образом удовольствие получит по изничтоженью Зла. Ну, ты-то своего приземлившегося жиденка - что, жалеешь что ль? - Афанасий пристально стал разглядывать воробья, который был в руках у Гэлла. - Да все - он больше не жилец - крантец. Сейчас его ворона какая-нибудь, или кошка какая там - все равно одно и тоже, на хуй, подыхать. Да брось ты его - вон кошке хоть той завшивейшей - пусть, тварь, мяукающий полакомиться зверь. Может, она вчера десятерых котят-то родила, а без жратвы у нее и молока-то нет. Мышей перетравили люди злые, а у доброй кошечки молочка котятушкам и нет. Да брось ты его ей - пусть потравится, блядь,

сука - вон она как на тебя страдальчески, блядь, понимающе, просяще, жалостливо смотрит кошечка подвально батареечная тепленькая: осознает же тварь, блядь, все - предвкушает Лакомство Утробное от Бога, как и мы - животное пока еще живое, во имя Доброй Смерти на Земле. Убивай-живи поэтому как я.

И Гэллену ничего не оставалось, как только отшвырнуть случайно пойманного воробья случайно пробегавшей мимо рыжей кошечке ободранной несчастной.

- Ну, ладно - я спешу тут по ответственным улеточным делам - тебе же вчера нимфеточка звонила от меня - ждет мя не дождется, дерьмовая беременная сучка, часа своего. Четыре недели ее так самозабвенно до брюхатости, блядь, чайной изъеб. На жертву, блядь, опять иду сегодня в хвойной ванне - уж который раз - как Авраам, блядь, их жидовский - своего ребеночка к ногтям. Потому что Верую я в вечное Добро, когда кругом, бля, столько, на хуй, смерти лишь зацарственной одной. Ногти постригли, лезвия есть - все в мармеладе. Щас борьбу со злишком сфулюганим - в квартире запахнет тайгой - гарантирую. Ну, ты тут посиди, поразмышляй - полакай Сотерн, разбуди бомжа. Если мы с тобой еще увидимся - мы с тобой еще увидимся - Судьба. Если не увидимся - Судьба. Кругом одна мокрушная Судьба. И пусть она пребудет в Черном Шоколаде, но не как дерьмо. Давай, брат и... живи - пиши точнее и по жизни - как она и есть - яснее - чего ее кривить, когда она и без того коса, как у Мудильяни, - Афанасий хлопнул Гэллена по плечу и в какие-то секунды исчез из поля зрения. Да Гэлл и не смотрел ему в след. Он смотрел на свои ногти. Они были длинные, а под ногтями было много грязи. - И как Ларюша не сделала мне замечание, что у меня такие длинные, грязные ногти. Хотя она знала, что делать, не делая при этом ничего. Ларюша... Хрюша... Ее надо сделать беременной. Ее обязательно надо сделать беременной целочкой. А может и прямо в таком потенциально беременном виде... Что?... Но подстричь свои ногти... Да и до того... Ну, ты, человеке, охамел конечно философски... убивать чтоб жить. Хорошая погода... Вот как его бы, суку, грохнуть маньяка его же методами, блядь, сука, такого разафонившегося гниду.

Гэллен вздохнул полной грудью свежий воздух сквера после утреннего дождя, бросил в сумку диктофон, допил божественный Сотерн, постриг-таки прикрепленной к ключам специальной южнокарейской ногтекусачкой свои ногти, поставил пустую французскую бутылку у изголовья бомжа, толкнул его, чтоб тот проснулся, но тот и не проснулся. По второму разу бомжа Гэллен толкать не стал и окрыленно, как во сне, пошел, буквально полетел вон из сквера в свою редакцию, по дороге измышляя, как «мочить» он будет Афанасия. Гэлл был гуманным человеком. Замочить, блядь, маньяка - более маньячно, чем нимфетку - и в душе, блядь, предстоящий подвиг героический вознесся. Но можно ли убийцей быть, а при этом славно Родину любить, - вопрос его такой скребал, когда он ехал на работу на метро и люди в давке наступали ему на ноги.

Придя в редакцию, Гэллен сразу попал на планерку к главному редактору. Она началась, по всей видимости, с пол часа назад. Кабинет главного редактора - Фалассия Фалалеевича Гэймерзкого размещался в полуовальной комнате общей площади метров в двести пятьдесят. Обшарпанные, но высоченные потолки, как и в остальных комнатах редакции газеты, были метров в пять. Вообще это был старинный дом какого-то дореволюционного купца первой гильдии. В кабинете главного редактора бы ла пара-тройка компьютеров, пара книжных шкафов, множество развешенных тут и там полочек. Надо сказать, что Ф.Ф.Г. был каким-то безудержным маньяком до всевозможных полочек. Неважно, служила ли полочка чему-нибудь реально полезному - ну, там для какихнибудь книжек, кассет,

компактдисков или на крайний случай для горшочка с цветочком или кактуса, или для бесчисленных игрушечных животных - особенно его любимых бегемотиков, или просто была пустая, - при взгляде на нее - на полочку Ф.Ф.Г. просто таял в умилении и душа его озоном насыщалась. Он начинал мечтать, что вот де на этой полочке можно было б разместить и стойкого оловянного солдатика, и дюймовочку, и маленькую разбойницу, и Кая, и Герду, и они все бы счастливо жили у него на полочках. Фалассий был большой любитель до Андерсена. Но еще большим любителем, нежели до Андерсена Фалассий Фалалеевич был любителем до посинения игрушечных бегемотиков. Он их собирал уже многии годы, и у него была самая большая в Москве коллекция этих бегемотиков. Бегемотиков он любил за раззёванные ротки. Ибо раззёванные ротки у бегемотиков самые большие в мире фауны. И нельзя сказать, чтобы в реальности Фалассий, как со стажем старый пидарас, мог бы дать так просто по натуре живому бегемотику отсосать свой хуй, но во сне - чего уж там душой кривить - хуй Фалассию отсасывали только бегемотики своими нежненькими влажненькими ротками. И вообще, по правде говоря, Фалалеевич считал себя персоонажем очень сказочным на диво - просто самым добрым журналюшкой сказочником девятнадцатого века. И не случайно, что после перестройки Фалалеевич Геймерзкий как-то и действительно сказочно по новому стал любить молоденьких, красивеньких сказочных мальчиков, стал любить давать себе отсосно и всем прочим генитальным подчиненным сотрудникам полную сказочную свободу мыслям, чувствам и мечтаниям души, а главное - подвижным телесам - буквально всем своим соподчинительным «рабам» любой газеты, где всегда он был лишь только вечным их главным редактором и где не все ему, по правде, блядь, сосали - так как он хотел. Но чтобы быть вконец удовлетворенным отсосанным нежными мальчиковыми ротками старым пидарасом - надо посему быть всегда главным, блядь, редактором, сука, - главнюком, чтобы управлять самому сексуальной ситуацией - эту истину Фалассий и воплощал утруженно в делах. Хотя, как и везде - сотрудники описываемой газеты ебались в большинстве своём по разнополовому признаку, и были очень уж разносочетаемы в характерах, и свободны забогемно абсолютно, но это не означало того, что в газете царил лишь хаос флиртовой. Заебальные интриги пожирали все рабочее время сотрудников и в принципе, любого, блядь, «раба-рабыню» можно было соблазнить любым другим «рабом-рабыней» моногамно-персонально, и когда захочется выебать-впороть в своём рабочем кабинете совсем не ordinarily.

Каждый номер газеты звучал как парафраза прочим другим выпендрительноебушимся столичным газетенкам, но и нёс свой собственный, оригинальный, неповторимый шарм продажности - учительства ебаться на базе проходящей по нашему времени, просто таки порой не подходящей для художественной ебли, хотя и художественнейшую, образнейшую, проституточную действительность. Но что самое главное - выебать в этой, как и в других прочих действительностях редакций газет Фалассию удавалось практически любого жопобдяя, на уста которого его, блядь, хуй, вдруг почему-то ночью эрекцировал во сне, предвидя ебли солнечногорассветный восходящий день.

А в стране сейчас было как раз то полуразблядованное время, когда все политические выборы прошли и народ можно было увлечь только каким-нибудь полубульварным журналистким криминальным, например, расследованием, культурологической, там, зажухтелой полужелтенькой интрижкой на сексуальной почве и прочей голубой порноинформационной блябердой, - и на еблю разрядиться время просто очень много оставалось всем, а не только, блядь, Фалассию конечно ветерану.

Когда Гэлл зашел в его кабинет, речь как раз шла о вчерашней театральной премьере, которую закатил в столице наш известный театральный пидар режиссер - некоронованный король всех наших театрально режиссерских пидерасов. На роль Короля Лира он пригласил климаксную семидесятилетнюю всемирноизвестную балетную русскую лезбиянку Кармильскую из самого Парижа. В результате означенного уже в процессе репетиций, эта природношквальная отважная лезбиянка сменила свою половую лезбическую ориентацию с этим наголо, как хуй подстриженным, всегда оскально улыбающимся оптимистическим пидаром, и теперь вся столичная тусня шумела не столько о родившемся, в страшно дорогих кривых зеленых шелестящих муках бульварном псевдо «Лире», - сколько о том, как этот режиссерский театральный пидар и эта балетноногая, с тугой балетною пиздой и жопой, лезбиянка - в считанный момент совместительно совместной оргии хуя и больше не взбеременной от климакса наждачной, блядь, сухой пизды - сменили свои, казалось, вечные, во всех, блядь, театральных словарях прописанные - их классические младенческие королевские сексуальные имиджевые ориентации, - ибо пидар-король, блядь, режиссер, судя по недремлющим оценщинским глазам критика хуя-пизды Заславвжопского, - забойно, но пристойно трахал в антрактах в гримерной эту гипербалеринку во все видимые и невидимые половые щелюги и прочие жаропаровые отверстия на теле - в результате чего они решили даже пожениться, взять обязательно в Рио-де-жанейро на воспитание брошенного детку - внебрачку Кастанедку, и в дальнейшем жить дружно семьею на острове, бля, где-то в тихом океане, который подарила Кармильской ее прежняя змеиная пизда, - и они, блядь, с нашим пидаром уже объявили об этом сексуальном робинзонадстве вчера вечером сразу после удачного кончания в гримерной на всю её, блядь, невозможную, блядь, рожу спермой заплеснув с его-то брандсбойтного хуя, - объявили на диктофончик в эксклюзиве критику Заславвжопскому в той же, блин, гримерной через две минуты. И уже не в микрофончик, а просто на ушко сладко намекнули, что и мальчика, блядь, Кастанедку тоже уебут уже напару любовию на острове втроем.

Испитый шампунем насквозь до газов испарений критик, блядь, Заславвжопский, который сообщил вчера поздно ночью по мобильному телефону эту сногсшибательную эксклюзивную новость Фалассию Фалалеевичу Геймерзкому лежал, спал и прилично пукал сейчас на высоченном шкафу в его кабинете - точнее просто похуистски бздел.

Рядом на двух стульях стоял его любовник - молодой фотограф Артамончик и, держа правой рукой зажигалку, ухитрялся ею поджигать выбздеваемые газы критика Заславвжопского, вызывая всеобщее восхищение и умилённые аплодисменты всех заместителей главного редактора, присутствующих на планерке, - такого рода пищернопритязательной развлекательно культурологической акцией - скорее просто естественным, заоблачным кабинетным бздёжным феерверком.

Чтобы не поджечь штаны Заславвжопского - Артамон тут же опрыскивал их изо рта водой, как это делают заправские утюжницы - для этого у него не случайно и был в левой руке графинчик с водой. К тому же, счастливец-проходимец критик Заславвжопский был вчера вечером на означенном спектакле, потом на фуршете, потом, чисто профессионально, с неведома Артамончика трахал в цветущую попку начинающую актрисулечку Сосипалочку - но, тем не менее, между брошенными палками, каким-то абсолютнепостижимейшим способенчиком он сумел папарационно заснять в антракте буквально с полутора метров вышеназванного нашего всеми любимого театрального королевского пидара режиссера, трахающего раком балеринного, вспотевшего от заклимаксного удовольствия, не менее известного, а то и более - уже в Западных салонных виллах

и бассейнах Королика Лезбического Лирика. А что касается пикантнейших деталей, то в антракте всемирноизвестная балетная лезбиянка не сменяла своих шекспировских одежд - просто бы не успевала кончить. И так они еблись - в одеждах очень сексуально, необычно и парадоксально, что сперма, аж, летала, блядь, до потолка.

Да, в общем-то, уже и поговаривали, что, как этот прожженный наш сермяжный королевский пидар будет трахать эту полузападную нашу суку дома - ведь дома не будет на ней одежд-то гомосексуальных Лирика Королика. Но, впрочем, не составляло бы большого труда эти мужские королевские одежды дома и продублировать, а на крайний случай и спереть из антерпризы. А для спектакля, блядь, и новые пошить - не обнищает спонсор. Пидару ебать же надо только короля, как короля. И уж в этом ебле-то сигменте весь народ, что смотрит телевиденье всегда - с пидерасом режиссером королем, как действующе ебущемся пидерасом, был официально солидаризирован - ведь половой, блядь, этот акт - через камеру, правда, охраны в чернобелом цвете, как солидное, элитное кино транслировался сразу прямым эфиром четырьмя каналами одновременно после, блядь, программы «Вечность посылаем Временем, блядь, на хуй».

Но эта чудная папарационная цветная фотография с текстом Заславвжопского в ближайшем номере газеты должна была выйти, конечно, под фамилией его первого любовника Артамоши.

На планерке же, да и вне ее, непрерывно, поджигая одну сигарету от другой курили все. И поджигаемые Артамошкой выхлопные газы критика Заславвжопского действительно где-то там под потолком в дыму создавали небывалую картину какого-то сказочного запредельномодернового природночеловечьего явления, не уступающего по атракционности полотнам в занебесьях под сопровожденье звука Жан Мишеля Жарра.

Выяснив все в деталях о культурологической части предстоящего газетного номера Ф.Ф.Геймерзкий перешел к его криминальной - наиболее скандальной составляющей - как раз подошел Гэлл Бэллл - его первый заместитель по криминально художественным расследованиям.

- Как Вам всем да будет известно по столице и вокруг нее уже который месяц бродит-ходит-колобродит маньяк-убийца поедаящий, печеночки у беременнонимфеточной части нашего грустно и печально невезучего самоучносамочного населения. Мы уже сколько раз писали об этом несравненно заманьяченном маньяке - наш неизмеримый, предвосхищающий, пророческий талант Гэлленчик Бэлл о нем писал неоднократно - не видя собственными глазами этого скрытного, по черному работающего людоедика отчаянного девочек, - наш Гэлльчик тем не менее описывал маньяка и его деяния до всеподробнейших деталей, до пуговиц на ширинке, знаете-ли, до резиночки трусов, до кончиков ногтей - предельно точно и определенно, образно и вдохновенно поучительно с заразной изюминкой крылатой. Известнейший же телепат Черепсглазов, независимо от статей нашего Гэлленчика, вчера на предвечернезаутреннем радио академично точно тоже самое прообрисовал в отношении детальных точечных характеристик означенного мною выше маньяка. Нам надо срочно заявить по правоцентральному телевиденью, а может даже - Бог поможет и по в лобцентральному телевиденью, что мы первые в природе, что наша газета, что наш Гэлленчик Бэлл первый, кто взъерошисто точно описал, какой рукой маньяк держит за черепные волосы свои трепыхающиеся нежные жертвочки, какой рукой затем маньяк режет им лезвием глоточки, и как затем без бритвы, ногтями он доскабливается до парных печеночек своих и бывших наших, блядь, общественных

невинно сладостных беременных нимфеточек, вырывает им, сука, гурман лизоблюдоочка, их свеженькие, ароматные печёночки, пахнущие шанель номер пять - я цитирую Гэллена Нимфедовича - и тут же без соли, без хлеба их изысканно, утробно углощает, - произнес свое похвальное речитативнорезонерское словцо Фалассий Фалалеевич Геймерзкий, явно набиваясь к Гэллу Бэл-лу в сексуальные дружбаны по отсосу - истекая, как просился-нарывался и напихивался страстно на телесноинтересную притерочку паховыми органами.

- Вы знаете, Фалассий Фалалеевич - у меня возникли новые фантазмы по этому заключительному, ключевому, экзекуционному финалу. Наш маньяченный маньяк печеночки своих беременных нимфеточек все же уминает с солью, с белым хлебом и под Панаши - с кусочками батонов или там плетенки с маком, но и непременно с Панаши, - серьезно и крайне озабоченно, но как-то отрешённо-рассудительно сказал Гэллен, блеснув по всей «толпе» в редакции улыбочкой в глазах.

- Мой дорогой - откуда Вам это стало так известно? Душе приснилось въяве вдохновенно? - заинтересовался расцветающе новой информацией Фалассий. - И что такое Панаши? Как это под Панаши? Просветите нас пожалуйста, не светлых - затундренно утёмных чукчирей. Может быть, Вы, хотели сказать: параши?

- Не параши, а Панаши, - убедительно повторил Гелл, - французский слабоалкогольный, но фирменный напиток - смесь пива с не вонючим лимонадом - типа спрайта.

- Но откуда, все же, Вы это все так досконально знаете - Вы что, стоите где-то рядом с этим маньяком во время его печёночлюдоедочной хавашки?

- Творчески телепатирую - простите. Я плохо спал, но мне действительно приснился этот сон, а снам своим я верю, как в настоящую любовь, - улыбнулся Гэлл и самодовольно, властно и целеустремленно, как сибирский кот, закрыл глаза, вспоминая утреннюю лавочку с воробышками, и конечно, с незабвенным Афанасием.

- Вы этой ночью плохо спали? - удивительно заново удивившись, произнес Ф.Ф., в свою очередь в ответ, также мило улыбнувшись.

- Но, простите - я же работаю - в отличие от некоторых я действительно каторожно въебываю мозгом, а не только создаю из чужого бздежа, хотя и приличные, и всем на радость воздушные, цветные - с голубым небесным цветом - газофеерверки, - и что есть силы Гэллен - в прошлом каратист - с криком-гаком дунул в сторону Артамошки, - и, что самое удивительное, поразительное, и даже небезинтересное то, что хотя до Артамошки, стоящего на двух стульях и поджигавшего Заславвжопского во имя и на благо, можно сказать, общественных, радостных разредительно парадных фейерверков было метров шесть - несчастного Артамона, как щепку сбросило со стульев и отбросило к ближайшей стене кабинета главного редактора, словно атомной взрывной волной с мощностью, бля, эдак Хиросимок сто - так с ним кто-то рядом пошутил миролюбиво, - в результате чего трагикомичный Артамошка сильнейшим, некомичнейшим лично для него образом ёбнулся головой о стену и в мгновение ока потерял сознание своё.

- Но прежде чем приводить беспечного Артамона фотографа в чувства, - весь дружный коллектив редакции разразился громозевскими, несмолкающими, переходящими в бурные овации аплодисментами в адрес Бэллла Гэлла. В редакции, блядь, все любили растарзанным образом мужическую силу, поклонялись ей и боготворили. И даже заместитель банкира - Мэрсион Галактьевич Пружинкин, чей патрон сейчас купил со всеми потрохами всю эту газетенцию, который сидел молча на каждом заседании очередной планерки в кабинете главного редактора и играл на специально для него поставленной сосновой лавочке, блядь, в ножички у самого

окошка, где есть натуральный свет и натуральный свежий воздух от кондиционера, прервал свое любимое упражнительное занятие и, спросив в чем дело - почему-кому пошли аплодисменты, долго слушал, блядь, ответ и быстро понял - скромно и бесшумно в лёгоньких красовках подошел к Гэллену, беззвучноувесисто похлопал перед его лицом своими толстенными жирными тихоглушительными ладонями, и дал ему за «сдуновенье шелкопера» двести по мастям зеленым билетов казначейных долларов. И уж вся редакция вслед такого жеста почитания разразилась просто-таки оглушительнейшими несмолкающими аплодисментами с топаньем, блядь, ног и взвизгами брависсимо. И все заместители главного редактора, включая самого Ф.Ф., сочли за честь подойти к Гэлл Бэлллу и дать ему, за продемонстрированный сдуноведческий номер кто сколько сможет-всочет. Самую увесистую сумму после заместителя банкира дал, как ни вероятно, заместитель главного редактора по религиозным проблематикам Ниверий Расхрестинович Папмирский - он дал, сука, тысячу рублей. Сам главный Ф.Ф.Г. пожертвовал семьсот, а потом уже пошло по убывающей. Самую маленькую сумму - сто рублей - дал заместитель главного по частной жизни Валент Костерович Изгейся. Он вчера очень сильно поиздержался в ночном клубе на уебные тела и хотя был очень щедрым человеком - сто рублей - была его от всей души отдаренная Гэллу сумма.

- Жалко нет сейчас поблизости Афони, - подумал про себя Гэллен. - Вот перед кем было можно сейчас фраернуться смертью по полету, - и засунув две стодолларовые бумажки в боковой карман куртки поближе к сердцу, а рубли просто рассовав в карманах брюк, Гэллик Бэлл не стал смотреть, как будут приводить в чувства фотографа Артошку, - раскланялся с главным редактором, со всей и прочей редколлегией, сделал особый одобрительный поклон в сторону Пружинкина - заместителя банкира - господина, вновь всецело поглощенного своей тренировочной игрой в ножички у окошка на скамеечке, - и под несмолкаемые авации, уж в кабинет Гэймерзкого набившихся на звук аплодисментов буквально всех сотрудников редакции - скромно удалился.

Гэлл был собой доволен. Всем было в который уже раз достойно продемонстрировано кто он и что он может, на хуй, что уж его не надо заставлять работать - он был отъявленным улетным трудоголиком, и всем сотрудникам редакции в этом отношении надо было просто брать с него заслуженный пример: как порою, часто, практически не имея никакого конкретного криминального материала, он залихватски вел журналистское расследование, заставляя этим своим шальным затворческим поносом покупать газету миллионы ротозеев столичей.

И уже зайдя к себе в кабинет, машинально закрыв при этом дверь на ключ, и, распластавшись на диванчике, Гэллен заметил, что до сей поры с ним ни разу такого еще не было - он был рад не от того, что дуновением легких и каратистким гиком-гаком просто небрежно сбросил со стульев первого любовника Заславжопского, а тому, что этот Артамошка-мошка - тоже человек, а так и не пришел в сознание, и возможно-то умрет. Но он успокоил себя мыслью о том, что стопроцентному пидару не хуя совсем, блядь, в этой жизни жить. Толстую кишку свою, блядь, съебывать до рака и членососить, блядь, здоровые нормальные бисексуальные хуи вперемежку с ВИЧ бацильными хуями чисто пидарасными. И заражать, блядь, заражать, блядь, заражать. Нет, такого гнуса стопроцентного надо сразу заражальщика сто процентов мясорубить. Да и к тому же, конечно, естественно, Гэлл был рад, что у него абсолютное антикриминальное алиби - к Артамону Гэллен даже и не прикасался. Ну, дунул - дунул, на хуй. Может у меня одышка, блядь, такая. И тому свидетелем - целая редакция - так что пидар Артамон

Воткнутый сам упал от потери равновесия, увлѣкшись, хуй, блядь, знает чем - поджигом пердѣжа Заславвжопинского.

После этих небольших отвлеченных раздумий Гэлл машинально вытащил из карманов все слетевшиеся давеча, блядь, деньги и пересчитал их однократно. В рублях у него было три тысячи пятьсот семьдесят семь. Плюс двести баксов от банкиразама. - Жить немножко в будущем и можно. Во всяком случае Ларюшку тортиком-мороженым порадую сегодня вечерком и пусть она, блядь, пососет мой хуй с тортиком-мороженым во рту. Да и я, блядь, тоже с тортиком-мороженым во рту могу ей полизать пизду кунигалиссиммо.

В этот момент прозвенел телефон, Гэлл снял трубку и в трубку очень радостно сказали, - с плюсом, на хуй, поздравляем.

И не успел Гэллен сообразить, кто звонил, и чего от него в этот раз совсем неминусового хотят, на том конце провода бросили трубку, и пошли оборванные короткие гудки.

- С каким, блядь, на хуй, плюсом поздравляют? - недоумевал Г.Б. Денег, что ль приплюсовалось? - он тут же посмотрел в окно, выглянул с него. - Нет - никто за ним ниоткуда не следит, даже из бинокля - такое расположение дома - что невозможно с внешней стороны, во всяком случае, в его окно ничего разглядеть. - Странно, на хуй - ведь же непонятно. Я только что и сделал, что нежно сдул красиво, просто фешенебельно, поздравьте, - этого Артошку пидаркрошку. Может кто из редакции с планерки так уже пошел изголяться завистнейше. Да нет - это на них соннозаинтеллигентных, но нервозных шизохреников не похоже по балде - совершенно искренне и все дали мне монету и хлопали, блядь, в ладошки да ладошки очень дружно, благодарно за бесплатный номер раздикованный по сдуванью человека наповал с двух стульев, блядь, стоящих друг на друге. Практически, с трёх с половиной метров сдул, блядь, на хуй, человека - мировой рекорд. Странно. Может Афанасий звякнул? Какие глупомысли - причем здесь Афанасий - да и как он может знать, что десять, блядь, минут назад я сдул со стула человека, в результате чего этот человек мудило-растеряшка, упал, втемяшился башкой о стену очень, блядь, височно и прилично, и сейчас с потерей сознания своего неизвестно дальше там, что с ним еще будет - скорей всего умрет - крест поставят над могилкой пидарасы - этот Заславвжопский, на хуй, Мошоночный Даян, - Гэллен опять поймал себя на мысли, что он сам даже и не потянулся позвонить, и вызвать скорую помощь подможку - ему все это было так сладостно и по хую, что никогда ещё ему так сладостно и по хую, блядь, не было на свете, и так хотелось, блядь, морожено с Лариской отсосать. Блядь. Но вот работать надо. - Да и извините - там в редакции есть телочки, с которыми Артомошка сто процентно поблядовывал, когда еще, блядь, начинающим-то был не стопроцентным пидарасом, а смазливый, блядь, бисексуалом - пусть они, блядь, благодарные скорую и вызывают, на хуй - бесплатно - раскошеливаются хоть кошелочки, блядь, чувствами. Тем больше все они, а там их было две, которых Гэлл мог твердо упечатать и поднять за жопу, что они с Артамошкой уже поблядовали. Во-первых, блядь, Едвига, блядь, Рачкомская-Взаглотская - заместительница Заславвжопского из отдела культуры, которая, кстати, дала за сдуновение Артамона Гэллену целых пятьсот рублей одной новенькой бумажкой и сильнее всех аплодировала - дажа визжала, и Иулитта Арамисская - очень резвая, высокая, поджарая, красивая, блядь, стервоточенка даже и на рыло - сухожильная блондинка - блондинисто небось ебущаяся тварь - на готических стоящих, блядь, ебливых каблуках из отдела политики, которая могла при возжелании взять исключивную беседу с президентом практически любой страны в любой в момент, если, блядь, начальникам газеты было это нужно для их денег.

Арамисская дала семьсот рублишек - как главный редактор, и дала сразу после Едвиги Рачкомской-Взаглотской, очевидно подсмотрев, сколько, блядь, дала как будто бы соперница. И в отличие от нее дала в развернутом японском веере обдувчике - пятьсот одной новенькой хрустящей бумажечкой, плюс новенькой сотней шелестной, и плюс двумя, блядь, близнецами пятидесятирублевками - и дала так артистично, чтобы Гэллик кролик почувствовал разницу между тем, что и как дает в постели Рачкомская-Взаглотская, и, тем, блядь, фактом ебли многопрофильной и жилой, который с Арамисской можно разблаженно постонать. Да - была еще Томилочка Лобок - заместитель главного редактора по работе с письмами читателей. Она дала мастурббригадка, блядь, Гэллу за сдвчик Артамончика всего аж триста рубликов несчастных. Да и она Лобок очень любит разговаривать по телефону - особенно с еблывым контингентом из читателей активных. Да она очень любит читать никому не нужные, хотя, подчас и очень сексозаковыристые письма читателей, но потом она же и любит разговаривать, дроча, с таким читателем по телефону, закрывшись укрмно в своем кабинете. И только из кабинета Гэллена это не мушкетерское порнушество было всегда отчетливо видно. (Его окно было под определенным углом к окну Томилы из-за поворота здания, и, когда вы его открывали, то через отражение стекла можно было видеть, хотя и не вполне детально, все, что происходило в кабинете Т. Л.). Эта, блядь, Томилка - объебистая целка, пиздя с очередным сексочитателем по телефону практически всегда мастурбацировала вздошно, закрыв на два замка у себя в рабочем кабинете дверь, не создавая видимость потливейшей работы. Голос у нее был в самом деле энергичножаждозротичный, но чтоб ее выебать даже за тысячу баксов - а для Гэллена это были деньги - так Гэллик Бэллик наш бы сачканул бы очень не жалеючи.

Гэлл бросился к окну в своем рабочем кабинете, открыл его - нет - Лобок еще не приходила, брошенка, блядь, в свой эротичный закутовский кабинет, да и планерка, видно, продолжалась - через дверь своего кабинета Гэлл бы ясно слышал шум народа, выходящего от пидара Фалассия.

Вновь раздался телефонный звон - на этот раз Лариспруденция звонила - пиздятная нимфеточка его.

- Ой, Ларючек - я рад тебя так слышать - даже не ебать. Ты только на секундочку ворвалась? Секундочку, тем более, я рад тебя вслухать, Ларушек. Ну, я буду в семь в спортивной форме сразу. Ну, ты можешь раздеться и в пять. Уже как две недели раздеваешься по зову сердца в непорочный час неточный вечности отточенной любви. Чао, чао, Бемби - я тебя гигиенически пронзаю, - и Гэлл повесил трубку, и, радостный поэт, забыл про предыдущий «плюсовой» звонок, ставший мгновенно таким бытовым. К тому же, в это время приехала скорая помощь к Артамону - Гэллен услышал об этом через древесную дверь своего кабинета. И не то, что от испуга, скорее от любопытства, он шмыгом скокнул в кабинет главного, где уже на медицинских носилках врач и медсестра пытались привести горепедераса Артамончика в чувства.

- Если оживет сейчас, неваляшка - еще мстить мне будет, репушистый, - об этом только взъегодился сейчас Гелл, хотя и Артамошка был несносно бледный, и следовало думать бы о том, как помочь ему бедолажочке в чувства снова восселиться. - Но я же ведь не врач - у меня совсем иная профессия по жизни, - успокаивал, скорее, просто константировал Бэлл Гэлл ход проистекающего в вечности гавном - скорбного, блядь, времени со всех сторон блядущих - для всех так символично временно живущих - хуй знает для какого акмеизма.

- А что тут у вас все-таки случилось-пригорюнилось? - скорей смешливо, но бесстрастно, чем участливо, но лицемерно всё же, если поточнее, спросил прибывший врач, сгибая-разгибая руки Артамона в локотках.

- Да он со стула навернулся и голову расшиб виском об эту стенку в угол, - затараторили, блядь, все и даже Заславвжопский, который к этому времени уже единолично без чьей либо там помощи ебнулся со шкафа, но не расшибся - ибо был, блядь, в стельку пьян, - но, упав пластичноалкогольно на цементный, но в линолиуме пол, всем, как лоб дубовый, практически затылком, моментально протрезвел и незамедлительно провник в могущую перетрансформироваться в достаточно хуевую отсидку во тюрьме за причастие к трупешнику его.

- На одном стуле парнишечка стоял, хотел газеты со шкафчика подо мною взять и скоблучнулся растюфтеля, - немного криминально логически путаясь (подо мною взять), буффонадил Заславвжопский в своих логически вонючих штанах, утирая похмельные сопли. Он логично явно не хотел, чтобы врачи из скорой помощи допентрили, что Артамошка стоял на двух стульях и поджигал его - Заславвжопского Македона - выхлопные газы. Он испугался, естественно, не того, что врачи станут над ним, как вся прочая родная вшивая газетная редакция смеяться - он своих-то дешевых коллег в этом отношении не бздел и не боялся - они все к нему - к записному культурологическому эксклюзивному блаженному шуту давно привыкли; он просто даже на своих ссученных коллег в редакции в этом отношении, говоря фигурально, просто срал и ими ж подтирался, не говоря про бздежь в их хари ежедневно откровенный. Он же всё-таки себя считал богемой - костью голубой и логически испугался лишь того, что это все же будто бы фактически его выхлопные бздежные газы сдули со стульев Артамошку. Македон Заславвжопский извращённо верно допускал, что вся редакция недолюбливая, скорее презирая из зависти, лично его удачливого, хотя и поздноначавшего баловаться голубизной не ради, блядь, карьеры только, но с глубоким чувством вдуть там в чью-то жопу с хуем очень молодую хуй, чтоб потом и этот хуй тебе бы в жопу вдул свой хуй уже приличный. Так вот - коснись дело следственной комиссии, в случае, естественно, если Артамончик, в результате своего падения, отдаст концы - мстительный редакционный свидетельский состав выдвинет именно эту природно мстительнейшую версию причины падения его, а не их, такого впорнушного любовничка Артамона.

Как бы там ни было, но не приведя в видимое сознание Артошку - его, очень бледного, на носилках вынесли, затолкали в машину скорой помощи и со словами, - возможно, будет, Неваляшка, жить, а возможно Неваляшка и отчебурашился - увезли индифферентнейширетивейши в больницу.

Надо сказать, что когда чебурашечного Артамона выносили из кабинета главного редактора, уже в коридоре образовалась небольшая давка, и когда Гэллен наблюдал за носилками, на которых выволакивали Арта, - чья та экспрессивная рука сквозь хлопчатную материю его джинсов профессионально хватко, но несказанно блаженно, нежно и чувствительно обволокла его за яйца и прошлась волной по члену капитально, блядь, до кончика. Он машинально, инстинктивно положил свою ладонь на запястье шалавливой рученьки и тут же по коже узнал ладошку Иулитты Арамисской. Да точно - это была Арамисская, блядь, Иулитточка. А он ее хотел - он давно хотел эту резвую, шикарную, высокую, худую, но с пышной волнующей попочкой, океанскими глубоководными губами, и с таким же надвигающимся, трепышащим роком, как встревоженные волны океана ненароком хуем Нептуна, блядь, океанским бюстом. И хотя он ни разу еще даже своим видом не показывал, что он ее как-то хоть немножко хочет поебсти, и на нее его стоит с рваниною трусов,

и он естественно ни разу, блядь, еще не прикасался к ее ласкавшим сотню не одну рукам, при заглотке бесконечной очереди членов во роту - Гэллен тут же спермативно, блядь, интуитивно проинтегрировал подкоркой чувствительной, как и головка хуя, блядь, его, что это, блядь, была она, и когда повернув свою голову направо он увидел своими собственными, бесконца ебящимися, глазами ее сияющую женскую, как клитор, восторженную головку, ее лукаво обращенный на него, желаемого хуя, взгляд, блядь, пожирающей пизды - ему вдруг стало ясно все под солнцем. Иулитта Арамисская его непревзойденно хочет убить - хочет здесь, сейчас, буквально в эту же минуту всей своей пиздой океанной океанно в недра поглотить. И Гэллен, стараясь ни секундошки не мучить своим возможным равнодушием достойную страстную пиздательную девушку, а так же в первую очередь себя и, мальчика, блядь, самого не менее ебливого, изловчился прижаться в несусветной толчее, из-за выноса сходящего в миры иные Артамошку, к ее левому уху под мочечку, блядь, эрогенную и прошептать заклинательную всеобещающую фразу, - у меня через минуту в моем кабинете ебемся, - и, внешне, как ни в чем не бывало, стал продолжать гладить своей трепетной ладонью ее щупальцеобразную, дерзновенную рученьку на своем вздыбившемся от прилившей крови аравийском хуе.

И когда белого, как рисуемая смерть, Артамона-Арта пронесли по коридору и вынесли наружу, и толчеюга начала рассеиваться, Гэллен сам - до изнеможения учтиво - снял ее рученьку со своего члена и уверенно шмыгнул в свой кабинет. Через полминуты в его кабинет впарила Иулитта.

Гэллен тут же закрыл дверь, взял Иулиттку в свои руки, поставил на стол, взорвал юбку, сорвал трусики, и со скоростью метеорита лизнул ее соленый клитор, и как отбойный молоток пошел орудовать всей своею мордой в ее влагалищном оазисе на самой сочной свежей глубине на дне, не забывая зубками про клитор. И лишь только тогда, когда его, налившийся будто горячим свинцом аравийский хуй, просто стал метать и рвать, крушить и богохулить, просясь туда же - во влагалищный оазис, где резвилась, грызла и плескалась морда вся хозяина его - Гэлл Бэллл очень нежно взял Иулитту в руки и, сбрасывая на ходу с себя штаны с трусами занес Арамисскую в свой рабочий душ. Да!!! И хуй Вам аравийский с рылом!!! Несмотря на то, что по редакции газеты ползали тараканы, годами не делался ремонт - у Гэлла в кабинете был свой душ, звукоизоляции которого вполне хватало на то, чтобы Вы, что есть мочи трахали девочку, она - что есть силы по благому вопила, а вас никто - никто на свете не мог слышать, кроме вас самих хорошеньких двоих. Ну это Гэлл конечно постарался, раздобыв у одного своего завязточного клиента, про которого он дал нужный до зарезу для его карьеры материал, - отличнейшей звукоизоляционной западной резины специально для звукоизоляции ванн русских комнат для высокого чиновного начальства, чтоб трахаться без комплекса боязни от подслушки на самой на работе. Эту резину потом, совсем мастерски, по-русски, как Левша, но таких спецов их было сразу трое - уложили в несколько культурных слоев через тонкие воздушные прослойки по стенам его сексодрайфного рабочего душа, потолок и даже полу, а потом еще по верху все кафелем укрыли. Это уж другой завязточный клиент помог, про которого Гэллен не дал убийственный для этого клиента свой прощантажный материал, хотя готовил его очень тщательно и долго для еще одного своего завязточного клиента, но того клиента еще раньше подстрелили, и Гэллен догадывался кто, но этот кто за все платил и оставался ему другом. Только друг с любовью мог сделать такой душ.

И поэтому Гэллен сейчас резвился в душе с Иулиттой. Вылизывал у нее все клитора на свете, она в свою очередь отсасывала все его шикарные яички и хуи. Сев на ее

эластичный живот и сжав ее упругие груди он прорывался через них своим хуем, и попадал ей прямо между губок, зубок - далеко за самые нежные гланды. Встав сзади, он прорывал и пропахивал своим проворным хуем ее пизду насквозь, через все ее, казавшееся сплошной одной пиздой, нежностонущее тело. И все случившееся действительно было, как громopodobная в ясном небе, сказка. Это были родниковые чувства. Вот что значит такое великая любовь в неожиданный час, но в полноценный момент и в абсолютно замутненных, и случайных обстоятельствах - как полета над пьянящей бездной - во время трудового дня, у себя в рабочем кабинете.

И все же, когда Гэллен брал Арамисскую сзади, и правая его рука лежала на ее правом бочку со стороны уталенной спинки - он впервые в жизни отдавал себе полный отчет в том, что его правая рука лежит сейчас на аппетитной паровой печеночке молоденькой, спортивной, резвой и здоровой, дико сексуальной девочки. Во всяком случае, до ее живительной печеночки была какая-то там ничтожнейшая прослойка кожи, тонкого мяса и ВСЕ!!! Он даже целовал ее сзади в эту область кожной спиночки над печенью и нежно, и любовно, как Ромео, покусывал в том месте ее пылающую кожу зубками, жадно пролизывая всю площадь над ее целомудренной печенью своим алчным, волчьим языком.

И всасываясь в родинку над печенью Гэллен вдруг вспомнил Афанасия. Он вспомнил о диктофоне. Но странно - его мало интересовала расшифровка кассеты - ему безумно хотелось вкусить практики и ничего больше, кроме живительной практики!!!

- Нет - я что-то начинаю дергаться с ума - но это так Божественно Прекрасно!!! - орал он про себя, всаживая свой арабийский хуй с розовыми яйцами Иулитте Арамисской под самые ребра и целуя, целуя ее мощнейшим, бесконечным по времени засосом, обхватив своими распростертыми губищами почти всю площадь ее печени со стороны, трепыхавшихся, будто гигантские воробышки - жопочки и спиночки ее.

Всей редакции, казалось, не было дела, куда девалась на полчаса Арамисская, что поделявает закрывшийся у себя в кабинете Гэлл. А, если он закрылся с Иулиттой - то у них могут быть просто рабочие переговоры.

Хотя Томила знала - точно знала, что делает сейчас Арамисская, находясь в кабинете у Гэллена Бэллла, - и что делает сейчас Гэлл с Арамисской в своем звукоизоляционном душе. Она там разочек побывала, когда только что устроилась полтора года назад и Гэллен ее попробовал. Но пиздень у нее была очень странная. Спереди ее было трахать ничего, но вот сзади можно было в ее пиздени поломать и хуй. А его душ больше годился для траханья раком, да и вообще, глобально говоря - Гэлл только этим способом и трахал всевозможных телок. Когда он ебал телку - ему нравилось смотреть на ее красивую жопу. И бить своим пахом при ебле по этой красивой полумяжкой полужесткой попке. - На лицо красиво любоваться, когда ты ей минет даешь. Да и так по жизни в обиходе иногда, если телочка действительно красивая попалась. - Гэлл был опытный ебанный ебарь. Он сразу просек, что пиздень Томилы - королек - расположена ближе к пупку, нежели к анальному отверстию, и после первого же траханья больше к ней с таким вопросом и не подходил, и не притрагивался больше, хотя по вздохам-ахам она ему понравилась, но минет делала больно - просто терла об зубы и все - без романтических фантазий - просто, в лучшем случае, сосала хуй, как сосут в детстве сосульку, и все салюты.

- А хуй, он все же не сосулька - хуй, он все же кровеносного горячего состава, - рассуждал сам с собой Гэлл, еще тогда по поводу ее безвкуснейших минетов.

А сейчас Томилочка Рачкомская-Взаглотская, чтобы снять напряжение, позвонила одному из самых заядлоэротичных «по» читателей их газеты и присылающего, практически каждый Божий день, кипу воодушевленных писем - это специально она его затравливала и ответными письмами, и вот телефонными отзвонами - он был не из Москвы - этот самый эротичный читатель по имени Афиноген - и телефонные переговоры стоили для редакции, естественно, денег. Итак, Томила позвонила Афиногенчику чтобы снять в отместку Гэллу с Иулитткой напряжение и как, впрочем и всегда, стала эротично разговаривать с Афиногеном, блядь, по телефону, мастурбируя при этом, как всегда, как заклимаксная дочь.

Но у Гэллена с Иулиттой в звукоизоляционном душе по сравнению с этой дочерью была, известно, просто царская прострация история.

Потраховшись-потраховшись, как следует в душевой комнатенке Иулитта была кричайше экзальтирована, как длиной и толщиной буквально ассирийского члена Гэлла с розовыми яйцами, так и его мускулистыми, на редкость живописными ягодицами, а также продолжительностью яркого сорокаминутного динамического трезвенного до, блядь, измочалия, уминания-соития. Кончая, Гэлл подчеркнул, что мог бы и подольше, но все же они на работе и продолжительное присутствие Арамисской в его кабинете, хоть возможно и по газетному делу - может вызвать лишней ненужный в редакции пиздеж. Все же они решили пока до поры до времени для прищуря всех своих коллег - поддерживать официальные отношения. Хотя Гэллен уже через пять минут взябленья Иулиточкиной попочки твердо и решительно втреснул себе молча сменить свою нимфеточно-младенческую Ларку уже доску на мясную Арамиссочку котлетку.

- А как она еще отсасывала хуй - эта эйфелевая выдра. Просто всей своей духовной сущностью и белоснежным дребезжающим телом высшей пробы бляди, - искушенно отмечал про себя Г.Б.

- Я чувствую, тебе действительно серьезно понравилась моя популечка, - перешла уже на ты Арамисская и опять, как и в коридоре, уже одевшись, через штаны, сжав правой лапшей хуище Бэллла. Причем произнесла эту фразу шепотом, но в самое его левое ухо - так что получилось бритвенно, блядь, звонко эротично-загранично.

- Больше всего запали в душу мне твои реснички, сука.

- Почему реснички, мотылечек?

- Они очень бархатистые.

- Как уебисто-богемно - бархатистые - никогда бы сама не придумала сих энтинных словес. А глаза тогда уж что же по твоим словам? - как ребенок, шаловливо вопрошала Иулитта заинтриговавшись.

- Глаза заебисто глубокие и пизденно запредельные.

- А, что еще тебе понравилось и крайне, мой ты канарейчик? - допытывалась нежным голосочком А., при этом, буквально скручивая своими когтистыми пальцами член Гэлла, выволачивая его снова на Божий свет из ширинки.

- То, что ты объемно целкомудренная девочка в четвертом измерении по кубу и квадрату.

- А мой хиппи язычок? - при этом она ухитрилась стремительно присесть, пройтись своим шершавчиком панковым по самому запотолочночувственному месту шейки на головке члена Гэлла, - и уже стремительно взлетев-поднявшись и взярывшись, тут как тут и снова оказавшись в губищах за зубищами Гэлла со своим уже немножечко соленьким от его спермаги язычком.

- Твой язычок хотелось бы и скушать, но сначала откусить - с этими словами он так страстно обнял и засосал Арамисскую, что она опять напрочь забыла, где она

находится, какой на дворе час, год, век и кто ее, блядь, девочку ебет. (Простите, блядь, ебал пять минут тому назад).

- А когда еще? - тут же, взволнованно спросила Иулитта, когда продолжительнейший засос окончился и она откупорила глазенки.

- Да вот тоже думаю об этом напряженно.

- Ты сейчас живешь не один?

- Я сейчас живу с девочкой.

- Ты эту девочку собираешься ебать до сих пор и после, блядь, меня?

- После тебя ебать я только лишь смогу тебя.

- Так почему же ты до сих пор живешь с девочкой?! - не унималась Арамисская.

- Я охуеваю, Иулиттка - я живу с девчушкой до сих пор лишь потому, что раньше я не еб тебя - ты, блядь, женские вопросы, на хуй, не стесняясь заддаешь.

- Но сейчас же ты меня уже и проебал - можешь, на хуй, девочку молочную и бросить.

- Но сейчас я, проебав тебя, это, блядь, не я уже живу с девочкой - это девочка уже просто доживает со мной, - так ебал мозги он Иулитке уже своей самцовской совершенной логикой.

- Но ты же не хочешь, чтоб эта девочка доживала с тобой после того, как ты узнал меня, блядь, проебав и хочешь со мной дальше только и ебаться легулярно, блядь, со мной - тем больше, что и я в себя тебя въябления невыносименько хочу.

- Я, знаешь, тоже, видишь, не хочу, чтоб эта девочка доживала, блядь, со мной после того, как я выебал тебя и тем более, что и ты того же бесподобненько вслед хочешь. Но ты знаешь - ей просто негде жить - этому ребеночку с взросленькой пиздой. Может ей просто снять квартиру за двести долларов в месяц? На один месяц у меня есть,- он похлопал себя по левому боковому карману куртки. А на потом, у тебя есть двести долларов в месяц, чтобы этой девочке снять просто квартиру и покупать ей иногда фрукты, овощи и прочую особо не поносную еду?

- У меня есть двести долларов в месяц, чтобы этой бывшей твоей девочке снять квартиру, но я очень жадная и не дам - тем более на фрукты с овощами - это кушать все я и сама открою ротик за бесплатно. Ее проще убить за эти двести долларов, чем дать ей эти двести долларей - тем более и каждый будущий месяц и каждый день бояться, и даже каждую небесную секундочку, что она опять отобьет тебя в свою пизду обратно, - пропела Иулитточка невиннейшим сопрано, будто жопою дезентерийной прохолерной просвистев.

- Но, если ты этого очень хочешь - давай ее просто и убьем. И не будем платить эти двести долларов - просто сами ее грохнем в удовольствие, а доллары свои, блядь, заберем себе, - по доброму, с улыбкой поддержал Гэлл предложение микробной Иулитточки.

- А когда убьем? - еще более невиннейшей трелью прочирикала А.

- Да хоть сейчас после работы. Чем ты будешь заниматься?

- Да, в общем, я свободна. А где убить-то ее можно?

- Дома - в ванной у меня, - несколько игриво ответил Гэллен.

- Как здорово. А чем?

- А чем ты хочешь?

- Руками задушить, - как ребенок - задиристо по-детски предложила Иулитта.

- Ну конечно можно и руками. А лезвием не хочешь?

- Будет много крови.

- Но зато и запах леса.

- Почему?

- Так. У меня воображение играет, - вспомнил кое-что сегодня утром наш Гэллен.

- Ну - твоя квартира эта, в общем - можно лезвием, я согласна - лезвием - так лезвием - оружие выбирать тебе на твоей жилплощади.

- Но все равно ж печенку-то ее мы хотя бы в первый раз - уж лучше лезвием спокойно ее вырезать печенку, а не голыми руками выскребсть, чтобы съесть.

- Ничего себе - так ты что - еще и людоед. Ничего себе. Двойное, сука, счастье. Предупреждать же надо. Я тоже так хочу быть людоедочкой еще. Ты мне разрешишь? Как ты.

- Печень ее будешь хочешь слопать? Половиночку оставлю - так и быть, чтоб впредь всегда пизду давала мне.

- Ну, конечно же - а как же? Поэтому ты в душеике так заподжигательно меня в спинку целовал, где под кожицей там находится моя печенка, когда в попку трахал, хулиганчик? Понятненько теперь. А сердце ее можно будет скушать? - меланхолично, как Арлекино произнесла Иулитта слова, при этом приложив две свои ладони к своей левой груди.

- Сердце - ты смотри, какая кровожадная. Сердце целиком?

- Все равно ж выбрасывать потом все тело, блядь, с костями. Ты мне разрешаешь?!

- и, прижавшись своими пылкими губками к его правому уху - она жадно принялась его ласкать, ласкать и улизывать утробно.- Ты кусочек сердца тоже, милый, хочешь?!

- Если ты мне дашь.

- А сердце из под ребер очень сложно вынуть, даже если, блядь, и постараться?

- Вот с чего-то начинать-то было надо - ты моя гетера роковая рококо. Справимся, я думаю, вдвоем.

- Ну что - она серьезно посмотрела на часы, - если через два часа мы выходим из редакции - до тебя ехать не больше часа?

- Минимум пятьдесят минут, - уверенно промолвил Г.

- Все. Через два часа мы выходим и будем у тебя ровно без пятнадцати пять. В пять заявляется твоя нимфеточка Ларюша - мы ее сначала вместе трахаем забвенно - хорошо. Я читаю твои мысли, ненаглядушка моя?

- Ты просто какая-то сверх телепаточка-рыбонька, кошечка-воробышка, сердечная пизда.

- Я беру исключив у любого президента из любой страны через пять минут, как его потребует к себе на стол наш Ф.Ф.Г. - а ты мне говоришь. Тебе так со мной подфартило, моя ты ебанная прелесть, - ты не представляешь будущего счастья всезатменного. Через два часа? - она снова посмотрела на часы.

- Точно через два часа, - слегка подкалывая, но серьезно вторил ей Гелл, - какой воистину прекраснейше ебливый нам сегодня спослан был денек, - продолжал он уже в поэтическом настрое, как и Арамисская.

- Давай лишь будем говорить стихами после царственного пиршества сегодня?

- Неплохо бы оно конечно - хорошо - стихотерапия, - Гэлл явно одобрил кишками и хуем сексуально поэтическую направленность этой супротивстоящей блондинистой пизды.

- Короче - через два часа - я буду, как клиторный орелик, - и еще раз, крепко сжав рукой хуй и яйца Бэллла, и поцеловав его нежно в язычок и губы - Арамисская, эффектно щелкнув ключом, отперла дверь в кабинете Гэллена и скрылась в пчелином коридорчике редакции.

Едва она исчезла, Гэллен живо представил трех своих знакомых парий известнейших актрисок - трио Н-Н-Н. Маму с дочками двойняшками. Едва мамашка дочек видела его на каком-нибудь артистическом фуршете, как тут же у нее внутри все воскипало и возбурлевало, она молниеносно бросалась к нему, через штаны брала его высохшими, корявыми, безумными своими хватающими пальчищами с

ноготтищами за его розовые аравийские яйца, крепко сжимала их, стараясь их сколоть в кровавую яишницу вместе с уже вставшим, налившемся, как сентябрьское яблоко импорт аравийским хуем, и незамедлительно как кобра кидалась лобызаться в шею своими крашенными красными губищами, воняя пораженным раком пищеводом изо рта, и при этом шепелявя вставной челюстягой какие-то несметнейшие лестнейшие слова про его криминальные расследования, про свою любовь к этим гениальнейшим криминальным расследованиям, про свою еще более великую любовь к автору этих небесных криминальных расследований и про его небесно занебесный исполинский аравийский хуй с розовыми яйцами.

Ее распомаженные дочери стремглав подлетали в тот же миг к ним вплотную и прикрывали своими животрепещущими попочками с двух сторон все, что вытворяла с его хуем и яйцами мамаша. При этом мамаша тут же начинала надставлять ему, что почему он до сих пор не сделал предложения ни ей, ни даже ее сексопильнейшим столичнейшим отличнейшим дочуркам с их незабвеннейшими попочками с дырочками, про которые ходили дивные легенды по Москве.

- Не забывай - отличницы так отлично трахаются, они так отлично отсасывают, они так отлично всем дают, что тебе не надо будет их даже мучиться ебать, ты будешь ебать меня, и мы вместе с тобой будем до конца моих лет воспитывать их детей и моих внуков как твоих.

На каверзный вопрос: кто будут для него разблядованные дети хотя бы одной ее доченьки - она отвечала рассеянно, изысканно, но искренне и просто: для него это будут дети Мироздания-Любованья.

Гэллу как-то не фортило иметь от какой-нибудь одной из ее изблядованной дочки, а тем более от двух ее разблядованных в дырочки попочек дочек иметь еще чужих детей, хоть и Мироздания-Любованья, - так что он старался как можно стремительней съебаться от просто вакуумно присосочных пиявочных пальцев этой сверхклинической мамашки с сушеным климаксом и с верой, но это ему не всегда с успехом удавалось быстро сделать.

Нет - Арамисская - другая - она очень славная и нежная-хорошая. Хоть и ее рученьки-присосочки не менее осьминожно вакуумнообразные, но материнское начало высвечивалось из каждой бурлящей сексопильнейшим соком клеточки Иулитточки. И хоть она трахалась и отсасывала, как прожженной стерва, - Гэллен был твердо уверен - дети у Иулитты будут только от него - больше никому и никогда на свете она не даст свою побритую пизду, - а если даст, то сама и убьет того, кому дала, чтоб сожрать потом, как Клеопатра, его хуй, как будто бы пылающее сердце Данко самого. А если не она, как Клеопатра, то того сучняру-ебаря по ее наводке убьет и сам Гэллен, чтоб в свою очередь сожрать его печень. Ради Гэллена, ради его аравийских розовых яиц и небеснейшего хуя эта сука Арамисская была готова пойти на все. Вот в это Гэллен твердо Верил. И предстоящий вечер предвкушал ему, не только акт насилия, убийства, людоедства, но еще и акт садисткой верности до гроба, лютой до гроба любви и будущих детей своих смертельнейших до гроба от Арамисской Иулитты людоедочки.

- А перед тем, как буйным детям появиться - будут ночи страстные безумнейших въеблений - и это вещь бесценного начала, да и к тому ж полезна для здоровья обоюдного, когда никто не болен спидохеткой из двоих - хоть это, блядь, избитая - из быта уже фраза, - так поэтично он уже осознал все о чем он в это время думал, и так об этом в это время думал, когда все это он осознал.

- Нет, все же, как круто этот июньский денек резво начался по кругу, - смекнул к тому же Гелл, и взгляд его приковал диктофон, где была записана беседа с Афанасием.

Гэллен перекрутил кассету и немного послушал запись, чтобы убедиться, что запись действительно была сделана четко. И потом в счастливом ионном свете стал думать о Ларюше, о том, как сегодня вечером с Иулитточкой они ее будут сначала ебсти, а потом и убивать и поедать: он - ее печеночку парную, Арамисская - ее сердечко полное крови. И у него даже сейчас встало, и не от того, что они будут сначала Ларюшу ебсти, а встало от того, что они вместе будут Люрюшу потом кушать. И про себя Гэлл отметил, что такое вставание хуя от воображаемого людоедства у него впервые, и это вставание хуя ему действительно понравилось - ибо было это спонтанное вставание хуя только благодаря раздумьям и воображению - как-то светло, наивно и лирически оригинально. И даже не закрывая глаз - он продолжал ясно представлять себе эту захватывающую, но также и щемяще грустную, печальную картину ебли, убийства и ужина из жертвы этого убийства. А хуй его все сладостно так поднимался и поднимался, что Гэллу даже пришлось его сдрочить опять в своем таком рабочем душе.

- А ведь я ее хотел любить эту Ларискундию - хотел иметь от нее деточек хорошеньких. И она меня любила - и любит, детка, до сих пор. Вон, даже позвонила и несмотря на то, что у нее есть ключ - предупредила меня, что придет пораньше, и попросила даже разрешение зайти в мою квартиру пораньше, несмотря на то, что у нее есть от моей квартиры ключ. Молоденькая, но очень внимательная, умненькая, нежненькая девочка - где-то на какого-то там менеджера учится. А он с Иулитткой, как варвары придут сегодня вечером, выебут это нимфеточное чистое наивное, небесное, мотыльковое, невинное созданье, а потом прикананыжат, а потом съедят на выбор самые развкусные места и, блядь, бесплатно - не с базара мясо. Боже, Боже-то ты мой - где же справедливость-то твоя? Через людей идет вся твоя-то справедливость, праведность, божественность. Но почему же я, вроде бы совсем не изменившись по характеру, повадкам с сегодняшнего утра, а, лишь только классно потрахавшись с Арамисской Иулитткой - восторженно просто решаюсь пойти на убийство, на пожирание телес своей еще нынешней ночной возлюбленной Ларюшки, хотя и очень, видно, вкусных - по словам-то Афанасия. Словам, блядь, тело верит, на хуй - и ни в зуб ногой - не поперхнешься, блядь, в пизду. И я действительно не вижу в действительности в этом ничего плохого и предосудительного. Главное, чтобы менты за жопу не взяли, естественно. Ну а откуда они догадаются эти менты, что ведущий журналист центральной столичной газеты будет сегодня вечером насиловать нимфетку вместе с другой ведущей журналисткой по политике, а потом ее еще и с аппетитом зверским лопать в обе щежки? И ведь хочется - так очень хочется ее ларюшкиной печеночки до смерти. И точно - отдрочить нельзя желание такое, чтобы его снять. Но, блядь, ведь еще так - еще может быть больше хочется посмотреть в ее предсмертные глазки, а может быть еще больше хочется посмотреть на нее, когда мы будем с удовольствием ее насиловать? Никогда ж не видел, блядь, в натуре, по процессу весь процесс. А, на хуй, жил тогда? Чтоб все по телевизору смотреть искусственные съемки артистов в роли маньяком? Ну заебал же ящик, блядь, харизмами из ящика блядей. Всего же хочется в натуре натурально. А раньше вроде бы и не хотелось почему-то - был дурак. Может это просто Афанасий совратил?

Но раньше же Гэллена никто не мог, блядь, совратить. Он был даже в камере у Чикатило. О, это было очень не просто попасть к этому сериальному маньяку. По большому благу договаривались - за очень зеленые бюджетные гривны. Он там, в камере еще нащелкал столько много снимков. Чикатило становился перед ним на двух кроватях в мостик - он его фотографировал, дрочил свой хуй - и это он заснял. Больше всего его поразили огромные, как у заправского кузнеца девятнадцатого

века, руки Чикатило. Гэлл тогда явно представил невозможные возможности всех жертв, попавших в его мясистые мышечные волокна.

Гэллен посмотрел на свои руки. Они были беленькие, чистенькие, с только что остриженными ногтями. - Нет, ну мы не будем Ларюшу как-то кровожадно, по дикому убивать. Уж кого кого, а Ларюшку надо бы убить эстетично и красиво. Тем более он будет сегодня убивать действительно в первый раз. И Арамисская тоже будет в первый раз. Артамошка, если не выживет - это не считается - с Артамошкой было как-то между прочим и случайно совершенно. Кроме юмора Гэлл для души ничего не получил, когда ему удалось сдуть со стульев Артамона. Хотя, не сдув со стула Артамошку - в Гэлла б не влюбилась тут же до испепеления эта Иулиттка, и он бы ее только что так активно не утраhal бы у себя в душе, и, естественно, не влюбился бы в нее после этого сеанса, не захотели бы они потом пойти и грохнуть и покушать переместившуюся куда-то на его задний душевный план Ларюшку, после того, как он натрахался сейчас с Арамисской, и ему в перспективе так с ее блондинистой пиздой желалось продолжения. - И он подумал, - что это действительно аксиома - вся душа у девушек находится в пизде. Нет, кроме всего прочего - Арамисская - чрезвычайно классная баба для карьеры. Да ее и не надо подкладывать под начальствующих и денежных мужиков, от которых так много зависит в этой жизни - тем более его карьера. Он и сам был недюжинным талантом, и его приглашали многие газеты занять презентабельные посты. Два раза его приглашали даже в пресслужбу президента на начальственную должность. Но он отказался. Твердо для себя еще в юности решив - быть творчески свободным, ни от кого независимым человеком. Но Арамисская была очень легка в общении - в своих женских извивистых таких мозгах - Гэллен это уже давно заметил, но как-то все не решался ее выебать, хотя она на него уже смотрела и раньше предлагающим взглядом сосунковочной орлицы. Но что она сотворила сегодня, только что в его служебном душе - как это было сверх всяких слов изысканно-импровизационно-поэтично, легко, красиво и без лишних слов, блядь - элегантно - какие еще могут быть эпитеты, когда у вас на работе, во время рабочего дня невозможно гениально отсасывает топ модель улетнейшего класса высочайшего, а для всех сотрудников вы в это время просто напряженно трудитесь - и это тоже очень приятно сознавать. А ее взгляд. Один только ее действительно иззавселенский взгляд - и вы лежите наповал в своей клокочущей крови от взорванного давлением крови хуя. Он и раньше конечно замечал ее волнующе-трепещущий взглядок, но после искроглазного отсоса - ее взгляд чудовищно-драконно изумрудно был неотразимым.

- Для карьеры будем использовать только ее драконий взгляд. И у нас получится. У нас все должно получиться.

Даже у далеко не рафинированного Чикатилки кое-что получилось. Как никак, а пятьдесят шесть человек официально разрядил. Не ленивый, сука. Хотя лично Гэллу он в камере признался, что не стал писать на себя еще с полтора десятка своих же трупов. Просто он - патологически очень ненавидел ментов, ибо был, по его словам, агентом КГБ и в молодости «мочил» официально на явочных квартирах кой кого и приучился, блядь, «мочить», «мочить», «мочить», а адвокату, блядь, не разрешили кагебушеники это «вспоминать», чтоб его, блядь, так вот кагебушной крышей защитить, и поэтому хотел, блядь, Чикатилка, чтоб его трупы висели на ментах в их делах, как его на ментах не обтертые сопля, блядь, кагебушные качались на ветру.

Тут Гэлл вспомнил, как казнили Чикатило. Договориться с ментами для Бэлллы, насчет его присутствия во время казни Чикатило было в три раза дороже, чем просто придти к нему в камеру для беседы.

Подвальная камера, где казнили Чикатило была довольно просторна - приблизительно тридцать квадратных метров с обычными двухметровыми потолками. Как только Чикатило втокнули в эту камеру - его тут же похватили под руки два солдата и повели к самой темной, менее всего освещенной стене. И когда до стены оставалось около метра - Чикатило резко нагнули лицом к полу - так что он даже очутился на коленях, а его голова уперлась в какой-то решетчатый, железный настил на полу. И тут же мигом - уже третий человек - это был полковник З.-разрядил пару тройку гильз из своего табельного пистолета в затылок Чикатило. И кровь из головы Чикатило потекла сквозь железные прутья на полу куда-то еще вниз в клоаку под самое нижнее подвальное помещение тюрьмы.

Гэллен стоял как раз у самой этой стены - в углу и отчетливо все видел - ни одна миллисекунда процесса произведенной казни не осталась не увиденной. Чикатило тоже видел, что кто-то стоял у стены, к которой его вели, но было действительно темно и он не узнал, что это был тот журналист, который две недели назад долго беседовал с ним в камере, и фотографировал его, как звезду, на память человечеству...

После казни Чикатило с его прострелянной, кровоточащей головой оставили на железной напольной решетке «стечь», - а все исполнители и прочие живые констатирующие смерть присутствующие, направились к стоящему, как оказалось, у противоположной стены столу, на котором стояла бутылка водки и даже мясная закуска. Но весь стол до казни со всей едой и водкой был полностью накрыт огромным черным полотнищем - еще поэтому никакой стол в этой скорбной камере Гэллен вначале даже и не заметил. Сдернув и ровно свернув полотнище вместе с солдатами, полковник З. налил всем по рюмке водки и произнес: «За упокой души Чикатило». И все выпили... и все закусили... И видел Гэллен, как страдали кагебушники, что грохнули товарища родного своего...

Больше Гэллен в живую Чикатило никогда не видел... Естественно.

Но в снах, в видениях он к нему приходил, тихо садился у какой-то невидимой темной стены и отрешенно думал о своем...

Нет, Гэлл не боялся, что его жизнь может теперь также трагично, бездарно, кощунственно закончиться - ведь он отчетливо понимал, что сегодня вечером он из живого человека - нимфеточной прекрасной семнадцатилетней девочки сделает труп и это ему сделать надо, и это ему сделать очень хочется, и это не представлялось ему с его стороны кощунством. У Лариски, блядь, дедулька был попом - сама, блядь, признавалась, что грохнули энкеведешники его. А у Гэлла, блядь, дедулька был из тех, кто, блядь, руководил теми, кто, блядь, грохал этих сук, неверующих попиков-попов. Ладно, на хуй, - он и Иулитточка - будет получать наслаждение от творимой смерти, а Ларисулечка - даже в тысячи раз более концентрированном виде будет получать наслаждение от смерти собственной своей... Нет - Чикатило ему привиделся сейчас от того, что на душе ему было несказанно грустно и одновременно радостно за эту дуреху Ларюшку, - а более грустного и одновременно потаенно радостного, более всепонимающего и всепрощающего человека, чем Чикатило, Гэллен, как сейчас на поверку оказалось, никого подобного в жизни не встречал и не видел. Хотя его сегодняшней утренний знакомый Афанасий тоже, видимо, был из радряда человеческих серийных маньяков убийц, но он был, как все же показалось пронизательному Гэллу, излишне эмоционально дерганым и зазнающимся при этом человеком - не энкеведешных, тем более не кагебушных генов. Чикатило же был убийцей как-то природно сердечно человеческим - он был действительно воистину народным прокагебушенным убийцей, - заключил про себя Гэллен.

В дверь его кабинета кто-то резко постучал, и стремительно вошел, если не ворвался. Это был чем-то возбужденный Заславвжопский Македон.

- Только что на двадцать пятом году жизни в больнице, не придя в сознание, скончался Артамон, - выдохнул задыхающийся Заславвжопский и пролил при этом чувствительную слезу.

Гэллен сморщил лоб и отрешенно китайским болванчиком покачал головой. - А выпить даже нечего,- сказал.

Заславвжопский предложил сбегать в близлежащий магазин хотя б за клинским пивом, но Гэлл резонно отпарировал, - что, да выпьем, блин, еще этому вопросу. Не спиваться же теперь усразу.

- Да я что-то вообще начинаю заболевать форингитом, - пожаловался Заславвжопский, - а это воспаление гортани так рядом от мозгов - опасно. Все, на хуй, блядь, опасно. Самое главное - жить вообще дурено и опасно. Живой пример - Артоха.

- Тем более, - солидировался Гэлл. - Да и лучше вообще в наши уже годы пора завязывать лакать спиртягу даже и пивную, а рвать до дому, если форингит пробил,- в горячую там ванну, клизму в попку и голодать по Брегу над Малаховым. С форингита, если лечиться не будешь - бронхит рубанет, запустишь бронхит - воспаление легких задавит. Не умрешь от воспаления легких - туберкулез тебя угреет. Да и вообще жить очень вредно - это точно, Мак.

- Да какие разговоры, Гэлл. На меня последнее время спиртное что-то тоже плохо стало восприниматься. Вот в деревне водки ухлобыстишь - две бутылки засосешь, а будто бы нарзан. Ты, конечно, молоток со своей системой голодания, но у тебя есть воля, а у меня ты знаешь - воли ни хера нет. Желание есть, хер есть, а воли ни хера нет - вместо воли одна поебень, - грустно подытожил Заславвжопский.

- Ты что, без воли что ль всех богемных девочек стоймя печатаешь умассовым конвейером?

- Нет, ну все богемные, тем паче там - начинающие предбогемные пиздасоски, блядь - на масмедийном подсосе - положено так, блядь. Ну, у нее че - кроме пизды ничего же нет, когда она начинает только пиздой-то шевелить для жизни. Я, блядь, про нее в нее во благо пиздарвашку статью всаживаю, что она сучка пиздарная, как Эдит Пиаф без голоса, но с душой по перспективе, - ну пусть мне хоть талантливо за это отсосет, рванина, блядь, галантно. Хоть в чем-то себя покажет, проявит. Да хуй у меня уже в доску замочалился всех этих блядей исхуйства трахать в их анальные сокровища на жопе. Ну а как еще выяснить, что эта пизда или хуй действительно в будущем на что-то будут способны кроме сквозных гениталий своих гениальных пока, блядь, бравых-молодых, блядь? А без этих гениталий - без шансов фишку проходную резвую духовную просечь на перспективу, блядь, в исхуйстве сосуществованья. Ну, Гэлл, ну ты же знаешь, блядь - мы с тобой обсуждали эту тему, блядь. Даже не то важно и принципиально, как Оно подмахивает. Самое главное, как Оно отсасывать способно - через это, блядь, все будущее видно. По миллиметру так Оно язычком проходит по самым этим эрогенным-то твоим убойнейшим на хуе клеточкам телячьего восторга, блядь, и счастья, на хуй. Ты конечно только чуть-чуть дирижируешь шепотом, а Оно все соображает тут же, сука, понимает, - еще там импровизирует в импровизе, блядь, Само - ну, ты что - полет. Ну, ты что - тебе, что ль объяснять, специалисту, блядь? А в попку ты объекту со сливочным смальцом с медком стоймя, когда ты в форме. Вот, блядь, интересно, на хуй - природная загадка: на пизду какую рыхлую мой старый, уставший, можно сказать, хуй не стоит, а вот в упругую анальнейшую попку даже не мальчика - втыкается и моментально, блядь, до корневищ яиц, блядь. Хую тут напоминать не надо, что надо встать - ему

тут автоматом тут же снова двадцать лет - встает как лом железный. Насквозь дырявит всю кишку кого там в тонкую и в толстую кишку, блядь, обращает - я просто хуем поражаюсь. Вот ебу в жопу девочку со смальчиком и поражаюсь своим хуем - вот самое интересное, что надо отметить, Гелл, блядь. Блядь, надо докторскую на эту тему писать, на хуй - академиком становиться, блядь. И два часа без продыху, блядь, ебли семязвержной. И всю ночь. На следующий день хуй конечно болит, сердечный, милый - ой болит, милый сердешушка, с усердья-то, блядь, рокового. Но даже если весь день хуй болит, но я вечером на какойнибудь тусовке встречаю свеженького мальчика, которому нужен, блядь, мой масмедийный арсенал - ну хуй проходит моментально снова - он здоров и к бою в дырочку в улет. Нет, вот, представляешь - ни хуя хуй спида не боится - втыкается, куда ему, конечно очень хочется воткнуться и все - какой там спид, в пизду, блядь, когда этот мальчик у тебя так гениально генитально отсасывает. Эх, Артамон, блядь. Как отсасывал - бля-ядь. Как отсасывал Артамон, блядь, - нет, как Артамоша отсасывал, бля-ядь - хуй кто когда еще отсосет, блядь. Он у тебя отсасывал, блядь?

- Ну, Мак, блядь, - у меня этих отсасывающих пидаров - они меня заебали, блядь.

- Нет, ну, Гэлл - у тебя хуй красивый - ассирийский хуй - поэтому тебя все пидары по Москве и заебывают лестными предложениями, блядь, - легенды про твой ассирийский красивейший хуй с розовыми яйцами по России ходят, Гэлл. Я б тоже хуй твой отсосал - между нами девочками - но у нас с тобой гусарские же отношения, Гелл, блядь. Ну не будут же гуссары друг у друга хуи отсасывать, Гелл, блядь - не по истории советской.

- Нет, ну, Мак - ну ты правильно мыслишь, на хуй.

- Не приходя в сознание, двадцать пять лет, блядь, мальчику, а так отсасывал пацан, блядь. Такой полет у меня, блядь, с этим пацаном, в пизду, блядь, раком ебанулся.

- Да, блядь - я тебя так, блядь, Мак, понимаю. Не грусти. Может даже прости, я не знаю, блядь. Жизнь она вся такая, блядь, буерачная, на хуй - если внимательней присмотреться, - сочувственно пытался успокоить Заславвжопского Гэллен.

- Да, блядь, она эта житуха наша, Гелл, блядь, - блядуха - пиздарватная блядва. Прощай ее, на хуй, не прощай ее, на хуй - одна, в пизду, разница. Не туда мы едем че-то, уворачиваем, блядь, всем населением страны друг к другу в жопу в рабство продаемся. Я не знаю куда ехать надо действительно, но туда, куда мы едем - там Гелл, одни рабы-рабы-рабы-немы, блядь - полная зависимость в рабовладельческой порнухе, блядь - полный атас, кранзец нам всем приходит, Гэлл. Ну, ты ж меня помнишь - десять лет назад - я тогда спектакль в Париж вез «Жмуров», Гэлл. Ну, продюссерша у нас тогда была эта знаменитая баба, блядь, фамильная - вся в золоте, как в чешуе - а у нее помошник - этот, блядь, чубарый чудохуй, блядь. Я ж тебе рассказывал этот финиш совращенья, на хуй - как я девочкой-то престал, блядь, сосуществовать.

- Рождаемся невинными, - Гэлл вспомнил «этот финиш» Заславвжопского, с кем он раньше - несколько лет назад был плотно дружен.

- Ну «Жмуров» я в Париж возил - спектакль этот матерный великий, блядь. Ну там по ходу как-то меня че-то помошник продюссерши на фуршет пригласил, это уже после третьей премьеры, на хуй. Чего-то выпили хорошего. Французского коньячка родного да - кремowego лизнули. И то-ли он мне клафелина, сука, блядь - то-ли я что-то сам устал - только что-то во сне чувствую - просыпаюсь с этого прочувственного учувствования - хую моему так хорошо - так в порядке где-то хую моему в мировом пространстве - ну и все в порядке стало быть, блядь - так хорошо, когда с хуем, блядь, в порядке и на месте на приколе когда хуй. А глаза так открываю замедлительно, блядь, а бородатая рожа этого помошника продюссерши к хую

моему сука присосалась и сосет, блядь, хуй заглотом, на хуй - горловищем, сука, и довольная-довольная рожа, блядь, брадатая ублаговоренная с закрытыми глазами эта рожа, блядь, заместителя продюссера, блядь. И не во сне же, блядь, сосет заглотником с рожой ублаженной, сука. Ну, я ему как, блядь, по его распетой роже, блядь, распаренной ебану, блядь, кулаком ужатым, на хуй. Блядь - сам сразу протрезвел, в пизду. Ну нам продюссершу еще потом пришлось менять, блядь. А ебали-то, как ее до этого - хором, блядь, ебали, чтоб ей очень нравилось-запомнилось - просилась сама на хоровняк. А сейчас сам, блядь, горлом с форингитом отсасываю у мальчиков, блядь, белковые калории, на хуй. И в жопу ему еще потом мальчику радостному, на хуй - как дашь-поддашь на радость всем Богам подарок удивительный. И так поразительно на мальчиков мой хуй стоит, Гэлл - просто не нарадуюсь на свой хуй под старость лет, Гелл, блядь. А уже и под полтийник. Вот сам весь стареешь, на хуй - а хуй молодеет, блядь. Просто удивительно. Но всю ж энергию, блядь, через этот молодеющий хуй с тебя мальчики и девочки высасывают, на хуй. Но держимся, блядь и радуемся жизни, на хуй. Хотя идем все в жопу, блядь. Вот куда мы все идем - мы все идем в рабовладельческую жопу, Гелл, а из жопы, блядь, в сортир, блядь, уливаемся-сливаемся, на хуй - бур-бур-бур-бур-бур-буржуйский.

- Ну давай, может завтра выпьем пива, блядь, с тараночкой - сегодня что-то действительно не хочется - день какой-то в поносыняк поносный перегрузочный, - Гэлл предложил сочувственно.

- Да я завтра наверно лучше точно попробую действительно поголодать с клизмой, блядь, как ты. А то, блядь, точно еще затуберкулезишься, на хуй. Толстую кишку заодно отэластичу, блин. А?

- Ну попробуй, а чего такого? Два литра мочи, на хуй - на правый бочек - знаешь сколько дряни с тебя выйдет. Мальчики тебя ебать потом будут - одно, блядь, удовольствие получишь будто нежночленнососное. В неотклизменную жопу давать ебать - точно в рак кишки, блядь, толстой залетишь.

- Ну хочется-то ведь пить коньяк, сигары в нем умакивать, кушать апельсины и выздороветь так - с хуем в мальчуганногенитальном рте, Гелл, блядь, членососном.

- Ну, успокойся с хуем - пока простужен - ну, немножко-то успокойся с хуем-то своим, блядь, яйцекрыльчатим.

- Да здоровья что-то слишком много, Гэлл - куда его девать не знаешь просто, Гэлл - поэтому и болеем, блядь, неизлечимо. Поэтому и умираем, блядь, в результате от избыточного здоровья - яйцекрыльчатого точно, на хуй.

- Да хуй его знает - ты прав конечно, блядь, - поддерживал Гэлл ход рассуждений Заславвжопского, думая при этом конечно, с каким здорововолчьим аппетитом он будет сегодня вечером глотать-глотать печенку Ларисхундии своей. Хотя, почему глотать, - с едой зачем спешить - тем более с едой такого королевского отличья. Печенку - тем более сырую - надо будет разжевать двадцать шесть раз челюстными движениями зубов - как это делают йоги. Кстати, он давно мечтал попрактиковать йоговское сыроедение. Теперь ему судьбой предоставляется уникальнейший, в рабовладельческую жопу, случай. - А печень у тебя как, Мак - не побаливает?

- Да нет - печень класс - отсос - ты что. У меня по генам печень просто ватершанс. От печени у нас в роду никто не умирал, - подхрипывал простуженный Заславвжопский.

- Ну так - самое главное - печень чистит кровь и все там остальное - поэтому и сама должна быть очень чистая, в пизду.

- Ну ладно - помчались-рванули - давай я завтра после трех к тебе сюда зайду, - Заславвжопский прощался. - Я думаю, мне сегодня вечерок и ночь - поголодать до

взрезу хватит,- провел пальцем по горлу, - печень-то у меня - тебе говорю по генам - просто зашибенс. Да заебенно ты, говорят, этого Артишока со стульев сдул - просто, говорят, с нескольких метров прям. Жалко что не видел - отдыхал. У тебя и легкие оно. Где тренировался? Как фамилий, чемпионо, блядь?

- Да Артошка сам внаглел в доску, сука, - ты бздел на шкафу у главного, а он тебя, мудака, поджигал, блядь, из жопы фейерверком.

- Да все штаны мне пропалил сучара.

- Как ты сам на этот шкаф залез, блядь? Ловкий, на хуй.

- А хуй его знает, Гэллик. Ловкий, на хуй - действительно, блядь. Вроде пришел на работу, всех пораньше, с утра трезвый, блядь. Ну вечером вчера поддали конечно, блядь - премьера, фуршетик, тостики с икорочкой. Ну наш пидар театральный известный-знаменитый - на хуй, блядь, не нужный никому - известный неизвестный, блядь - стал эту лезбияночку с Парижика в сушеном климаксе-законе хуем проминать. Ну, ты же знаешь эту блядскую историю. Потом я сам там между делом какую-то восемнадцатилетнюю щель хуем отворил. А газированной воды у главного по утрянке сегодня в баре выпил, блядь - пока он не пришел - ну и развезло, блядь, как видно, неминуемо. А как, блядь, на книжном шкафу очутился - ну не лез, блядь - сам я ни на какой книжный ебучий шкаф не лез, блядь - да хуй ты к нему к нашему главному на книжный шкаф залезешь, блядь, без посторонней помощи, чтоб не наебнуться, блядь, даже если очень ловкий, блядь. Три стула друг на друге держать тебе люди будут - хуй залезешь, блядь, к нему на книжный шкаф к нашему главному Фалассию, блядь, Фалалеевичу, на хуй, пидару Геймерзкому, бля. Ни хуя ничего не понимаю, блядь, с этим его книжным заебистым шкафом, сука. А Артамушка мудака, блядь. Царство ему конечно небесное, но он мудака, блядь, в изначалии конечный. Я ж вообще с испугу от жарева пердящего мог ебануться и разбиться, на хуй, - уж это повыше книжный шкаф, чем два стула на которых он стоял, когда бы если ебнулся самолично я. Да я и без того ебанулся, блядь с этой верхоблянки. Как не разбился, на хуй, - тоже ни хуя не понимаю.

- Ну, ловкий ты - координированный, сука, - печень здоровая - все равно бы выжил, блядь. Это у Артамона, видно, с печенью проблемы наверно были. А если печень здоровая - хоть что с тобой не делай - режь не режь - падай с Джомолунгм - не падай - все равно выживаешь, на хуй. Человек - это же одна вода, на хуй, в круговороте, блядь. А воду хуй порежешь, на хуй - главное не вылить. Ну а если немножко испачкал водичку - печень одна эту водичку тебе по первое число сфилтрует, на хуй, если печень не болит, блядь, гепатитом. Главное чтоб кожная оболочка на костях осталась - чтоб вся вода - в виде крови куда на землю не слилась и не усочилась, на хуй, по клоаке, до того как печень ее продезинфицирует, на хуй.

- Нет, ну понятно - ты так толково рассуждаешь о здоровье, блядь, - Заславвжопский шмыгнул носом.

- Ну, книжки о здоровье читаю шелтоновские - рассуждаю, на хуй, о здоровье, брат, научно барабанно утвердительно, блядь.

- Нет - ну четко - все так ясно по параграфам членишь, блядь. Я так рад иметь здоровую печень, блядь, теперь. Абзацно, на хуй, иметь здоровую печенку все таки. А?

- Ну чума, на хуй, как волшебю, блядь, печоночку здоровую иметь. Ты сам-то печень кушать любишь? - предвкушая пиршество с печенью парной спросил друидски Гэлл.

- Ну а с лучком - то как же. Можно и в сметанке. После печени у меня хуй еще так стоит - как после хорошего мяса, блядь, и вдохновение, бля, прёт стихи писать, бля, на хуй, - не догадавшись об истинной подоплеке необдуманного, сорвавшегося

- Ну и как? - Заславвжопский Македон просил оценочки звенящей.

- Гигант, блядь, Мак - не ожидал - гигант. Ты просто Пастершлак ебучий, Мак. Учесь, что Кант, блядь, не ебался никогда - ну в самом деле просто идеально. Стишок, блядь, - в виде хуя-отпечатка-языка. Мне такого - хуй - про хуй, блядь, написать когда, со всеми, блядь, его мозгами в жопе блядовитыми. Пиши, блядь, дальше-больше - хуй пока стоит. Главное, чтоб хуй от этой, блядь, поэзии строчительной стоял, хотя б у самого тебя. Чего тебе еще скажу? Я нобелевских премий, блядь, не выдаю, а так бы прихерачил за основанье ебли-бытия-хуйдеггера. Правильно, блядь, поришь метафизикой. Длинновато, правда, темы хуя в ёбаном стишке сверхобобщающем. Но, извините - ебля, как без хуя пиконосного? К тому ж кругом, блядь, столько пизденей из пиздений разпизденилось, в пизду, но все дают лишь в жопу - это точно схвачено страдальчески. Просто, я ебу - катарсис рубит яйца от стишка - без шуток, на хуй, говорю,- чтоб мне подохнуть в жопах этих пизденей.

- Об этом, Гэлл и речь. Я лично просто заебался, в жопу, прозаически по всем немеренным позициям глобальнейшей пизды, блядь, не абстрактной мировой. Ну, ладно - мне там еще к главному надо зайти, буквально, на два клиторочных слова. В общем - не целуемся - бациллы в носоглотке - до завтра, значит, Гэлл - о'кей?

- О'кей, Мак - охуительно поэзией плескаешься как спермой. Лечись давай, блядь, печенью своей здоровой, на хуй, чтоб дальше, блядь, фонтаннее, блядь, прыскать - чтобы хуй не падал в ночь на перспективе.

- Ну, а как же, Гэлл, блядь, друг мой центральной - ебаться хочется всегда не только с пизденями. - И лукавый, сука, глазом подмигнув, Заславвжопский вышел Мак пиит.

- Мда. Надо быть предельно осторожным, со всеми хуйвопящими поэтами за жопу, если хочешь кончить, сука ты, не как отловленный за хуй чикатилинный пидарас. А всю жизнь конечно только и кончать кого придется, - ему сейчас так наивно и возвышенно вдруг захотелось убить всех на свете людей, что Бэлл просто македонски александровски наполеоновски адольфовски сталинистски улыбнулся. - А кого ты трахать тогда будешь, да и печень где парную ты потом с кого возьмешь? - тут же увопросил себя внутренне резонно. - Ну Арамисскую, естественно, зверюшечку заводную заводящую оставим. Но если она забеременеет, и в родах умрет? - не унимался внутренний спрошатель, блядь, его? - Станешь трахать козочек лесных? - Нет уж - хуя. Гэлленчику совсем не улыбалось трахать в будущем бесчеловечном мире лесных козочек и он, вздернув головой и потянувшись, сменил картинку своих бесперспективных размышлений по убийству всех людей на этом грустном свете - просто на морской пейзаж в штильную погоду. Как это ему всегда нравилось с утраца нырнуть в спокойное гладкое штильное Черное море в городе Сочи. - Нет, ну Македон, конечно, своей животворящей анахроничностью хоть кого в усмерть забодает мозговищем своим, на хуй, - уже улыбаясь, рассуждал про себя Гэлл Бэллчик, не зная, чтоб сейчас поделаться, чем сейчас толковеньким заняться. Иулиттка должна зайти к нему через час, потом пусть она, конечно, выйдет из здания редакции первая одна, - через пару минут он тоже выйдет один - хотя и на хер эта конспирация - ну ладно. Ну а потом уж - суп с котом, - но до Этого времени оставалось еще много Другого времени.

И в этот момент ему позвонил Главный Геймерзкий и попросил к нему зайти.

- Извините милый, но я бы судорожно хотел поговорить о тоне ваших блестяще-умозавивающих криминальных слюноистечений - взмезжеваний, так сказать, в мозжечки нашей рачительнодрочительной на нашу збойную газету читающей массовки, блядь, прослоечно наполеонски, блядь, интеллигентной, - тут же начал, как из танка палить бессмысленно прицельно Фалассий Фалалеевич

Геймерзкий звырнстымы эпнтетамн, едв Гэллк Бэлл шагнул к нему шажочком в кабинет. - Вы меня, конечно и естественн, великодушно нзвннтте, что я внедряюся в творческнй процесс - в святая, так сказате упудренно несказанно, святых, - и так, казалось бы, бесцеремонно - но на самом деле это действнтельно с моен сторонущн незрячей, но шагачей доволно такн бесцеремонно с пяткн на носок, и может быть, вполнеущн вероятношко, я допускаю, вы переуттемяшнтте меня в нменно доподлнно своен обратнй точке кругообъемного взнрннн на Сущность поннмннн непознаваемых субстанцнй вашнх капелек с пера как спермы сверхжнвнтельной, блядь, с хуя, - я может быть не прав, но я готов всегда учнтся, - я верно, вечннй студентешек, но я так невразмеренным гандончнком люблю Петюнчнка Трофнмова - вы помннтте в «Вншневом саде» Чехова? Как вы, к статн, относитесь к Чехову? Лнрнческнй пнжон - туберкулезннй нмпотентннй онаннст. Это доказано. Поэтому и геннй в нем развнлся так необычайно. Природу, блядь, не наебешь с баланснровкой. Ведь что может быть лучше о любви напнсано, чем собачка эта с дамой? О, как онн повальчато еблнсь!!! Действнтельно - когда умнрают умненькне собачкн раннше, чем нх глупые хозяева - на хозяев просто страшно лнцезреть. Зачем, блядь, на хуя, блядь, нметь собачек, которне дубарят у тебя. Пусть собачкн умнрают у других, но не у тебя. Хотя конечно, если вы видели собачек, у которнх раннше умнрают нх хозяева? Вот этого разноса всех веществ на атомные бякн уж лучше, блядь, совсем не видеть нкогда. Хотя вот вам, блядь, - нскренне советую. С внда морды преданного взгляда этнх грустнейшнх собачек - следовало бы пнсать образы несчастных с разбухшнми хуямн, с текучнми и сочннми зачатннми пнздямн роднтелей, у которнх описываемый вами маньяк наснлует беременнх целочек и съедает у нх тут же по печеночке. У каждой нзнаснлованной нм беременной целочки маньяк съедает по находящейся в жнвотнке с правой сторонущн внз по диагоналн к сердечку - печеночке. Я уж, блядь, конечно, уже о людях говорю, что хуже в тыщу раз бездомнейшнх собачек. И уж лучше не было бы у нх этой привлекательной печеночки - у этнх волшебных беременнх целочек - может быть маньяк и успоконлся во славу прям в своен душе негорребренной с мозгом недоиспещренным нзвнвушкамн. Как Вы, мой хорошенькнй, считаете? Хотя мы бы конечно потерялн читателен, но маньяков можно и придумать и мозгамн, если, блядь, мозгн змеятсь - маньяков тады, в конце концов, прнсотворнтте туды и можно пострннчно - как это Вы, я надеюсь, промозгло впершнттельно и пытаетесь в некотором роде внедряюще прнсовокупнтте по нстнне, что денег очень хочет только сразу много, чтобы на всю жнзнь - хотя и на базе нзначально убнйственнх фактологнй фактнческнх фактернй, но тем не менее во всем, что вы расследователно об этом маньяке убнйце пншнтте-кляксуете распрочерком жнвнм, чувствуетсь, блядь, рука большого лнтератора, если не сказате, блядь, выдающегося в некотором прямом залннейном роде пнсателя уровня, если позволнтельно будет размечтаться и сказате - математнка воздвнжкн Лобачевскогo - уходящего в объемнстую бесконечность параллельных самых что прнмых - одной сердечной, а другой, блядь, умственной, поннмаете лн, сосопрнставляющей, где онн в святой бесконечности Вашей душкн, блядь, душоночки души гармоннчно так пересекаются по реб по ребрам на позвоночнкне сходясь, блядь, осевом - основопологающем крепчатке. И Хлебннков был математнкком, если уж на то пошло по факту прелестн нз жнзнн. У Вас, мой дорогой, есть образы чеканной фнлнгранкн. По сравненью с остальной, блядь, псевдопншущей малиновой братвой - у вас, мой Пушкин, блядь, архангел - есть просто-такн шекспнровскн заломные отломные и кафкннскн втравленно затравленные, По Эдгарскн фьердворонкой заверченные на страх и трепет кьеркегорскнй бабу, сука, нзлюбнмую на хуя дальнше посылающнй в

угроб - радостно безвыходно абсурднейшие образы качалочки балансировки пока жив всего, блядь, нашего въебонного, на хуй и в пизду, но прямо точно в жопу скудолажечно маньячного челобьечества. И хуй его знает зачем. Да хуй и не знает зачем. Куда идет, шныряясь по пизде темнице, наше уманьяченное с хуем вставшим человечество с шопенгаровским народом Богоносцем - все, блядь, человечество вслед за русским нашим народом Богоносцем вместе с богоизбранным дрожжевым удобренческим еврейским захазарским народом носогорбиком - все сверхмилейшее, блядь, человечество не может спокойно дожидаться своей смертушки пригодненькой в постелюшке, а хочет это человечество получить, блядь, преждевременку пушкинску вманьяченно маньяченную смертушку в бою - в бою против пидерасов раздворянских. И это славно - это очень проникающе. Ведь Пушкина убили педерасы. С голубою костию масонской сорванцы черной захотели кожуры, как энкеведешники, блядь, суки. И хоть я, сударик, честно признаться, до чрезвычайнички и приголубленно, блядь, люблю и мальчиков в расперерыве между девочками - битвами в бою - как Александр наш Великий Македонский, и я не имею в виду Заславжопского, хотя его я и подразумеваю своим приличным хуем. Но гробовая преждевременная смертушка Артимошки порушила-смutilа и все мои прижизненные планы, а не только, блядь, Заславжопского пидара, на хуй - и здесь на остановке я Вам не говорю спасибо, мой любезный сотоварищ, Гэллик златоустик - пышущий дракончик сдуновенчик. Но с другой судьбиношной обочинки медальки Заславжопский тоже лиходея перестанет трахать Артимошку - и это, признаюсь, унырно меня немножко взвеселит и успокоит одновременно, - но тем не менее, многоуважаемый мой сударь, больше чем мальчишечков - я Пушкина люблю в досуге подروحить. И Пушкина-мальченок-неграшку у меня никто не отсъебет. Я с ним сплю, хожу в сортир, трахаюсь с мальченками, с девочками, хотя так мало остается времени для этой настоящей жизни - все время съедает эта маньячная газетная работа. Но надо работать, господа - во имя супербудущего, во имя тех, кто будет ебаться после нас надо сейчас ебаться и трахаться, трахаться и ебаться, и снова трахаться и снова ебаться в Уебень, Уебень и ЕБЕНСТВО. А больше просто - ничего не остается, - чтоб хоть что-то и кто-то осталось-остался после этого всеобщего тотального уебаннозатрахающего Утраханья. Простите за взъерошенно напыщенный феофански прокопоский слог, но я все время пытаюсь говорить как пишу и писать как говорю. Так вот, хотя бы пусть и бездарь в первом поколении, - наш самцовый отпрыск, но он найдет себе хорошенькую сучянистую девочку грудястую, и, даже будучи пидаром, сможет достойно засадить ей - при наличии-то хуя как не засадить по самый мрамзулин - оплодотворить ее и произвести, будем надеяться, самим этим ебаным Богом с помощью хуя человеческого, взошедшего в пизду как, блядь, на трон. И вот уже из просто живота - мозгового гения бабеночка рождает. А гений - мозговая косточка пусть вознесет или скорее как всегда, блядь, уничтожит этот гнидоразвергающийся мир в своих творениях нетленках, чтобы мы читающая братия немного вспоминали вечность пред концом. Гению все можно - даже можно трахаться и без любви. Его и так мир любит. И не важно как зовут этого гения прочие низшие люди: злым, блядь, или добрым пиздохуем - любой, блядь, гений может изначально, по определению быть только гением извечного Добра. Иск гения, блядь - Жизнь - хоть как себе вы мозги не ебите. Ибо злой, блядь, генийюшка - первый из людей кто борется со злом и даже в самой гнуснейшей, лицемернейшей Стадии Зла - Стадии Добра провременно людского. А гений просто - первый из людей, кто не дает Добру погибнуть в бесконечной сучей Вечности его, блядь, ссука, убивая злую временную ССуть. Такая тавтология, хоть я не резонер. И хотя в ваших написаниях-статьях я не вижу обвинительного тона этого Афонечки-маньяка - так

искренне печеночно, блядь, возопившего об истинном, блядь, смысле сосуществования с существенками беременными целочеками этими - тем не менее я прошу вас, сударь, умоляю вас сменить тон ваших прописунчиков-статеюшек об этом гениальном маньяке на тон, блядь, более божественно зачеловечески духовно снисходительный, но не прискорбный, а скорее властноумилительный - я умоляю вас об этом, стоя на коленях, о мой государь, - и Ф.Ф.Геймерзкий встал на колени, взял руки Гэллена в свои и стал их лизать, как своя немецкая овчарка. Сначала кисти, потом ладони, потом пальцы, потом кончики пальчиков Гэлла и ногти и что под ногтями... От счастья просто охуел как говорится. И Гэллу было-стало - а действительно приятно, на хуй - что ни говори. Он не отстранял своих рученок, он закрыл свои блаженные глаза. - Давайте с вами потрахуемся, мой милый - давайте с вами поебемся одноблядьвременно и даже, может быть, и без любви, но во Имя Понимания и Чести многоблюдной, мой вы нежнокрылый ангел с хуем аравийским во плоти. Вы же чистый гений знойнораспроказный - вам же можно трахаться и без любви во имя только Неземного Стона твоего земного, блядь, начальника-раба, - умолял Фалассий Фалалеевич Геймерзкий, стоя на коленях, лобызая его пальцы дребежжащими горящими шершавыми губищами лизищами, но руками уж проворно, сука, не случайно растегнувшего ширинку джинс Гэльленчика, доставшего уже его необычайный ассирийский хуй, и тут же, блядь, уже взглотившего его - аж яйца в щеки били, как в колокола - такой улетный праздник, блядь, себе заделал он профессиональною своею пидарскою пастью уплетущей.

И Гэллен не отстранил башку и губы губошлепского Ф.Ф. - хотя до этого ни разу он, я повторяю, блядь, - ни разу за свои полтинничные годы не давал свой хуй в мужские зубы за язык. Хотя его конечно же просили. Сначала в школе - мечтательный учитель, блядь, истории про греков древних, педерасов, потом в институте - пидар спортсмен с теннисного корта, потом на черном море - врач в санатории, который осматривал его ушибленное розовое яйцо и одновременно ему Гэллен был вынужден показать свой бесподобнейший хуишко ассирийский. Но всем им Бэлллик отказал. Не грубо, с улыбкой, - но твердо и решительно. Потом были сны, в которых он об этих отказах яростно жалел, потом был еще один просто гениальный случай с одним апполончиком мальчиком вернувшимся из ебаной армии, где его как видно, блядь, там классно проебли - ибо был он, как звездоповелитель красивый сам собой и сам, наверно, в армии ебал-ебал, поебывал и еб любое генеральское начальство в прямом и переносном генитальном смысле. И вот он - этот Аполлон, который сам-хорошенький, пришел к нему в гостяшку переночевать и было ясно зачем он пришел, хотя этот мальчик-солдатик дивнейший все время говорил о какой-то девочке, которая его пригласила сегодня на ночь заподразьебаться с ним где-то в соседних квартальных домах. Но мальчик-Апполончик с хуем под коленочку хотел взьебнуться-разьебнуться с Гэлликом, блядь, Бэллликом - поэтому пришел к Гэлленьчику в загости и сразу с порога бросился на щечку в объятуюшку к нему, стал целовать его сильнее, обильнее и больше, чем по-дружески, да со словами стона эротичного - как давно они не виделись в веках - целых три години тысячедневальных. И Гэллик, блядь, уже хотел взьебнуться-подьебаться с этим нежным мальчиком из сказки скоммунизма, и получилось бы, наверно, точно чудо бы марксизмавъявеленинизма - получилась бы наверняка любовь на зависть и Шекспиру, и, блядь, остальным трудящимся, блядь, пушкинским ебливым массам - стопроцентняка любовь такая бы в разгоне всполучилась бы точнянски - ибо бы она не кончилась бытарским бытом, ибо пидаров в те брежневские годы сажали за сожительство в тюрьму - ну а в тюрьге бы они, блядь, попросились в камеру одну, и там еблись бы только и еблись - ну а платили бы начальнику тюрьмы тем, что

разрешили бы официально через адвоката на кинокамеру записывать их еблю, а уж начальник, блядь, тюрьмы кассеты те уж продавал бы за кордончик за валюту, им жратвы бы покупал бы витаминной, а они б еблись в тюрюге б и еблись. И только уж потом Горбач б их отпустил ебаться и на волю. А там на воле, блядь, с почетом несказанным встречали их теперь уже свободные все пидары одни.

Но с другой, блядь, стороны все же чудо любви совершилось. Ибо она не была даже ошпарена сладостным варевом секса - она продолжала взрыгаться в вулканных снах Гэллена Бэллла. И он надеялся, как Ленин, что она продолжалась и в снах того юного румяного интеллигентнейшего вздобия - блондинистого мальчика по имени лишь только Апполон.

О, как он хотел тогда просить этого мальчика скорее помыться в душе, но Гэллик так и не попросил, не сорвалось с его язычка это реальнобытовое предложение разьебли - с какого все могло начаться Чудо в попочку насквозь. Он был весь в мечтах поэта Отнесенского - он сам ждал, что мальчик Апполончик пойдет без слов сам мыться в душик необычайно. Но мальчик Апполончик сам, блядь, голубчик-супчик не пошел. Такой, блядь, белобрысый мальчик несмышленчик Апполончик. Такова судьба - тогда не прорвалось.

И уставши сейчас за весь рабочий день, и закрыв сейчас свои глаза Гэлл представлял, что это тот прекрасный белобрысый мальчик Апполончик-Джоржик сейчас сосредоточенно сосет его волшебненький хуишко. И Гэллену было хорошо, и ему было славно - он действительно чувствовал себя сейчас свершительным гениошным, сука, гением над всеми обстоятельствами жизни, ебли и прочих всех продырочных улетств - вполне возможно, что, блядь, гением и злым, но других, блядь, сука, просто не бывает,- но борющимся все же, блядь, во имя-то всего разблядовски блядского-то человечества с самым охуительно затменным злом этого загнивающего мира - со Злом, блядь - имя, блядь, которому - Непостоянная Любовь. Да - именно Непостоянная Любовь - вот лицемернейшая, изменчивая тварь, во имя которой гибнет, растлеваются столько ни в чем не повинных людей. - Нет - Непостоянную Любовь мы будем ничтожить на корню, - сказал сам себе Гэллик и что есть силы сильно сжатым кулачищем ударил по роже Ф.Ф.Гомерзкого. Удар получился в нос - так что Фалассий Фалалеевич Геймерзкий не прикусил хуище Бэллла и отлетел без кончика его откусанного хуя, к счастью для Гэллена - к стене, о которую три часа назад смертельно расшибся Артимошка. Но в отличие от Артимошки Ф.Ф.Геймерзкий тут же встал, отряхнулся и как голубой пуделек подбежал к Гэллику, и, не утирая своих кровавых соплей, стал целовать Бэллский кулачок, от которого он только что получил сногшибательный удар в свой картофельный, очкаристый пятачек.

- Прости, прости меня, моя Верховная Вершинная Любовь, - причитал Ф.Ф.Геймерзкий - это было так нетленно, так разбуженно-калужно - так прираболопенно. Если тебе возжелается все это повторить - ты только намекни - я прилечу - я тут же прилечу на крыльях Афродиты-Риоритты. Болезнь Любви, блядь, это не Вина - тем более не Зло пропащего, блядь, Мира, сука, в ебле безграничной, милый мой Мистический Развратник, - пропищал Отверженным Пророком Ф.Ф.Г. - И запомните, пожалуйста, Вы мой Усеристо Сердечный Ниспошлитель: Любовь в верховном случае - несет Убийство, но не Смерть. Смерть от Убийства никогда не наступает. Ибо, блядь, остается-то в живых тот, кто убивал. Смерть при Убийстве - очень живая Сексушная Смерть при Убийстве, мой милый - и скажи мне пожалуйста за эту Мысль спасибо - ибо, блядь, дарю - охувший я от жизни немножечко, печальнейший убийца пидарвотный. С этими словами он как брадатый отец шлепнул Гэллика по его ягодицам ладонью, после чего стремительно направился к

своему рабочему столу, сел за него, открыл какой-то ящичек, достал оттуда бумажные западные носовые платочки фирмы лореаль и утер ими свою раскровоавленную рожицу. И уже сморкаясь, сквозь носовые бумажки прорычал как промычал: «Можно быть пидаром, мой небожитель, но не состояться, вин, как голубой - да и блядь, наоборот оно непросто», - при этом Фалалеевич прослезился и утер глаза уже новой носовой салфеткой, хотя из той же лореальской коробочки. - Но самое главное это не писать задроченно-отдроченно из собственного, хотя и ассирийски загоняйнейшего хуя с розовыми яйцами, в структуралистике режиме. Нужна физиология, милостивый сочинитель - нужен породистый свой физиологический пророческий этнос с кровью живой-настоящей. Вот Вы меня ебанули сейчас по носу - пошла настоящая натуральная, не структуралистическая живехонькая кровь из шариков телец. И это очень понятно, и это очень полезно, отдроченно - мне не надо было нарываться психовпазматически - хоть это очень изначально сексуально манит и приятно, и возвышенно с садизмом, и хуй зашевелился сразу окаянец, но а в результате очень больно мне сейчас, и сколько дней еще, блядь, будет продолжаться не только где-то там в носу, но в первую приплясочку в душе - Вы понимаете, какое танго о земь с кровью. Мы не бездушные танцующие твари, - скорее, как пидар скользкий медузный, нежели, как пидар голубой волны, жалчески, но наставленчески продемагогировал уже Геймерзкий, как бы оставив вслед за собой априорное право быть все же главным, блядь, сексуичатым основняком редактором газеты их проёбанной.

- У вас будет готово в таком прямом непорочноистинноисточниковом смысле к послезавтрашнему вечеру очередная порция художественного стеба по очередным стопам кровавым этого взыскательно гурманнейшего, надо нам честно девочкам и мальчикам в этом заступориться и вставиться-признаться всем, в мозги по яйцам, маньяка? - все же как бы уже попрошайничая спросил-снудил Фалассий, понимая, что от Гэллена с его извертками забойными писаньями зависит и его положение, как уместного руководителя газеты для банка, а стало быть и будущая ебля в своем рабочем главредакционном кабинете тоже, к стати, с душем звукоизоляционным по наследству от предшественника Хруни Стоявперсковича Стоячтинского. Вот у того действительно треножником стояло, блядь, всегда перпендикуляром что шампур.

- Я надеюсь, Фалассий Фалалеевич, заокею матерьяльчик уебанный - уже как бы подыгрывая, извиняясь ответил Гэллен. Ему действительно было искренне сейчас жалко жалкого Ф.Ф., которого он только что так сильно до крови ебнул кулаком приятно основательно по роже.

- И постарайтесь все про него писать как бы человечней, - это вызывает у читателя спермослезивые вздрыганья. Ведь не забывайте, что каждому из нас в душе хотелось бы побыть этим маньячком - что б разрядиться от этой гнусной нашей жизни. Но не каждому, извините, дано в натуре повернуть и испытать, и зубками, блядь, печень ужевать беременно парную малолетки. Так что, хотя бы при чтении - наш читатель это ощутит нирванно неразрывно неразорванно.

- Я обязательно встараюсь это сделать, господин Геймерзкий. И простите меня, пожалуйста, за ваш окровавленный нос - я больше не буду, - как ребенок сказал Гэллик, закатив глаза на небеси.

- Да что там - ерундистика - целочку сломали Фалалеичу, - сладострастно ухмыльнулся в ответ Фалассий, - просто как массаж по хую эротический - но чтобы и в носу простуды не было. С утра был насморк, а теперь прошло - я Вам бесконечно благодарен. Хорошая я целочка носастая? Хо-хо-хо-хе-хе-хе-хе. И со статьей у вас все также обязательно строчительно получится. Вы очень, надо честно подчеркнуть, эдакий человечечеловечный чиловец и с этим прометейным, ледовитым

архиатомным ассирийским Вашим хуем на первое, второе и десерт - что на неделю хватит. И я вам это заявляю вполне ответственно и прямодушно утвердительно, - сказал Ф.Ф. с тонально благодушным, но трагическим смешком,- я жду от вас сказочек на ночь еблезаменительных народу. И не будем загадывать, мечтая обо всем, но у нас получится и больше поебаться. Если что - всецело обращайтесь. Я всегда готов Вам предоставить свои глаза, мозги, и попочку, блядь, с сердцем - ну и конечно я б мечтал об этом как о благодати высшей - свой хуй явить понежить в дурманящих ваших устах. Не будем загадывать - я понимаю субординацию чувств высочайшей любви и не переживайте - трахайте спокойно свою Арамисскую в вашем, блядь, не только душе на работе, и простите меня снова старого гестаповского всевидящего пидара, пожалуйста, - с этими словами он опять встал из-за стола и подошел к Бэллу, взял его правую руку в две свои ладошки. - Хоррошо? Просто останемся несметными соратниками по небывалой партии любви?

- Я ценю такие отношения, - потянувшись стрункой, но ни одним извивом своей душеньки и ресничкой глаз не прореагировал Гэллен на столь энкеведешные разведданные Фалассия про его еблюху в душе с Иулиттой полчаса назад.

- Всей редакции газеты конечно было известно, что любая девочка, застрявшая в кабинете Гэллена хоть на пять минут - не имела практически ни одного шанса выйти из его кабинета не ебаной, а с Иулиттой они резвились добрых полчаса. - Самое главное чтоб никто не слышал о чем мы с Арамисской там потом пиздели, - но в этом Гэлл был уверен абсолютно. Один его завязочный друган гебист проверил неделю назад все щели его кабинета в поисках подслушивающих «микро» и ни хуя ничего не нашел. - Так что какого хуя я ссу - идите все на хуй, по-хорошему, - хладнокровно про себя Гэллен суразбразил.

- И пожалуйста - это вы меня простите еще раз, - Гэллик абсолютно искренне улыбнулся, - его хую все таки понравилось быть в устах такого совершеннейшего пидара Фалассия и будет случай - можно, блядь, и повторить. Но снова ебну, блядь, ему по физиии. В этом, сука, секс действительно коронный, - они посмотрели друг другу в глаза - два достойных друг друга состоявшихся пидара и видимо, все поняли без слов, их ибо глазки в те мгновенья слезно-серебристо подобрели. Но, конечно же, Гэллен и даже в эти второго плана мгновения личного счастья, глобально думал о другом - глобально он не переставая думал о первом плане личного счастья - очень красивом убийстве Ларюшки, вкусной печени ее. И вот уже на чешском блюде - непременно на чешском гостевом самом большом единственном блюде под жареного поросенка, лежит сейчас ее печеночка и он вдыхает ее аппетитный, свежайший аромат, прежде чем сочно вонзиться в нее своими голыми зубами, по которым как водопад бы стекала обильная эрекционная слюна, и поэтому сейчас он вполне благодушный и воздушный проглотил набежавшую, естественно, эрекцию-слюну, и нежнейше пожал руку Фалассию - даже его три раза по-русски перед этим обнял и поцеловал. Но как поцеловал - какие дал надежды!!! Фалалеич просто пернул, поперхнувшись - осиянный птенчик весь. А Гэллик в ответ по детски извинительно улыбнулся, пожал по детски жеманнисто плечами, - на что Геймерзкий ответил тем же детским простодушным реверансом.

А после уж чего - уже совсем мечтательный Гэллик Бэллик наш покинул его кабинет.

И надо искренне признаться, что первый заместитель банкира, купившего эту газету за все время присутствия Гэллика в кабинете Гэймерзкого не прекращал играть в свои ножички на лавочке прямо у окошечка. Лично никто к нему персонально не обращался, а сам он не любил вмешиваться в чужую жизнь и чужие дела. Хотя про

себя чисто профессионально и отметил, - что хуй у Гэллена действительно ассирийски красивый, и действительно с розовыми яйцами, - и это не пиздешь, а истина, блядь, праведно святая. А против истины ты не попрешь.

Гэллен посмотрел на часы. Было пятнадцать минут пятого. Да - уже как пять минут Арамисская должна была его ждать на улице в назначенном месте у газетного киоска. - Ах, мы ебаные конспираторы, - подумалось ему. И не заходя в свой кабинет - собственно там ему не хуя было делать - Бэлл вышел из здания редакции и нашел Иулитточку там, где и было заранее условлено.

Было десять минут шестого, когда Гэлл Бэлл открыл дверь в свою квартиру и вошел туда вместе с Арамисской. Играла музыка - хоровое песнопение итальянской музыки четырнадцатого века. Лариса была дома уже десять минут и успела за это время поставить компакт диск в музыкальный центр.

- Познакомьтесь, пожалуйста - это моя подружечка Лари, а это моя сослуживочка Иули. Ну, а меня вы обе должны знать, - отрапортовал Гелл, представляя друг другу девушек.

- Только, Ларюш, пожалуйста, не ревнуй - мы пришли по делу.

- Ни капельки не ревную. Но, может, мне проще пойти погулять, чтобы вам не мешать? - мило сказала Лари, чисто искренне поверив Гэллену, что у него с Иули по работе дела, и им что-то необходимо вместе чисто по работе поделаться у него дома в его рабочем кабинете за его письменным столом и компьютером.

- Да ну, Ларюш - ты нам можешь даже и помочь. Вот мы шли и спорили: можно ли быть пидаром и одновременно любить свою родину? Иули говорит, что можно, - я говорю, что нельзя, - как бы ты нас рассудила, Ларочка?

- Ну, если пидару больше ничего не остается делать, как только любить свою родину - то вполне возможно, что Ули исключительно права.

- Ох, мне эта женская солидарность. Даже в таком сугубо мужском вопросе и то мне нет доверия. Как мы дальше будем жить - я не представляю. Что у нас сегодня на ужин, Ларюсочка моя?

- Борщ - я утром сварила, когда ты ушел на работу, волшебный.

- А я и думаю, что это так борщом-то в нос стегает, - ободренно сказал Г.Б., повернувшись в сторону кухни и приняв себя как бульдожья собака слюнотечка.

- Свежий борщ - шикарная еда. Там есть свекла - необычайно полезная кишечнику для пищеварения. Там есть лук - полезный для зубов. Там есть капуста очень вся такая как капуста. Но все овощи надо бросать за пять минут до того, как вам следует выключить кастрюльку - тогда лишь только можно сохранить все витамины. А фасоль вы туда положили? - поинтересовалась Иулитта.

- Обязательно. Украинский борщ ведь я варю.

- Вы фасольку замочили с вечера? - не унималась Иулитточка.

- Ой, фасольку я мочила с вечера.

- А мясо было с косточкой - для бульенчика, в котором вы варили украинский борщик? - Иулитта потянула носом сладкий аромат борща, предвкушая...

- Тридцать процентов мозговой косточки и семьдесят процентиков говяжьего мяса с грудинки телятинки из рыночка.

- А отрубили вам телятинки на сколько килограмм?

- Кило и двести грамм, - как Золушка, уже ставшая принцессой, но продолжавшая ходить сама на рынок ответила блаженная Лари.

- А если косточка тридцать процентов - тогда косточка весит целых триста шестьдесят граммочков. Я представляю, сколько мозга в этой смачной косточке -

я так его люблю из косточки в борще повысасать-соснуть, - не обращая внимание на присутствующих - даже если это и прием английской королевы стервочки.

- А, Вы, были на приеме у английской королевы? - живо интересовалась, блядь, сама, как изысканно очаровательнейшая принцесочка бесподобная Лари - конфеточка-орешек-миндалек в черносливе с шоколадом сверху.

- Я была на приеме у английской королевы, но, к сожалению, там тогда не подали борща, блядь, украинского. И о мозговой косточке можно было просто измечтаться изошрённо мастурбировано, блядь.

- Ай, какая жалость, - взаимно опечалилась Ларюшечка, клиторок себе спинкой стула тронув, у которого стояла у окна.

- Девочки - вы так аппетитно воркуете - я вам не мешаю? - Влез Гэллик Бэлл со своей репликой, напоминая дамам, что о нем, о мальчике с ассирийским хуем - на хуй, с розовыми яйцами, попросту забыли манкрутицы.

- Ты нам не мешаешь тем, что ты никогда не мешаешь тем, что пишешь долго-долго про одного и того же маньяка-убийцу до тех пор, пока его не сцапают за попку дяденьки милиционеры. Он меня так достал, вы знаете, ночами - вскакивает в три часа ночи, записывает приснившуюся маньячную реплику, расписываемого в статье маньяк - с ним просто невозможно стало спать особенно в последнее время под утро - когда самый сон в красивых цветных сновидениях шарит. Я уже жду не дождусь - когда этого маньяка сцапают за попку и растреляют насквозь солнечными дырочками с ультрафиолетом, иначе мой Гэлюша - сам превратился просто в маньяка. Хотя конечно надо зарабатывать себе на хлеб и жить тем, чем ты умеешь профессионально зарабатывать себе на жизнь - тем, чему тебя учили в школе, а потом в институте, а потом и добрые люди еще. Ведь на какие-то деньги надо покупать продукты, чтобы что-то кушать, чтобы встречать у себя добрых людей, а меня ночами и любить энергетически. Вот например борщ - он весь энергетический. Хотя свекла и капуста стоят сравнительно не дорого - но все же это деньги. А ты не будешь же есть борщ и утром, и в обед, и вечером на ужин, хотя, и украинский даже подешевле, как бы будто даже украинский борщ. Иной разочек хочется по ананасику заправиться - ведь правда, Гэллик - ананасик очень афродизиачный?

- Вечером на ужин хорошо печеночку взглотнуть. Я так давно не вжевывал печеночку, милая Ларисочка присосочка моя,- трепещущенежнйше сказал Гэлленчик, очаровательно чмокнув Лорочку в ее лобик, как любимого покойника.

- Она такая некрасивая, когда сырая - эта печеночка, - простодушно, но сморщившись, отреагировала Лорочка. - Если сырая печень лежит на лотке рядом с розовым телячьим мясом - то хочется непременно купить телячьего мяса, а не связываться с этой темной печенкой, состоящей из одной крови, хоть она и подешевле раза в два, но в ней, блядь, столько этих жилок и прожилок меж зубов встречаются когда ешь. Но мы же решили, дорогой Гэллюнчик - на еде не экономить. Если ты станешь экономить на еде - то я от тебя улечу на воздушном шарике отчаянья, как пчелочка на другой цветочек за нектарчиком - такая я жестокая, блядь, жалочка.

- Куда-куда в какой цветочек за нектарчиком? - казалось удивленно спросил Гэллюнчик.

- В лесочек на поляночку, где липочки цветут и клевер, и ромашки, васильки и одуванчики, - удивленно удивительно для самой себя ответила Ларюша, - я там на полянку приземлюсь, где пасутся милые буренки молодые с такими же ебливыми насквозь, блядь, юными бычками ассирийскими в кубическом гексаметре и с яйцами не знавшей, блядь, войны страны безмерных хуевеликанов.

- И что в лесу ты будешь с ними делать? - не унимаясь вопрошал Гэллен, немножечко лукаво, совсем не озадаченный. - Кто кого там будет, блядь, ебать, а потом и есть?

- В лесу я буду просто голодать и ихней просто еблей наслаждаться. Но можно подоить и молочка, когда они от ебли выдохнутся навзничь, - Ларочка, девчущечка, сама ответами своими наслаждалась.

- Во что подоить молочка? Ты же улетела на воздушном шарике даже и без мисочки, пчелочка-раззявочка беспечная? - не унимался доставать вопросами Гэллен.

- С чего ты взял, мой милый, что от тебя спорхнула я на воздушном шарике без мисочки, дружок? Я же очень удивительная пчелочка. - Ларюша при этих словах щипнула легко-невесомо правую мочечку правого ушка Гэллена ноготками пальчиков левой рученьки своей.

- А давайте понаслаждаемся щипулечками все вместе - пчелочками здесь сейчас втроем, но только голенькими абсолютно голышками, - напомнила о своем существовании Иу.

- Я не против, - тут же наивно врубившись в не ту ситуацию, прозвенела соловьиным голоском Ларюша.

- А кто же против? - подытожил предвкушающий Гэллен, грубовато сексодойным голоском. - Какие все же вы волшебные букашки, - перейдя и на цветочную палитру с насекомыми, и глотая накатившую цветочную слюну, ароматно высказал Гэллен свою часть балабола.

- Ну тогда и раздеваемся до одежд самой цветистистой душистой природы? - несколько литературно, но вполне и эрогеннотично продолжала гнать Иу ебальную волну.

- Так это очень моментально! - просто неслыханно нимфеточным голоском прозвенела Ларюшка звончайно, дернула за какую-то веревочку на своих хиповеньких одежках и в считанные мгновения очутилась просто в голенькой в натуре.

- И я умею также быстро заразительно, - несколько смешливо сказала Иулиттка, и тоже будто невзначай дернула за какую-то секретную ниточку на своих одежках, и тут же оказалась голенькой прелестницей, и не долго думая обняла Лорочку, и стала страстно ее целовать-лобзать в губки, -лобзать в губки, в шейку, в грудки, и в пиписку-срачку - начиная с клиторка, и, впрочем-то на нем и закрепившись, - как-то прочувствовав сразу, что клиторок самый эрогенный пиковый Ларюшкин пьедестальчик - как, впрочем, и у многих настоящих полноценных и приличных девушек-ебливушек на земной планете.

Если б Гэллик сладострастик сам не ведал заранее до чего они с Арамисской договорились по поводу печеночки и сердечка Ларюшки - он возможно даже бы и приревновал ее. Но, предвкушая слюновыми железами, окончательный божественный питательный исход, к тому же будучи по времени голодным - Бэлл неслыханнейше возбудился, видя как уже Ларюша с Арамисской, лежа на ковре валетиком, вылизывали свои драгоценнейшие клиторные нежности своими дрожащими, вибрирующими кончиками язычков, - и Гэллик чудодейстик, сбросив свои офисные пиджаки и галстуки, тоже каким-то одним волшебным махом двух пальчиков, и, очутившись в богозданном облачении адама - он спустился к девочкам своим на коврик ангелочком,- лежа бочком, - думая как к ним все же получше пристроиться со своим встопорщенным хуйком, блядь, аравийским, или ассирийским - хуй его поймешь - так хочется ебаться - с розовыми яйцами, в пизду. И не долго думая просунул свой хуек между их животиков, совершавших нежнотрущиея

движения по отношению друг к другу орбитально и эйнштейно относительно затмительно, и ньтоновски гравитационнослительно.

- Какие тепленькие, потненькие животики, сколько от них исходит благодатнейшей энергии, какое целебнейшее биополе - и блядь, на хуй, и бесплатно - и ведь чтобы это знать - надо ведь это было взьебать-попробовать-вкусить. Ну хоть сейчас, ну хоть сейчас - на старость сороковнических лет, о, как это волнительно, - стонал про себя Гэлленчик, ебя Лорочку и Арамиссочку хуйком своим, блядь, между их животиков. Он даже просто фигурально объективно оставался неподвижным со своим хуйком в пространстве - трущиеся животики, отлизывающих свои клиторочки Иулитточки и Ларочки, сами собой орбитально делали свое священственное дело с его, блядь, безмерно благодарственным хуйком, судя по вздыханиям, которые хозяин хуя испещрял вокруг.

Минут через пятнадцать, оставшись такими же эгоисточками, но возжелав немножко мужской спермки и желая ощутить в своих красивых ротиках красивый мужской Бэллский членчик соблазнительный Иулиттка и Ларюшка одновременно, блядь, наперебой и наперегонки принялись отсасывать плотно надувшийся кровью ассирийский хуй восторженного Гэллика, и не удивительно, что еще через двадцать минут уже аравийский хуй изнемогающего Гэллика кончил в извержении на их счастливейшие личики - водопад-лавины белоснежной спермы кутерьму.

Но, как ни странно - после семяизвержения хуй Г.Б. не опустился - он хотел, братишки-кролики, еще. Тут Гэллик вспомнил свою былую молодость - свои семнадцать лет, когда не вынимая он мог кончать, блядь и по тридцать десять раз. От этого воспоминания он рьяно возбуждился, и сначала выебав и кончив в попке Арамисски - как в попке гостьи, а затем буяненко вонзившись в Ларочкину попку, и воскресил и в ней вздыхательные, стонущие, ахающие, шумливые благодарные стенания по поводу анальной еблительнейшей ебли. Хотя и сам стонал хуй, блядь, от удовольствия, но все ж как негр работал в аккурате на пизду. Тем паче все же ведь в последний раз в усладе пусть измается молочная девчоночка прекрасными минутами внедренья хуя во отверстие отверстия очка.

Потом Гэллен всем предложил поплескаться в душе. Он был гигиеничным и экологичным челобьеком. Лара это знала, как и Арамисска. И решив тцательно пополаскать Ларюшку перед красивейшем убийством в душе - он преследовал лишь простую незамысловатую бытовую цель - очистить ее кожу от шлакового пота и от ковровой пыли и прочей нечести микробной, прилипшей к ее коже, когда они все вместе сексуально кувыркалились на этом выдавшем виде, далеко конечно же не гигиеническом, хотя и во многом просто волшебном напольном коврик-паласе - с незамысловатым, блядь, рисунком - но воистину улетном-полетном ковре самолете сексораздольным, на хуй, в пизду.

Но Гэллик решил не только пополаскать Ларочку в душе. В душе он ее решил красиво и убить. И по эврикански шепнул об этом восхищенно Иулиттке, когда она уже первенькая, как гостья и чистенькая пава вышла, блядь, из душика и в душик следом запорхнула и Ларюшка.

Сначала Иулитточка сказала, что это как-то будет все очень банально - прирезать человечика, хоть и девочку, в душе, но тут же смирилась с предложением Гэллика и не смогла от него отказаться - не найдя контраргументов против душика: во-первых, душек был очень хорошо зазвукоизолироваан - как и на работе Гэлла все той же дармовой завязточной зазвукоизоляционной резиночкой. Да, блядь - все той же дармовой обязанной ему завязточной рабсиллой прозвукоизолировал Гэллен свой душик - тогда казалось, что и зря. Но ничего на свете не бывает зря. Уже в которой раз убедился Гэллен наяву в своем предвиденьи пророческих событий.

И хотя Гэлл мечтал убить Ларисочку красиво очень - как-нибудь поизвращенней, привязав ее ручонки к спиночке своей кроваточки, ее ножки тоже привязав к противоположной спиночки кроваточки, - сам мечтал сесть ей куда-нибудь голенькой попочкой своей на самые вопиющие ее голенькие грудочки с сосочками, как перламуторный, блядь, жемчуг, - дать ей программно пососать свой хуй, блядь, сколько хочет до изнеможенья. Потом закончить спермой, блядь, на самые глаза, потом уж, показав ей бритву или нож, убедить ее блядину в том, что сейчас ее убийство будет неизбежно, надрезать ей немножко веночку на ручочке, а возможно даже и на шейкочке, чтобы явно потекла пульсирующая кровь, и она Ларюшка это бы почувствовала всем своим телесным существом, и тут же, предложив ей в качестве последнего исполнения ее предсметного желания рассказать ей какую-нибудь андерсенскую сказочку про стойкого оловянного солдатика, и, даже, если бы она этого не захотела, - этой реальной волшебной сказочки - все равно насильно попытаться рассказать ей эту сказочку, - чтобы ценила, сука, благодетельность его. И вот уже во время рассказа этой сказочки она счастлива, что он убедил ее в том, как прекрасно и как красиво умереть под эту нетленнейшую сказочку Андерсена, он же, сказав завершающие слова этой сказочки, надрезает ей сначала глаза - как в фильме Бюнюэля, затем животик - как у благороднейшего японского самурая, а затем как Чикатилочка гебушный наносит ей бесконечнейшие удары ножом в ее сочненькую грудочку, вспоротый животик, в мраморные бёдрышки - и самозабвенно совершает-проверяет - эти ебательновращательные движения ножом,- и лишь на сотом ударе ножа Ларюшка испускает дух, ибо все удары ножом он старался бы делать кремовогоуманно проволшебно не смертельными.

Он конечно же читал про эти китайские волшебные казни и инквизиторские штучечки для пыточек в музее, блядь, на выставочке итальянской в петропавловской, блядь, крепостюшке лицезрейно-слюноотделейно был. Как он подчас жалел, что не родился в Китае китайцем, или в Испании в те добрые века и не был палачом да инквизитором, чтоб временное человечье убивать дерьмо во имя Вечности Божественной приличья. Но нет - он встанет над временем - как Афанасий, он встанет над временем и время будет ему подчиняться, и будет подчиняться Смерть, а стало быть и Жизнь, и он всамделишно вцарится над Приятностью Судьбы кончающим своим от крови хуем издрочителем.

И может быть от того, что он себя очень уж издрочил за весь сегодняшний день - этим представлением красивого, сказочноандерсеновского убийства Ларюшки, а может быть от того, что ему хотелось как можно быстрее вкусить ее печеночки, Гэллик Бэлл просто босиком пошел на кухню, взял столовый нож, которым он обычно резал и даже рубил небольшие кусочки мяса на гуляш, и, пригласив с собой, естественно, Иулитточку, зашел вместе с Иулитточкой в душ, в котором еще плескалась Ларискундия, и одним немученическим ударом ножом в сердце правой рукой со стороны спины убил ее, как часового - постового - только в душе - наповал. После чего, как ни в чем не бывало, тем же кухонным ножом тут же вырезал для себя ее печень, для Арамисской сердце, правда немного исколотое, как, впрочем, и печень, - положил все это дело на чешское блюдо, которое держала в это время алчущая сказочной жратвенки Арамисская, ополоснул руки и вышел вслед за Иулитточкой в гостинную.

- М-да - думал будет интересней, - сказал несколько разочарованный Гэллен.

- Ну, ты же хотел привязать ее к кроватке, рассказать сказку Андерсена, - я так хотела это видеть все, - на тебя понадеешься, - еще более разочарованно, вздохнувши, сказала Арамисская, отвернувшись к углу, на котором висела иконка Спасителя.

- Ну, в другой раз - дай Бог, не последний. - Гэллик обнял ее за плечи. - Ну под простынь надо было хоть какой-нибудь клеенки подстелить - сама-то о чем ты все думала? Простынь-то не жалко - можно выбросить. А матрас бы кровью пропитался. За этот матрас я отдал двести баксов. Тапида. Такая французская, или я не знаю какая там западная ебаная фирма - эта тапидища, блядь. Не ты покупала этот матрас, а он совсем еще новый - с того года. Мне на нем очень удобно спать, а на новый тапида я не хочу разоряться опять на двести зеленых долларов. Потом бы на пол бы кровь еще могла натечь. Тебе нужны вещественные доказательства - мне они, на хуй, не нужны, если откровенно, хоть тебя я и люблю.

- Но мне плевать! Ты обещал, сам хотел под сказку Андерсена, но не сделал - но мне плевать!!! Потом я, блядь, устала - ладно, на хуй - не обращай внимание на меня. Сам видишь. Этот Ф.Ф.Геймерзкий меня сегодня еще выебать хотел. Я ему хуй дала, блядь. Я ему откровенно сказала, что с тобой только что наебалась до усеру, блядь. Ну он сказал, что тогда тебя сейчас выебет, на хуй. Он даже хотел на спор - на триста баксов - чтобы я спряталась в одном из его шкафчиков и убедилась, что он тебя точно выебет и отдала бы ему за проигранный спор свою пизду, на хуй, на съедение. Он думает я что - совсем ебнулась с горя - совсем голодная неебанная что ли? Я сразу съеблась, блядь, когда он тебя вызвал. А он-то тебя выебал - этот старый пидарас - все забыла весь вечер тебя об этом спросить? - уже немного увлеченно, хотя усталость в ней очень все же чувствовалась от нервов, поинтересовалась Арамисская.

- Понятны теперь его гестаповские сведенья. Хуй педрила отсосал - даже сам не понимаю каким образом. Но я ему за это удовольствие, по-моему, нос там даже проломил. Хорошо что не по челюстяге ему вчумажил. Вообще бы он мне мог хуй спонтанно откусить. Рисковал, на хуй, хуем, блядь, своим. Да и он какой другою челюстягой тогда бы разговаривал и приказы, как начальник отдавал, не говоря о том бы, чем сосал слюняво молодецкие хуи.

- Это он может: схавать хуй, блядь, или клитор и не поперхнуться.

- Ты что, его давно уже ебала?

- Да нет - ну в его прежней газете - подруга у меня там Викулечка. Говорит, так любит клитора откусывать - только ему дай, блядь, на короночку всосать.

- Нет, ну он на людоеда-то похож. Говорит мне сегодня - поточнее этого маньяка описывай - пореалистичней - без фантазий. Ну и что, ну и грохнул я Ларюшу. Нет, возбуждает это, конечно, - это лучше, чем вообще ничего-то. Но я бы не сказал, что это верх блаженства. Хотя, может, устал - поэтому может такой индифферентизм - вполне вероятно. Может, сейчас печенки наверну - может, действительно вкушу забойную процессию Приятности, блядь, этой ебаной, по наученью Афанасья-маньяка. Но пока что-то совсем - просто разочарован исключительно. А этот маньяк вроде бы доволен печеня вкушать. Я его сегодня видел утром. Я тебе не говорил?

- Да пока что нет.

- Нет, ну клоун - абсолютный философский безграмотный клоун-самоучка. Нет, ну может быть надо как-то более спонтанно кого-нибудь грохать - без предварительных намерений. И кого-нибудь, кого как бы совсем не знаешь. Я не знаю. Он говорит, что спонтанней это лучше.

- Ну, он прав. Как мы сегодня на работе у тебя в душеике спонтанно-то ебались резво, блядь. Даже с Лорочкой не так было сейчас интересно, пока она была жива еще на этом коврике. Хотя, может я тоже черезчур устала. Все-таки эта журналистская эксклюзивная газетная писанина так чертовски достает своим мерзким первоочередным бытовизмом. Надо первыми, первыми, первыми про что-то все

писать, про то, что какие-то политические мудаки кого-то первые выебали в жопу, а не их выебали те, кого они первые выебали. И хочется все же в это время быть не в вонючей неотремонтированной редакции с этими вечными советскими недодавленными тараканами типа даже нашего старого пидара Ф.Ф. - хочется в это время быть где-нибудь на Карибах - как все приличные люди отдыхают. Миллионера что ли какого-нибудь подцепить, грохнуть его что ли? Самой или вдвоем. Вроде бы совсем не сложно, пока молодая, совратить, и внешность еще есть. Тебе же я понравилась. Ну тебя, в конце концов, попросить же могу теперь кое, блядь, о чем сакральном.

- Да можно - только осторожно - какие проблемы. Ну так кушать бум?

- Бум, - с этими словами Иулитта подошла к столу, на котором был поднос и с ее «заказанным» парным сердечком милой Лорочки несчастной, отрезала маленький кусочек на пробу, тщательно разжевала его и проглотила. - Я думаю, что в сыром виде-то и лучше. Но не хватает соли, - посолила.

Гэллен тоже отрезал кусочек своей парной Ларискиной печеночки, тщательно разжевал его и проглотил. - А может с лимонным сочком - надавить? - предложил.

- Это идея - это изумительнейшая идея в подуставший вечер, - воскликнула даже не раненой птицею чайкою А.

- Ну так, ведь рожаем иногда, - сказал не менее восторженный Гэллен, побежал на кухню, надавил из двух лимонов сочка, после чего плеснул лимонного сочка на печень и на сердце, достал из холодильника французского вина, и наша роковая пара дико с аппетитом принялась уминать натурально добытую свежайшую еду, и пребывали в явнопищевом не только, блядь, восторге грешные негодники они.

После трапезы Гэллен кинулся к компьютеру и добивал статью про маньяка до трех часов ночи. После чего не поленился пойти в ванную, расчленив Ларюшкины мясокостеные телеса, и ухитрился сварить все ее членности в двух больших кастрюлях одновременно на двух газовых конфорках. Затем отделил от костей сварившееся мясо, пропустил его через мясорубку и спустил в туалет. Разделанные кости он аккуратно сложил в полиэтиленовые непрозрачные пакеты. И только в шесть часов утра ему удалось нырнуть в постель, согретую Арамисской. Он ей даже кинул пятнадцатиминутную, но довольно зверскую палку, после чего буквально вырубился и уснул.

Иулитта его разбудила уже телефонным звонком из редакции в двенадцать часов дня.

Она взяла дискету из его компьютера и уже показала Ф.Ф.Гомерзкому его последнюю, только что в ночи законченную, статью о маньяке Афоньке. И по ее словам, издавший разные статьи Ф.Ф.Г. просто изошелся в похвальбах. - Так реалистично и при этом так художественно, и при этом так отстраненно, и при этом так фактурно, фигурально, физиологически, детально, оставаясь при этом доподлинно в шкуре маньяка, при этом так поэтично, романтично, с юмором - просто на уровне Андерсеновской сказки. Да, - повторяла Иулитта слова Ф.Ф. и продолжила еще,- хоть это и статья про серийного убийцу маньяка, но статья всем своим художественным образным строем и уровнем напоминает гносеологическую народную даже и сказку, - и добавила, что Фалассий Фалалеевич Геймерзкий все это говорил каждому сотруднику, входившему в его кабинет, при этом просто причитая и кончая, с кого надо всем брать в редакции пример, и так далее, и далее, и далее. - Короче тебя все ждут, все тебя хотят - приезжай незамедлительно немедленно.

Гэллен поднялся с постели, принял душ. Поставил греться чайник. Потом он взглянул в целлофановые пакеты, в которых находились Ларюшкины кости, подумал, куда бы их сбросить, - лучше всего на какую-нибудь свалку, где полно

голодных собак, - тут же вспомнил, что недалеко от их дома находится именно такая просто идеально пригодная для этого случая свалка, заварил себя чая, нарезал сыра и батона, почему-то искал в холодильнике Ларюшкину такую вкусную печень, но тщетно - не нашел оставленного кусочка, ибо и вчера ему показалось мало, когда за буквально десять минут он расправился со всей ее свежей печеночной, блядь, «очищальной» природной ее крови когда-то находившейся при ее теле, и ни кусочка этой печенки не смог оставить на завтра сегодня на завтрак. Да и Иулитточка сердце нежной Лорочки скушала зараз. - Не такие уж большие печень с сердцем оказывается у нимфеточного в прошлом человека во пизде. Только и хватает, что на зубик.

После этих сожелительных раздумий Гэлл оделся, не забыл взять косточки, отнес их на свалку собачкам, убедился, что каждая собачка принялась жадно сничтожать своими зубками Ларюшкину вкусную косточку, - после чего Гэллен вполне спокойный и удовлетворенный поканал в редакцию свою, собака хуже сам.

И когда он пришел - уже сегодняшняя планерка была в самом разгаре.

Только Гэллен переступил порог кабинета главного редактора, как ему практически весь коллектив редакции устроил бурнейшую овацию. Минут пять назад, как Ф.Ф.Г. в качестве примера, блядь, таланта Бэллла кончил читать всем сотрудникам газеты его новую статью о маньяке, и все были просто в ошеломительнейшем восхищении. Гэллу поднесли бокал шампанского и он его с удовольствием выпил. Потом было несколько похвальных речей. Кроме Ф.Ф. в венценосных эпитетах изошелся и заместитель главного редактора по религии, и, конечно, Иулитта Арамисская, и даже заместитель банкира, который во время чтения Ф.Ф. статьи о маньяке Афоньке не прекращал свою любимую игру в ножички, тем не менее - ушки его были на макушке, и он попросил свое важное слово после Заславвжопского златоустца, и высказал это значимое свое короткое, но не менее весомое предложение. Он сказал - я привожу его предложение буквально, - «Две с половиной тысячи баксов,» - с этим предложением, он вытащил из партмонэ означенную сумму во зеленых и вручил ее Гэллену, даже не глядя ему в глаза, после чего тут же направился к своей специальной скамейки для игры в ножички, но о чем-то спохватился, встал на первый попавшийся стул и, как древнеримский оратор добавил: «Почему не три, или даже почему даже не четыре тыщи этих долларовых баксов? Да потому что на подсосе жизнь в работе должна быть только жизнью впереди!» После чего, как пуфик, спрыгнул со стула и уже спокойно, как человек, покончивший со всеми делами, и честно и достойно исполнивший свой человеческий и профессиональный долг - сел за свою тренировочную скамеечку для игры в ножички, и продолжил подбрасывать согнутый под углом в девяносто градусов ножичек, с тем чтоб тот перевернулся в воздухе несколько раз и потом обязательно воткнулся в скамеечку. И заместитель банкира газеты был просто счастлив как ребенок, когда ножичек действительно втыкался, и еще более был счастлив, когда жопка ножичка при этом оставалась на весу, и под нее можно было засунуть два или три пальчика, а то и все четыре. И можно было только догадываться с кем и на какие деньги он играет в эту игру в ножички на шикарных виллах-дачах в уикенды, или просто каждый день после отсидочной в редакции работы, - но, судя по его откормленной ряшке - он тренировался так усердно, блядь, совсем и не зря. Да он просто получал ни с чем для него не сравнимое удовольствие от этой тренировочки - если уж честно говорить и напрямик. Ведь так было приятно смотреть на его воистину благодатное лицо в три-четыре бодборodka - будто Бога из Тибета самого.

Через пару дней, когда вышел очередной номер газеты, статья Гэллена действительно произвела фурор в расследовательской криминальной журналистике. Говорили просто о микронном таланте Бэллла описывать все мельчайшие подробности переживаний маньяка, особенно, когда он вспарывает своей неминуемой жертве животик, вытаскивает печень и что самое необычное и интересное - так это было то, что сырую печень он поедает теперь вместе со своей, пока неизвестно откуда взявшейся возлюбленной, которой, впрочем, нравится не печень, а сердечко. И просто всех читателей умилил момент, когда они все втроем занимались изначально сексом, а потом в лимонном соке пожирали сердечно-печеночные внутренности, хотя уже и не целочки, но все же полноценнейшей пиздятьельной нимфеточки. И больше всего всех читателей поразил изысканнейший аромат гуманного пафоса этой буквально новой во всех философских и прочих отношениях статьи, где нет добра и зла, а есть одна лишь мудрость искушения-вкушения Труда во Имя Вечности с блягушками Пруда. И в тоже время статья была расследовательски реалистической, чисто фактологической и криминальной, как любит весь простой народ не только и московский.

И уже для очередной следующей статьи Арамисская специально подыскала для Гэллена и для, естественно, себя - красивенького четырнадцатилетнего мальчика, и в очередные уикенды она пообещала этому мальчуганчику свозить его на тачке покупаться в речке. И вот они повезли его на речку, но до речки не довезли, но выбрали, тем не менее, очень красивую солнечную цветочную поляночку в лесу, там завязали ему ротик, предварительно засунув в ротик пластмассовый шарик пингпонговый, потом же привязали к ручкам и ножкам по одной веревочке, а потом этими всеми веревочками привязали к деревцу. Потом, естественно, раздели мальчика уже с помощью безопасной бритвочки. И он им действительно понравился к тому же. Он их очень вдохновил. Гэлленчик поцеловал Иулитточку благодарным продолжительным засосом и не решался надрезать мальчика в каком-нибудь местечке его розового тельца безопасной бритвочкой - уж очень хотелось Бэлелюнчику продлить удовольствие убийства. Но, если не начать постепенно убивать мальчика, то, в общем-то тоже удовольствия от убийства не получается. Удовольствие от убийства получается - когда убиваешь. Но вот, когда убиваешь - в результате клиент умирает, и потом ты его можешь резать не резать, убивать не убивать - но он уже мертв, чебурашка - и удовольствия тоже уже нет - оно мертво. Оно мертво, блядь, удовольствие в мертвом теле не живом. Поэтому остается одно - убивать как можно помедленней. И они очень медленно убивали этого мальчика. Гэллен засек время - этого мальчика они убивали четыре часа с четвертью, при этом каждую минуточку по очереди с Иулиткой они наносили каждый своей персональной отдельной безопасной бритвочкой надрезик тельца мальчика. И может быть можно было убивать этого мальчика и еще не меньше двух часов, но в лесу подул холодный ветерок - начиналась гроза - до дома надо было добираться по проселочной дороге. Потом Гэллен и Иулитта уже проголодались - поэтому они решили вспороть впопыхах уже мальчика, вытащить у него печеночку и сердце, и сделать роскошный пикник, пока, не дай Бог, дождик не нарушит все их уикендные лирические планы. Что и было сделано. Но, к сожаленью, после того как мальчик был вспорот и из него вытащили печень и сердце - мальчик и действительно в самом, блядь, деле перестал мучиться, а стало быть Гэллен и Арамисская перестали получать удовольствие от мучений мальчика - потому что мальчик был готов. Но они продолжали получать, конечно, удовольствие от печени и сердца мальчика, полив все это дело опять же лимонным соком, выдавленным из

припасенных заранее лимончиков - четыре штучки за десятичку-червончик в электричке.

И обо всем об этом маньячном удовольствии все того же прежнего Афоньки, как бы маньяка, Гэллен подробнейшим образом написал уже в следующей статье - тем более этот мальчик был каких-то очень известных родителей, и многие масмедия уделили этому убийству много времени и места на своих страницах и экранах.

Но Бэлл, конечно, превзошел всех масмедийных писарей в описаниях мистически реалистических подробностей при описании этого убийства, и, конечно же, - в моральном осуждении маньяка - ибо кому, как не Гэллену, необходимо было покаяние, а тут такой роскошный случай публичного покаяния, - и никто не знает кроме Бога обо всем. Поэтому Гэллен и превзошел всех. Потом это было уже его второе профессиональное убийство. Он учел все просчеты и недочеты первого - когда Ларюшу они убили - скорее, он один убил очень быстро, не получив от того убийства максимального удовлетворения. Хотя то убийство было хорошо по-своему. Это как цветы в букете: нельзя сказать, что один цветок лучше другого - они все неповторимы, все они прекрасны, но самый первый сорванный цветок - как первая любовь.

Таким же образом была написана и третья статья совсем реально про красивое убийство с печенью, съеденной вместе с сердцем, и четвертая, потом статья и пятая. Множество столичных периодических изданий тут же попытались сманить Бэллла Гэлла, как им казалось более приличными гонорарами. Им было неизвестно, что кроме тех трех и четырех даже тысячь долларов, которые ему вручал заместитель банкира газеты публично на планерке у главного редактора Ф.Ф., все время с грустью отрываясь от тренировки в игру в ножички, Гэллика еще пригласил и сам главный банкир их газеты господин Яэвсс и вручил ему целых двадцать тысячь долларов зараз за искусство. Он так, впрочем и сказал: получите за искусство. Искусство бесценно, и уж - извините - возьмите, пожалуйста, эти бумажные параллелепеды зеленосерого цвета с изображением незнамо, блядь, не русского кого.

И за ни с чем не сравнимое удовольствие убивать, и за необходимейшее вслед за этим удовольствием поеданием печени, а следом за удовольствием публичного пред Богом газетного покаяния, Гэлл Бэллл еще получал большие деньги, да в валюте.

Как казалось он был абсолютно счастлив вместе с обворожительнейшей Иулиттой Арамисской. Они вскоре даже справили свадьбу. И Иули на самом деле просто расцвела от этих совместных лирических убийств с сердцем поеданием своим и совместных покаяний. Гэллену не надо было даже просить Иулитточку написать что-нибудь о ее волшебных ощущениях. Как только они возвращались после очередного убийства и пикника из печени и сердца под французское вино - благо на французское вино у них стало достаточно денег - они просто наперегонки бросались к своим компьютерам и вжаривали каждый по своей статье, а потом вместе превращали две статьи в одну под подписью Гэллена.

Гэлла совсем не поразило, что почему-то утих - не объявляется народно в своих убийствах Афанасий. Ведь зная его почерк убийств и быв в курсе всех убийств даже по стране, Гэллен профессионально определил - да - Афанасий убивать прекратил.

Когда прошла всего лишь одна неделя без убийств с почерком Афанасия - Гэллик как будто не придавал этому особого значения, но вот прошла вторая неделя, третья. Гэллен уже чисто профессионально с Арамисской красиво мучили и убивали очередных мальчиков и девочек, - даже уже был рекорд убивать одного детского человеческого экземпляра по девять часов скряду, прежде чем вырезать у еще

живой дышащей жертвочки печень, а потом и сердце, - но маньячных убийств Афанасия не было и не было.

Поначалу Гэлл всё-таки решил, что Афанасий попросту простудился и заболел какой-нибудь там ангиной или гриппом, но время шло - ангина или грипп, если они и были - должны были давно пройти, а убийств от Афанасия все не было и не было. Гэллен даже подумал, что не случилось ли с Афанасием что-нибудь там посерьезней - попал под машину, зашибли ногами наркоманы, когда он в двенадцать часов, например, возвращался домой, или просто сам упал и разбился со ступеньки какой-нибудь не освещенной и тем более поломанной какой-нибудь ступеньки - упал у самого подъезда на крылечке, и никто ему не смог в ночи помочь.

Но на пятый месяц своего молчания Афанасий объявился по телефону, позвонив уже самолично на работу Гэллену. Гэлл как раз прошлифовывал последнюю статью собственного позавчерашнего убийства одиннадцатилетней девочки. Эту девочку с Арамисской они просто засунули в очень прочный, но прозрачный специальный целлофановый мешок, набитым не одним десятком подвальных мышей до самого ее горлышка и завязали на этом ее горлышке бельевой верёвочкой. Ну и рот девочке, конечно, тоже завязали. Иначе ее голос мог слышаться в лесу на многие километры. Жалко что в этот раз Гэллен и Иулитта не смогли покушать свои положенные печеночку с сердечком - ибо эти мышки действовали как пираньи - они сожрали малышку девочку за час и кроме головы, практически ничего больше не оставили. И через прочный, но прозрачный полиэтилен все это было прекрасно видно. И хоть статья должна была выйти послезавтра - слухи об этом дьявольском убийстве распространились уже по всей столице.

И так, Гэллену позвонил Афанасий. Голос у него был немного надломленный. Гэлли предвкушал. Афонькин не стал ни о чем говорить с Бэлли, даже не поздравил Гэллена с очередным прекраснейшим убийством, - просто попросил Гэлла завтра с ним встретиться. Гэллен предложил Афаньке встретиться в том же скверике, на том же месте, как и в первый раз, - на что Афанасий сказал, что все равно им надо будет поехать за шестьдесят километров от столицы, чтоб погулять в тамошнем лесу, где им никто не будет мешать, и где он готов будет отдать Гэллу и его любимой все их причитающиеся регалии и полномочия. Гэллен троглодитски-сладострастно тут же согласился, даже и не оповестив заранее Иулитту - он твердо знал, что они на встрече с Афанасием будут обязательно вместе. - Догадался, бля, чертяга, что я не один воркую по пружинкам одноклеточных материй пищевых. - В профессионализме Афанасия сомневаться было грех.

Единственное что взяли с собой на эту встречу с Афанасием Гэллен и Иулитта - были два безопасных лезвия. Если б Афанасий взял на эту встречу хотя бы нож и захотел бы этим ножом их прирезать - они бы даже вдвоем были бессильны оказать Афанасию сопротивление. Но Афанасий взял на встречу только облаченного в одежды бытовые самого себя. И Гэллен предвидел это стопроцентно.

Они все мило поздоровались, даже поцеловались на платформе электрички, где Афанасий их уже ждал минут двадцать, ибо приехал на предыдущей. И молча, как влюбленные, они все пошли не спеша в лес. Афанасий по дороге даже нарвал белых одуванчиков и сделал себе из них веноч, и надел его себе на голову: «На кого я похож?», - спросил после этого он.

- Ты похож на бессмертного чаровника, - немного льстя, подбодрил его Гэлли.

- А теперь? - при этих словах Афанасий, снял веноч, сдунул с одуванчиков их семенные парашютики и вновь водрузив облупленный веноч себе на голову.

- Теперь Афанасий похож на мокрого воробья, - улыбнулась искренне Иу.

- Это не смешно. Но, Боже - как мне это нравится, о как мне это нравится!!! Ведь это же Приятность сука, блядь, Сама Царица Колдуница снизошла на мчашуюся в космосе, блядь, Землю!!! - стал немного матерно и вычурно восклицать Афанасий, как только Иулитту угораздило сравнить Афанасия с мокрым воробьем. И тут же, забежав с проселочной безлюдной дороги немного в лесную чащу, он принялся сбрасывать с себя все свои одежды, затем разбежался и что есть силы ударился как баран о большую ствольную березу и уже с окровавленной головой повалился на ее выступающие из земли корни. - Делайте со мной что хотите, но только пожалуйста - очень медленно убейте. Вы Короли Нетленного Убийства. Я знал: для того, чтобы стать Королем Убийства, надо обязательно было учиться в институте. Но вот я поленился - а лень, видите, к чему приводит. С высшим гуманитарным образованием, с газетной, журналисткой, гуманитарнейшей профессией вы меня обошли и обогнали в вашем Страшном Королевстве Непотяжно Сказачных Убийств - просто застрелиться моментально, - и он как ребенок захныкал.

- Ну давай вместе, Афанасий, - давай вместе будем кокать Непотяжно Сказочно и Страшно. У тебя такое сильное биополюное самообразование - куда нам до него, - ведь самые сильнообразованные люди - это люди с самообразованием, - стал утешать его Гэллен.

- Да - самое сильное в человеке образование - это самообразование, - тавтологично поддерживала мысль Гэллена Арамисская. - Ты, конечно, Афанасий, но дурак. Быстренько давай одевайся, а не то, как маленький простудишься.

- Если вы меня сейчас сами медленно не убьете - я сам начну есть землю под этой березой до смерти и стану подберезовиком, как другие становятся подснежниками, - и в подтверждении своих слов Афанасий тут же взял горсть земли, запихал эту землю себе в рот и проглотил. - Не хотите - как хотите - я и сам управлюсь, - он опять взял горсть земли и проглотил. Потом Афанасий увидел какую-то гнилую дождевую лужу, подкрался к ней на четвереньках и отпил из нее водицы. - Можно и запить. Полнейший сервис на природе, а главное бесплатно.

- Но ты умрешь же, Афанасий от брюшного тифа или холеры - что ты делаешь - какой же ты глупенький преглупенький - прекрати сейчас же! Гэлленчик, что же ты стоишь - ведь он действительно умрет! Как мы без него будем жить, как мы без него будем дальше убивать, мечтать и снова убивать?! Ведь мы все время о тебе думали и тебя вспоминали, когда убивали, Афанасьюшка, - просто причитала Иулитта.

- Ну и пожалуйста, думайте и вспоминайте - теперь еще вам будет проще, - оправдывался неугомонный и упрямый Афанасий, проглатывая и запивая очередную порцию земли водой из лужи.

С Афанасием было спорить бесполезно. Раз он решил, что не он Король Убийств - значит решил. Может он был и не прав, но он был упрямым человеком, и спорить с ним было бесполезно.

- Я, пожалуй, умру в этой луже. Если вы меня медленно убивать не хотите - я по быстрому умру в этой луже - только, пожалуйста, не вытаскивайте меня потом отсюда и сами никому не сообщайте в органы. Пусть кто-нибудь меня найдет, Очень СТРАШНО испугается, и пусть он сам, меня нашедший человек, позвонит в милицию, а вы его потом найдете и Коварно, и Жестоко Кокните этого человека. Хорошо?! Я жду ответа!!! Хорошо????!!!

- Хорошо. - Сказал печальный Гэлли. Печальный от того, что Афанасий сейчас должен умереть, а не от того, что надо будет Грохнуть Очень ЖЕСТОКО и СТРАШНО того нашедшего труп Афанасия человека. Это ради Бога - это можно, бля, как ритуал установить.

- Он наверно и маму-то никогда не слушался, - беспомощно вздохнула Арамисская.

- А вот маму я слушался - не надо, пожалуйста, перед смертью на меня наговаривать лишнего. Хорошо? Ладушки?

- Хорошо, пусть будет даже эти ладушки твои, - также беспомощно, но выдохнула воздух уже Арамисская из своей взволнованной груди, поняв, что ничего нельзя поделаться с иррационалистом Афанасием.

После этих слов Афанасий направился в центр лужи, где была относительная полметровая глубина и со словами: «Такая дистиллированная прекрасная дождевая водица - в ней так прекрасно утопиться - буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль», - как мрачный философский клоун погрузился в нее с головой, захлебнулся и утонул.

- Печальная история, - сказал Гэллен и обнял Арамисскую за плечи, глядя, как от головы Афанасия к поверхности лужи поднимаются красивые предсмертные воздушные пузыри, хотя внутренне в душе был необычайно удовлетворен тем, что он - Гелли - по сути любитель Убийств, наконец расправился со своим профессиональнейшим соперником просто маленькой пружинкой чёрной зависти его.

- Да уж, да уж, - покивала своей симпатичненькой головочкой немеренно потерянная Иулитточка, подняла с подножия березы оставленный Афанасием облупленный венчик из одуванчиков и бросила его на лужу - как раз на то место, где нашел покой их Афанасий.

Когда они вышли из леса и пришли на железнодорожную платформу - они увидели, что электричку в столицу поджидает маленькая, трогательная, заплаканная девочка - лет одиннадцати.

- Ты едешь к маме в столицу? - участливо поинтересовалась Арамисская.

- Я еду от мамы в столицу, - серьезно и грустно ответила красивая девочка.

- А тебя можно проводить? - еще более доверительно, чем Иулитточка спросил Гэллен.

- Если хотите - проводите, - ответила уже повеселевшая девочка.

И они все вместе зашли в подошедший поезд на Москву.

Но как только поезд тронулся - какая-то неведомая сила оторвала весь состав от рельс и он, извиваясь как червь, стал уноситься в неизвестную галактику с несчастными людьми, которые и выпрыгнуть, блядь, даже не успели с громадной несусветной высоты.

Афанасий ЭТО видел сквозь водичку лужи, грязь, опавшие листочки сверху лужи и травинки. Он мило улыбнулся, перевернулся на бочок и продолжал спокойно умирать на дне метровой лужи дождевой, лесной - не ключевой и с Белоснежной, сука, Завистью своей!

Он был убийцей, людоедом - да! Но пидаром, тем паче, блядь, интеллигентским - он не был никогда.

Москва, 2001

//Волохов М.И. Игра в жмурики: Сочинения//Магазин искусства. 2001.